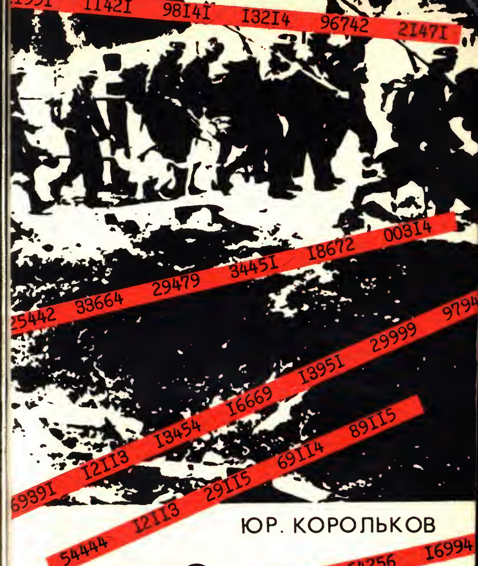


ЮР. КОРОЛЬКОВ

54444 I2II3

ГДЕ-ТО В ГЕРМАНИИ...

I2I3I 64256 I6994

7469I 5227I III24 I733I 29843

ЮР. КОРОЛЬКОВ

ГДЕ-ТО В ГЕРМАНИИ...

Документальная повесть

Издательство
политической литературы
Москва · 1971

9(М)72
К68

Корольков Ю. М.

К68 Где-то в Германии... Докум. повесть. М., Политиздат, 1971.

255 с. с илл.

1941 год... Из различных районов Германии уходят в эфир группы непонятных цифр. Гестапо сбилось с ног, пытаясь обнаружить таинственные передатчики, но долгое время его усилия оставались безуспешными. Между тем в Москву продолжала поступать секретнейшая информация из «третьего рейха»... Кто же были они, эти неуловимые герои-подпольщики, как они действовали, во имя чего шли на смерть? Об этом и рассказывает новая книга Ю. М. Королькова.

1—3—3
181—70

9(М)72

ОТ АВТОРА

Несколько лет назад, собирая материал об антифашистском движении в Германии, я приехал в Берлин в поисках новых документов.

Однажды с моим немецким другом (ныне его уже нет в живых) мы пошли на кладбище, где после войны немногие из уцелевших подпольщиков установили каменный обелиск с именами своих павших соратников. Тесная тропинка вела мимо старых могил, вдоль кирпичной стены, отделявшей кладбище от городской улицы и соседнего парка. Была весна, деревья только начинали покрываться листвой, еще прозрачной и нежной.

За деревьями высился холм, тоже покрытый зеленью. От моего друга я узнал, что когда-то на месте холма стояла мрачная башня с литым бетонным козырьком и множеством амбразур — долговременная огневая точка гитлеровцев. Таких крепостных сооружений понастроили много. Послевоенному Берлину они стали не нужны, но взрывать их было рискованно: можно повредить соседние дома, и решили их просто засыпать щебнем — чего, чего, а щебня в поверженной столице рейха хватало. На возникших холмах высадили саженцы, теперь они превратились в большие деревья. С уродливыми башнями-крепостями поступили так же, как с бункером новой имперской канцелярии — последним убежищем Гитлера. Во всем этом было нечто символическое — демократический Берлин глубоко похоронил старое, фашистское прошлое...

Обнажив головы, мы молча стояли у каменного обелиска перед именами павших борцов. Многие из

имен я знал: Ильза Штёбе, Харро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак, Эрика фон Брокдорф... Я знал про самоотверженную борьбу этих людей, про горький их конец. Задумавшись, мы не сразу заметили человека, подошедшего следом за нами. Он стоял позади, тоже обнажив голову, и держал шляпу в руках. Потом спросил, не помешает ли нам его присутствие, и назвал себя: Леонард Крум из Франкфурта-на-Майне.

Так мы познакомились с адвокатом Крумом. Это был человек выше среднего роста, элегантно одетый, с открытым лицом и умными, внимательными глазами. Он сказал, что приехал по делам на несколько дней в Берлин и вот выбрал время, чтобы почтить память людей, которых никогда не знал лично, но перед мужеством которых преклоняется.

С Леонардом Крумом мы встречались затем еще не раз, и он рассказал мне историю, которую с его разрешения я привожу здесь. На первый взгляд рассказанное Крумом не имеет прямого отношения ко всему повествованию. Но это не так. В его рассказе я увидел, насколько прошлое смыкается с настоящим и как осмысление этого прошлого помогло человеку, в общем-то далекому от политики, многое понять и пересмотреть в своей жизни.

В этой книге я изменил лишь некоторые имена, а некоторые события сместил во времени. В остальном я ни в чем не погрешил против истины.

ГЛАВА I

ПОИСКИ АДВОКАТА КРУМА

1

Супруги Штайнберг растерянно остановились на углу Свен Гединштрассе у «бомбен-парка» — аккуратного скверика, втиснутого между домами.

Скверик точно повторял планировку большого — на весь квартал — здания, стоявшего здесь до войны. Война отошла в прошлое, и зеленые пластыри «бомбен-парков», разбросанные по всем городам послевоенной Германии, создавали видимость благополучия, скрывали разрушения, причиненные бомбардировками. А стены домов, с трех сторон ограждавшие скверик, прикрытые раньше фасадами красивых зданий, обнажили вдруг всю свою неприглядную наготу — обшарпанную штукатурку, потемневший кирпич, проемы окон, выложенные тусклыми стеклянными блоками, похожими на днища винных бутылок. Впрочем, сейчас всю пятиэтажную высоту стен прикрывали броские, намалеванные люминесцентными красками рекламные щиты торговых фирм.

На другой стороне улицы на месте былых руин поднималось новое здание из стекла и бетона, пока еще загороженное полотнищами из грубой ткани.

Штайнберги в раздумье стояли у стены углового дома, где под рекламным щитом висело множество белых эмалевых табличек с фамилиями и адресами адвокатов.

— Может быть, поедем на Ратенау-плац,— неуверенно предложила фрау Элизабет. Она протерла платочком пенсне и осторожно опустила его в нагрудный кармашек.

— Там будет дороже,— ответил Эрнст.— Неизвестно еще, что из всего этого выйдет... Может быть,

вообще ничего не получится. Не стоит прежде времени сорить деньгами. В центре все дороже.

— Тогда пойдем к кому-нибудь здесь.

Эрнст вдруг рассердился. Элизабет раздражала его неопределенностью своих советов.

— Ха!.. К кому-нибудь! — вскипел он.— Скажи, к кому! Здесь целая улица адвокатов.

— Ну выбирай, я не хочу спорить,— примирительно сказала Элизабет.

Он закурил сигару. Эрнст позволял себе такое удовольствие лишь в исключительных случаях. Сигара его несколько успокоила. Супруги Штайнберг снова принялись перечитывать эмалевые таблички.

Они прожили вместе больше четверти века. За эти годы мимо них прошло столько событий: была Веймарская республика с послевоенной инфляцией, когда деньги ровным счетом ничего не стоили; горел рейхстаг, гитлеровцы укреплялись у власти. На Гитлера делали ставку. Поначалу все было хорошо, нацисты не жалели слов, кричали о «лебенсрауме» — жизненном пространстве для немцев, о превосходстве германской расы, сулили райскую жизнь. Они захватили Европу, двинулись на восток. Многим хотелось урвать кусок пирога, обещанный Гитлером, и Эрнст вступил в национал-социалистскую партию, одно время был даже блокляйтером в своем районе. Правда, недолго.

В конечном счете фюрер не оправдал надежд. Теперь Штайнберг проклинал фюрера, но своей вины ни в чем не ощущал. Он ведь не участвовал в преступлениях, старался, как и многие другие, не замечать происходившего. Какое отношение имеет к нему, хозяину маленькой лавочки, то, что было при Гитлере... Песчинка он на морском берегу!

Эрнст умел считать пфенниги, даже в отношениях с Элизабет... «Едем дас зайне!» — каждому свое, как гласит библейская мудрость. Это изречение, написанное плотным готическим шрифтом с цветными буквицами, Эрнст заключил в рамку и повесил под стеклом на видном месте в гостиной рядом с портретами родителей. Предки словно напоминали о мудрости веков, строго взирая на живущих в их доме.

Все в жилище Штайнбергов подчинялось заповеди собственников. Каждый супруг имел свою сберегательную книжку, каждый отдельно вел свои финансовые дела, отдельно учитывал доходы и расходы и даже паек, причитавшийся им по карточкам, фрау Элизабет и рассудительный Эрнст хранили отдельно. Сахар стал в большой цене, когда после капитуляции оккупационные власти ввели продовольственные карточки. Чтобы не портить отношений, Штайнберги по отдельности ходили в магазин, приносили домой кулечек с сахаром, и Элизабет, сосчитав кусочки, перекладывала их в эмалированную сахарницу, а Эрнст хранил свой сахар прямо в бумажном пакете, засовывая его поглубже в ящик кухонного стола.

Так и дожили бы супруги Штайнберг отведенные им судьбой годы, одинокие друг подле друга, если бы не обстоятельства, понудившие их совместно обратиться к помощи адвоката.

Шевеля губами, Эрнст беззвучно перечитал все таблички, потом несколько раз ту, что висела последней.

— Я думаю,— сказал он,— это нам подойдет — солидная фирма.

Он ткнул пальцем в табличку: «Адвокатская контора Крум и сын».

— Не будет ли слишком дорого?

— А ты бы хотела даром?

— Но ты сам только что говорил...

Эрнст отмахнулся и пошел вперед.

— Запомни адрес,— бросил он на ходу.

Владелец адвокатской конторы Леонард Крум жил на шестом этаже, в старом запущенном особняке довоенной постройки, и супруги Штайнберг изрядно намучились, поднимаясь по крутой лестнице. Эрнст уже на полдороге стал раскаиваться, что выбрал этого адвоката: сюда лишний раз не придешь.

— Солидные люди открывают свои конторы не так высоко, если нет лифта. Они заботятся о клиентах,— сказал он, останавливаясь, чтобы передохнуть.— Этот Крум должен был написать, какой этаж... Незачем вводить людей в заблуждение...

— Внизу было написано,— робко возразила Элизабет.

Эрнст не ответил. Не возвращаться же теперь назад! И супруги побрели дальше — впереди тучный Эрнст, за ним высокая, сухопарая Элизабет.

Дверь открыла молодая женщина в белом переднике и кружевной наколке.

— Вы к господину Круму? Пройдите в кабинет, вот сюда, он сейчас выйдет... Леонард, к тебе посетители! — крикнула она и скрылась за дверью.

Стены кабинета сплошь были заставлены книжными стеллажами; книги лежали на подоконниках, на столе, заваленном бумагами и папками. Рядом с настольной лампой высился громоздкий том свода имперских законов. Эта книга в прочном кожаном переплете с потускневшим золотым тиснением сразу заставила Эрнста Штайнберга проникнуться доверием к адвокату. Он собрался что-то сказать по этому поводу Элизабет, но тут в комнату вошел адвокат — человек средних лет, с приятным интеллигентным лицом, в костюме из серого трико в узкую полоску.

— Чем могу служить, господа? Я в вашем распоряжении.

Эрнст назвал свою фамилию, представил Элизабет.

— Нас интересует наследство дальних родственников, умерших во время войны,— сказал Эрнст.— Нам нужно получить ваш совет. Может быть, вы взялись бы вести это дело?

— Вам просто повезло, господа,— воскликнул адвокат.— Моя контора занимается главным образом вопросами наследства. И я не помню случая, чтобы мы проиграли какое-либо дело... Скажите, есть и другие претенденты на это наследство?

— В том-то и дело... Но предварительно нам нужно уточнить некоторые обстоятельства.

— А именно?

Эрнст замялся, заерзал на стуле.

— Мм... Да... Наследство, которое мы рассчитываем получить, принадлежало семейству Герцель. Ингрид, которая доводится племянницей моей супруге, и ее мужу Клаусу. Вот мы и хотим...

— У вашей племянницы были еще другие родственники? — спросил Крум.

— Нет, она была моей единственной племянни-

цей,— воскликнула Элизабет.— Она считала меня своей матерью...— Фрау Элизабет достала из сумки платочек и приложила к глазам.

— Тогда кто же еще может претендовать на ее наследство?

— Родственники мужа нашей племянницы. Они тоже хотят получить это наследство...

— А он жив, муж вашей племянницы?

— Нет, он тоже умер.

— Когда?

— Тоже во время войны, в сорок третьем году. Почти одновременно.

— Что значит — почти? Они умерли своей смертью?

— Не совсем...

Крум заметил скованность и замешательство своего клиента, попытался ему помочь.

— Они стали жертвой войны?

— Не в том дело...

Эрнсту Штайнбергу стало явно не по себе. Лицо его отражало напряжение. Поперек лба между сросшимися лохматыми бровями появилась глубокая складка, по лицу пошли красные пятна.

А что, если рассказать ему все? Эрнст беспомощно оглянулся на Элизабет, но та безучастно уставилась на оконные шторы, положив на колени сухие узловатые руки. Нет, от нее помощи не дождешься.

— Знаете что, господин адвокат,— выдавил он наконец,— давайте начнем с другого конца: сколько будет стоить, если вы возьметесь вести наше дело?

— Этого сказать я пока не могу. Как велико наследство, на которое вы претендуете?

Эрнст снова повернулся к Элизабет:

— Как ты думаешь, сколько стоит дом, в котором жила Ингрид?

— Не знаю. В доме пять комнат, подвал, паровое отопление. Большой сад, дом стоит на берегу озера... Все это стоит денег...

Эрнст не дал Элизабет закончить фразу — сболтнет еще лишнее. Он назвал примерную стоимость усадьбы.

— Конечно, это приблизительно, может быть, немного меньше или больше.— Эрнст покрутил кистями

рук, округлив растопыренные пальцы, будто держал в руках невидимый футбольный мяч.

— Отлично, стоимость мы уточним в исковом заявлении,— сказал Крум.— Пока возьмем за основу вашу сумму. Я должен буду получить умеренный гонорар — обычный процент с предъявленного клиентом иска. Половину вы заплатите при подписании контракта, остальные — по окончании дела. Ну и, конечно, судебные издержки.

— А вдруг мы не выиграем дела? — спросил Эрнст, прикидывая, во что ему обойдется вся эта затея.

— У меня такого не бывает! — самонадеянно воскликнул Крум.— Если я вижу, что дело бесперспективно, я просто за него не берусь, ограничиваюсь лишь юридическим советом. А это стоит сущие пустяки.

— В таком случае давайте начнем с совета,— робко произнес Эрнст.

— Отлично! Видите, мы уже находим с вами общий язык, господин Штайнберг. И еще одно маленькое условие: если вы хотите, чтобы я взялся за ваше дело, доверьтесь мне, как на исповеди. Говорите со мной так же откровенно, как говорили бы с душеприказчиком. Беседа с клиентом — наша профессиональная тайна... Хотите кофе? — Не дожидаясь ответа, Крум позвонил, и почти тотчас же в комнату вошла молодая женщина, открывавшая им дверь. Она внесла на подносе сахарницу и три чашечки кофе.

«Не должен бы вроде обмануть»,— пронеслось в голове Штайнберга. И он решился.

— Видите ли, как я уже сказал, дом, о котором идет речь, принадлежал Герцелям — нашей племяннице и ее мужу,— доверительно начал Эрнст.— Долгое время они не жили в Берлине, где они были — мы не знали. Потом оказалось, Ингрид жила в Вене... Так вот, однажды летом в середине войны получаем мы от нее письмо... из тюрьмы, из Плетцензее. Она писала, что ее с мужем арестовало гестапо. Был суд, и их приговорили к смерти. Письмо короткое, на полстраницы. Она просила позаботиться о ее девочке. Оказывается, у Ингрид была дочка. Если бы не письмо, мы и не знали бы о ее существовании. Ингрид

написала, что, кроме тети Элизабет, у нее нет родных на всем свете. Вспомнила про нас, когда мы ей понадобились.

— Когда зто было? — спросил адвокат, делая пометки в настольном блокноте.

— Как раз перед троицей, а умерли они вскоре,— вступила в разговор фрау Элизабет.

— Подожди, я расскажу сам,— перебил ее Эрнст.

— Нет, нет, я это лучше знаю,— запротестовала Элизабет.— Тебя тогда не было дома, и мне одной пришлось переживать... Мужа тогда взяли в армию,— пояснила она,— правда, ненадолго.

— Это верно,— согласился Эрнст.— В войне я, слава богу, не участвовал, у меня нашли грыжу. Ну говори...

— Я и говорю... Недели через две пришла бумага от коменданта суда. В ней было написано, что Ингрид и Клаус Герцель были приговорены к смерти и казнены в тюрьме Плетцензее, и мне, как единственной родственнице, следует оплатить расходы по их казни. К бумаге был приложен счет — сколько следует заплатить за гроб, за саван, палачу, выполнявшему казнь... Что поделаешь, пришлось платить. Правда, я доказала, что муж племянницы — Клаус — имеет своих родственников, заплатила только за нее.

— Подождите, подождите,— перебил Крум.— Начнем по порядку: вы получили письмо от Ингрид Герцель, которая просила вас позаботиться о ее дочери. Так?

— Так. О дочери моей родной племянницы,— подтвердила Элизабет.

— Что же было дальше? Вы нашли девочку? Где она сейчас?

— В том-то и дело, что неизвестно,— снова заговорил Эрнст.— После войны мы старались ее найти, но нам сообщили, что о судьбе девочки ровным счетом ничего не известно. Вы же знаете, что детей государственных преступников отправляли в приюты, меняли им имена и фамилии. Может, она и жива, но найти ее уже невозможно. Об зтом мы получили официальную справку. И теперь единственной законной наследницей нашей племянницы является фрау Элизабет. Не так ли?

— Но почему вы не взяли девочку сразу, как только получили письмо? Вам непременно зададут такой вопрос в суде.

Эрнст Штайнберг ждал этого вопроса. Он помолчал и ответил:

— Вы сами знаете, господин адвокат, какое это было время: подтвердить, что ты родственник государственных преступников, значило бы самому накинуть себе петлю на шею.

— И по этим причинам вы так долго не поднимали вопрос о наследстве?

— Совершенно верно! Сначала опасались гестапо, потом, когда кончилась война, началась денацификация, искали виновников войны, преступников. Но какой я преступник? Доказал, что к войне я не имел никакого отношения, в армии служил всего полтора месяца, к тому же в тыловых частях. Конечно, мне удалось доказать свою непричастность ко всему, что было; смешно — я всего лишь маленький человек... Но на все это потребовалось время...

— Ну хорошо, а к кому же вы намерены предъявить свой иск? Кто фактически владеет спорным наследством?

— Вот! Мы подошли к главному, что привело нас к вам, господин адвокат. В доме нашей племянницы живет сестра Клауса Герцеля, живет незаконно. Почему мы должны лишаться собственности, которая по закону принадлежит нам?.. Конечно, пока сестра Герцеля не должна знать о том, что мы намерены предпринять. Мы скажем ей, когда вооружимся документами.

— Но сестра умершего Клауса Герцеля имеет юридическое право на часть наследства.

— Ну, пусть на часть, но не на все же! А сейчас она одна пользуется садом, домом,— воскликнула Элизабет.

— Опять ты говоришь не то. Раз право на наследство принадлежит нам, при чем здесь часть? Мы подтвердим свои права на имущество, и она вообще ничего не получит. Главное — доказать это. За тем мы и пришли к вам, господин адвокат.

— Я еще не понимаю, что должен сделать,— сказал адвокат Крум.— Пока я не вижу оснований к то-

му, чтобы суд удовлетворил полностью ваши требования. Иск может быть удовлетворен только частично.

— Послушайте меня внимательно, господин адвокат.— Эрнст хитровато ухмыльнулся (главный козырь он пока придержал).— Скажите: если бы умер один Клаус Герцель, а наша племянница была жива... Кому бы осталось наследство — ей?

— Да, закон предусматривает преимущественное право наследования одному из супругов, оставшемуся в живых.

— Точно! — подтвердил Эрнст.— А теперь представьте себе, что наша племянница, вступив в права наследства, тоже вскоре бы умерла. В таком случае Элизабет Штайнберг, урожденная Вайсблюм, единственная родственница умершей, имела бы юридическое право получить все наследство?

— Да, это верно.

— Так вот, прежде чем начинать судебное дело, надо установить, кто умер первым. Ингрид Герцель и ее мужа казнили в один и тот же день. Но кого — первого? Если первым умер Клаус Герцель, владелицей всего имущества стала наша племянница, а после ее смерти все наследство должно перейти к моей жене — вот к ней! Правильно это с юридической точки зрения?

«Э, да этот Штайнберг не такой простак, как показалось на первый взгляд!» — подумал Крум.

— На нашем языке,— сказал он,— это называется юридический казус. Логически вы правы. Закон о наследовании не предусматривает продолжительности владения собственностью.

— Я тоже так думаю! — торжествующе произнес Эрнст.— Вы поняли теперь, что нам нужно, господин адвокат? Нужно знать точно, кого из супругов Герцель первым лишили жизни. От этого и зависит, кому достанется наследство. Мы ни с кем не желаем делить то, что принадлежит нам по закону. Ради этого стоит постараться, не так ли? Говорят, в Плетцензее остались тюремные архивы. Нас к архивам не допустят. А вас... Не смогли бы вы, господин Крум, заняться этим делом — поискать в архивах нужные документы?.. Ну и, конечно, надо получить копию

счета начальника тюрьмы, по которому фрау Элизабет заплатила собственные деньги за казнь племянницы. Письмо подтвердит, что моя жена — единственная родственница погибшей Ингрид... Ну как?..

— То, что вы мне рассказали, несомненно, представляет интерес с точки зрения юридической практики... Но я должен подумать...

— Чего же здесь думать! Вы получаете гонорар, мы — принадлежащее нам наследство... Все по закону.

— Кроме закона есть еще другая сторона дела.

— О вознаграждении не беспокойтесь, в накладе не останетесь.— Эрнст по-своему понял раздумья адвоката.

Последнее время дела адвокатской конторы «Крум и сын» шли далеко не блестяще. Клиентов почти не было. Едва удавалось сводить концы с концами. На деле Штайнберга можно кое-что заработать. И ситуация сама по себе из ряда вон выходящая. Действительно любопытный юридический казус. Можно сделать так, что об этом деле станут писать в газетах — отличная реклама для фирмы. Но, с другой стороны, в предложении клиента было что-то нечистое. Крум еще не до конца понимал, что именно. Вероятно, цинизм, с которым Штайнберг излагал историю гибели своих родственников, рассчитывая извлечь выгоду из этих трагических событий. Но какое в конце концов ему до этого дело? К тому же он ни в чем не преступит закона.

— Хорошо, я согласен,— сказал вдруг Крум. Он перекинул листки настольного календаря.— Сегодня вторник... Приезжайте в пятницу, мы подпишем контракт.

— А нельзя ли, господин адвокат, сделать это в четверг? — попросил Штайнберг.— Не люблю начинать дела в пятницу...

— Тогда приезжайте в четверг, во второй половине дня.

Эрнст остался доволен беседой с адвокатом. На лестнице он сказал фрау Элизабет:

— Видела, как нужно проворачивать дела! Главное сейчас — получить документы, а дальше любой

адвокат за полцены согласится вести этот процесс.— Эрнст удовлетворенно потер руки, будто заключил выгодную сделку.

Супруги, не торопясь, прошли по Кайзерштрассе к вокзалу, остановились перед окошком билетной кассы. Элизабет порылась в кошельке, ища мелочь.

— Ладно, я заплачу,— снисходительно сказал Эрнст.— Не забудь только, что за тобой еще двадцать пять пфеннигов.

Супруги скрупулезно вели взаимные финансовые расчеты.

2

Прошло больше месяца, прежде чем Леонарду Круму удалось получить разрешение ознакомиться с тюремным архивом в Плетцензее. И все это время Штайнберг каждый день звонил адвокату по телефону, дважды приезжал к нему в контору, нетерпеливо выспрашивал, когда же он наконец сможет получить нужные материалы.

Задержка же произошла потому, что архив военных лет, хранившийся в Плетцензее, все еще находился в ведении британской администрации. Настороженный английский чиновник, к которому явился Крум, долго выспрашивал адвоката, почему он вдруг заинтересовался делом погибшей Ингрид Герцель. Крум не хотел раскрывать своих намерений, а сослался лишь на поручение своего клиента — подтвердить официально смерть родственницы, казненной по приговору нацистского суда.

— Вопрос идет о наследстве,— пояснил Крум сидевшему перед ним майору.— Война оставила нам много запутанных дел.

Англичанин внимательно изучил доверенность Штайнберга, затем попросил адвоката письменно изложить его просьбу и пообещал рассмотреть ее в самое ближайшее время. Ответ пришел через неделю: английский майор сообщал, что, по сведениям, которыми располагает военная администрация, Ингрид Герцель в списках заключенных тюрьмы Плетцензее не значится...

Крум продолжал настаивать на своем. Тогда ему предложили самому удостовериться, что в регистрационных книгах заключенных тюрьмы Плетцензее нет фамилии женщины, которую он ищет. Служитель архива положил перед Крумом десяток толстых, как библии, переплетенных томов с бесчисленными фамилиями людей, которые хотя бы сутки пробыли в тюремных камерах Плетцензее.

До боли в глазах, строку за строкой Крум добросовестно перечитывал эти мрачные списки. Он перелистывал списки сорок второго года, заглядывал в сорок третий, возвращался к началу войны,— фамилии Ингрид Герцель не было!

— Попробуйте обратиться в другие тюрьмы,— сказал сотрудник архива, неотступно находившийся в комнате, пока Крум просматривал списки,— заключенных часто переводили из одной тюрьмы в другую.

В тюрьме Моабит, как и в Шпандау, тоже ничего найти не удалось. Круг замкнулся. Казалось бы, адвокату следовало примириться с постигшей его неудачей. Но Крума подстегивало не одно лишь соображение, что ему придется возвращать Штайнбергу деньги, которые он получил при подписании контракта. Владелец адвокатской конторы не хотел признать себя побежденным. Не может быть, чтобы он не сумел найти следов Ингрид Герцель!

И вдруг... Еще в разгар поисков Крум написал в Вену приятелю и однокурснику, тоже адвокату, который после войны переселился в Австрию. Крум просил его не посчитать за труд узнать в архивах центральной тюрьмы все, что известно об Ингрид Герцель, арестованной гестапо и, по его предположениям, содержавшейся в венской тюрьме. И вот ответ Фридриха пришел.

«Дорогой друг и коллега Леонард! Боюсь, что тебя не удовлетворят полностью результаты моего посещения архива. Заключенной по имени Ингрид Герцель в списках центральной тюрьмы я не обнаружил. Но мое внимание привлекла другая фамилия — Вайсблюм, Ингрид Вайсблюм, после которой в скобках стоит Герцель. Может быть, это то самое, что ты ищешь. На всякий случай посылаю тебе копию пре-

проводительного письма начальника венской тюрьмы в Берлин.

Желаю тебе успеха и хорошего гонорара!

Обнимаю, твой Фридрих».

Так это же девичья фамилия Ингрид Герцель! — обрадованно воскликнул Крум.

— Мари,— позвал он жену,— кажется, мы все же напали на след... Как это я не сообразил искать Ингрид Вайсблюм!

В копии препроводительного письма начальника тюрьмы было сказано:

«Берлин, Принц-Альбрехтштрассе, Главное управление имперской безопасности, господину группенфюреру СС Кальтенбруннеру.

По Вашему запросу направляю следственное дело № 1736/42 подсудимой Ингрид Вайсблюм (Герцель), обвиняемой в подготовке государственной измены.

Приложение: Вместе с делом на 27 листах прилагается анкета обвиняемой Ингрид Вайсблюм (Герцель), рожденной в городе Вупперталь 14 апреля 1915 года».

Письмо было подписано начальником венской центральной тюрьмы Виттенбергом.

И снова начались поиски в архивах берлинских тюрем. Теперь Круму уже легче было искать эту женщину. Он знал ее настоящую фамилию, номер следственного дела и примерную дату, когда Ингрид Вайсблюм была доставлена в одну из берлинских тюрем.

В Плетцензее Леонард Крум установил, что обвиняемая Ингрид Вайсблюм поступила сюда в конце сорок второго года из следственной тюрьмы Моабит. Удалось обнаружить и ее следственное дело — розово-серую папку с надписью: «Ингрид Вайсблюм. Подготовка государственной измены».

Но папка оказалась почти пустой. В ней лежала единственная бумажка, написанная от руки: «Изъято и приобщено к делу «Красная капелла»». И еще пачка ротаторных матриц, жестких, будто металлических, листков с текстом обвинительного заключения. Вероятно, матрицы были использованы для размножения документа и случайно остались в папке.

Адвокат благодарил судьбу и рассеянность человека, который забыл уничтожить эти матрицы.

Крум поднял к свету первую страницу и с трудом начал разбирать строки, тускло просвечивающие сквозь лист матрицы. Затем взял второй, третий... Прочитал все до последней страницы. Перед ним раскрывалась трагическая судьба неизвестной ему женщины...

3

...Когда это было? Ингрид мучительно напрягала память, но не могла сообразить.

Тогда она начала вспоминать детали. Было, кажется, воскресенье. Ну конечно! В тот день она не ушла на работу и с утра возилась с Леной. Ингрид давно обещала дочери поехать с ней на Леопольдсберг, погулять, полюбоваться Веной. Девочка была возбуждена, не хотела завтракать, торопила и просила вплести ей в косы голубые ленты. Они были мятые, а гладить не хотелось. Вынула из шкафа белые, Лена расплакалась, пришлось уступить. Поэтому на Леопольдсберг поехали позже, чем предполагали.

Но все же, когда это было? — неделю, месяц назад или только вчера... Бетонный ящик камеры с тусклым окном и железной дверью путает представление о времени. Лучше считать по допросам... Сначала ее привезли в гестапо. Вечером... В тот же день или на другой?.. Что же было потом? Допрашивал молодой, учтивый следователь в эсэсовской форме... Нет, это было позже, а сначала уточнили только ее фамилию, адрес и увели в камеру. Тот, вежливый, говорил с ней на другой день. В его кабинете горел свет. Зеленый абажур был разбит. Словно нарочно. Яркий свет резал глаза. А следователь оставался в тени, она не могла разглядеть его лица. Он сказал ей: «Напрасно молчите, мы все знаем. Послушайте моего совета, говорите».

Но она молчала. Тогда следователь подошел ближе. Ингрид сидела на стуле и глядела на него снизу вверх. Он был много моложе ее, почти мальчик. На его лицо падала зеленая тень абажура, и оно

было очень бледным. Над верхней губой пробивались усики. Тоже зеленоватые. Следователь посмотрел на нее и вкрадчиво спросил:

— Итак, будете говорить?

Она не ответила.

Тогда он ударил ее по щеке раскрытой ладонью. Ударил, как девку. Ингрид закрыла лицо руками... Следователь снова сел в кресло.

— А теперь?

Она молчала. Усилием воли остановила слезы. Юнец следователь стукнул вдруг в тишине комнаты кулаком по столу. Ингрид вздрогнула... Она больше не слышала, что говорил, что спрашивал у нее следователь. Молчала... Потом ее били, били до потери сознания. Следователь, выведенный из себя молчанием женщины, велел бросить ее в карцер. Ингрид провела страшную ночь. Она вся сжалась и отпрянула в сторону, когда в темноте прикоснулась рукой к липкой, холодной стене; боялась пошевелиться, чтобы еще раз не испытать этого омерзительного чувства. Сидела на полу камеры с затекшими суставами, наклонившись вперед, хотя так мучительно хотелось опереться о что-то спиной, дать отдых задеревеневшему телу. Так продолжалось до самого утра. Ее снова увели в камеру.

За дверью загремели ключи, щелкнул запор. В камеру вошла смотрительница.

— Днем на койке лежать запрещено. Иди на допрос,— сказала буднично, ворчливо, без злости.

Ингрид поднялась. Боже, какая тяжелая голова! Поправила волосы. Она была все в том же сером костюме, в котором ее арестовали. В сочетании с бледно-зеленой блузкой он очень к ней шел. Огорчилась, когда в то воскресенье увидала крохотное пятнышко на юбке. Боже мой, на что он теперь похож.

Сзади шел коренастый эсэсовец. Он молча шагал по каменным плитам длинного, гулкого коридора, цокал подковами тяжелых ботинок и только изредка говорил отрывисто, нехотя:

— Направо! Вниз! Прямо! Стой здесь!

На притолоке двери эмалевый номер — комната тридцать четыре. Ингрид бывала уже здесь на допросах. Солдат постучал, пропустил ее вперед...

За столом сидел человек в эсэсовской форме. Когда Ингрид вошла, он перевернул текстом вниз лежавшую перед ним бумагу.

— Ингрид Вайсблюм? Садитесь... Мне поручено сообщить, что следствие по вашему делу закончено. Я должен ознакомить вас с обвинительным заключением.

Чиновник раскрыл плотную серовато-розовую папку с готической надписью «Фольксгерихтсхоф» — народная судебная палата, перелистал первые страницы, начал читать. Читал он медленно, внятно, выделяя отдельные фразы тем, что повышал или понижал голос.

Ингрид слушала этого чужого человека, который врывался в ее судьбу, ворошил события ее жизни... Через ее биографию он пытался раскрыть образ ее мыслей, взгляды и настроения. Но зачем все это? За что ее хотят судить?! Ведь она же ничего не совершила. Какое право они имеют копаться в ее жизни, трогать самое сокровенное? И как они могли все это узнать? Откуда?

Ингрид слушала рассеянно и равнодушно. Чтение обвинительного заключения не мешало ей думать. Это было канвой, на которой возникал узор далеких воспоминаний.

Да, родилась она в Вуппертале, жила в Вене. Сейчас ей двадцать шесть лет... Правильно — отец был музыкантом в оркестре Венской оперы.

Ингрид хорошо помнила отца — в черном сюртуке с крахмальной манишкой и «щекотными» усами, как она говорила. Таким отец сохранился в детской памяти: нарядный, пахнущий дорогим одеколоном, уходящий по вечерам в оперу с неизменной скрипкой в темном блестящем футляре. С годами в усах замелькали седые искорки — их становилось все больше. Тускнел футляр, протирался на сгибах, появилась штопка на сюртуке. Жить становилось труднее... Внешность отца менялась, но в памяти он оставался все таким же — человеком с добрыми, усталыми глазами.

Из оркестра отца уволили, когда усы у него были совсем белыми. Ингрид помнит разговор о каких-то листовках. Ночью пришли жандармы, перерыли

квартиру. Ничего не нашли, но с тех пор жизнь переменилась. Словно никак не удавалось навести в доме порядок после налета. На стол больше не стелили скатерть, помятая белая манишка валялась в шкафу, отец не ходил больше в оперу...

Человек в черном военном кителе, сидевший за столом перед Ингрид, прочитал и об этом; отец был уволен из оперы за связь с левыми элементами.

Теперь отец уходил из дому только днем. К вечеру возвращался растерянный, грустный. Он не находил работы. Музыканту помогли устроиться на фирме «Братья Шульц» — клерком. Братья Шульц занимались оптовой торговлей брикетами, углем. Обо всем знает этот человек, вызывавший все большую неприязнь! Когда вспыхнули уличные бои в Вене, Ингрид была уже взрослой девушкой. Они попрежнему жили втроем в той же квартирке, выходившей на суетливую набережную Дуная. Тетя Урзула, хлопотливая старушка, родственница отца, занималась хозяйством. О матери отец никогда не говорил. Только при одном упоминании о ней он становился замкнутым, недоступным. Добрые глаза его холодели, и Ингрид казалось, что в них появлялась скрытая боль. Много позже она поняла: отец никогда не мог ни забыть мать, ни простить ее.

Об этом чиновник не говорил, в розово-серой папке об этом ничего не было...

Во время боев отец целую неделю не ночевал дома. Вернулся усталый, разбитый, когда в городе прекратилась стрельба. Шуцбундовцы были разгромлены. Вскоре Ингрид с отцом эмигрировали в Советский Союз. Она прожила там несколько дольше отца. Отец переехал в Швейцарию, потом в Берлин. Там он и умер, а Ингрид возвратилась в Австрию.

Ингрид знала: у родителей где-то в Берлине был свой домик, но после их разрыва отец говорил — его нога никогда не переступит порога этого дома. Он остался верен своему слову, хотя тетя Урзула не раз заводила разговор — хорошо бы всем вернуться под свою крышу.

Все произошло, когда отец жил в Швейцарии... Кажется, они не знают о том, что было тогда. Как это хорошо! Значит, даже они не в силах знать все.

Чиновник, сидевший за столом, только прочитал: «Была замужем, имеет ребенка, который родился в Вене».Чиновник лизнул палец, перевернул страницу и продолжал читать дальше.

Ингрид сидела напротив, полузакрыв глаза, положив на колени руки. Как далеко унесли ее воспоминания! По времени и расстоянию... Не знают, не знают... Никто не знает. Это ее сокровенное. Ведь о ребенке не знает даже Клаус, она ничего ему не сказала, когда он уезжал в Испанию. Клаус так и не вернулся к ней. Ну что ж! У них был договор — всегда поступать так, как подсказывают чувства...

Конечно, она продолжала любить Клауса, хотя все эти годы убеждала себя, что все уже прошло, выветрилось... Ничего не прошло... Как живо встало все в памяти, будто это было совсем недавно...

Она жила в Крыму на берегу моря, в санатории, где отдыхали шуцбундовцы и другие эмигранты, нашедшие приют в Советской стране. Отец уже уехал в Швейцарию, часто писал, тосковал. Она тоже скучала. И вот Клаус, немецкий эмигрант, сероглазый, высокий и совсем некрасивый. Что привлекло ее в нем?

Ингрид полюбила страну, которая стала пристанищем для изгнанников, таких, как она или ее Клаус. С каким уважением относилась она к жившим здесь людям, таким простым, отзывчивым, не похожим на тех, с которыми приходилось встречаться на западе! Клаус тоже так думал. Но он восхищался больше их самоотверженной смелостью, восхищался упорством, с которым они боролись и строили. Тогда ей казалось, что с этого все началось — они одинаково думали. Но Ингрид просто полюбила Клауса...

В Москву они вернулись вместе, на другой день пошли в загс, а через месяц Клаус уехал в Испанию, в батальон Тельмана. Но почему этот человек за столом перестал читать?

Чиновник глядел на нее с удивлением. Странная женщина! — сидит с закрытыми глазами и таким счастливым лицом... Ведь ей же читают обвинительное заключение.

— Вы слушаете?

— Да...

Она приоткрыла глаза. Нет, нет! Они ничего не знают! Ингрид торжествовала, но обаяние наплывших воспоминаний рассеялось. Она стала внимательно слушать. О чем он читает?.. Странно, Ингрид даже не знала таких подробностей.

Чиновник перешел к изложению последних событий:

«В конце июля 1941 года,— читал он,— обвиняемая Ингрид Вайсблюм, получив сведения о секретном производстве на военном заводе, пыталась передать эти сведения вражеской стране».

...В то воскресенье Ингрид долго гуляла с дочерью.

Ингрид любила созерцать Вену с высоты Леопольдсберга. Какой изумительный вид! С вершины город был хорошо виден — с тонкими шпилями старинных соборов, с браслетами парков, ажурными мостами через Дунай. Слева была видна зеленая полоса лугов, дальше, прижимаясь к дамбе, лежал подковой Старый Дунай с желтыми песчаными отмелями, словно написанными акварелью. А еще дальше холмы Венского леса зелеными волнами набегали на город. И все это в тонкой, прозрачной дымке, еще не успевшей рассеяться с утра...

Ингрид сидела на садовой скамейке в уединенной аллее и любовалась Веной. Она взяла с собой книгу, но читать ей не хотелось — рассеянно следила за девочкой, игравшей рядом. Как удивительно похожа она на Клауса! Даже ямочка на подбородке и что-то неуловимое в разрезе глаз, особенно когда она вскидывает брови. Говорят, девочки, похожие на отца,— счастливые.

В сквере было пустынно.

Только у фонтана бегали дети, гоняясь друг за другом, и сидели несколько женщин. Еще был старик с тростью, зажатой между коленями. На трости висел его котелок, и он блаженно подставлял голову солнечным лучам.

Ингрид хорошо помнила, о чем она тогда думала. По радио передавали о новых успехах на фронте. Бои идут за Смоленск. Это, кажется, совсем недалеко от Москвы. Ужасно! Неужели в России будет, как во Франции... Нет, нет, такого не должно произойти...

Эти сводки. Каждый день, каждый день... И бесконечные победные марши по радио. Можно подумать, что вся страна только и делает, что марширует под барабанную дробь и визгливые звуки фанфар. Ингрид перестала слушать радио.

Внимание Ингрид привлекли негромкие голоса. Сзади, скрытые живой изгородью, разговаривали двое мужчин. Они сидели так близко, что к ней доносился запах табачного дыма. Мужчины курили, и голубоватый дымок просачивался сквозь кустарник. Собеседники неторопливо обменивались новостями.

— Слыхал? Бои идут под Смоленском,— сказал человек с хрипловатым голосом.

— Да, теперь дело пойдет быстрее. Фюрер обещал, что солдаты вернутся домой к рождеству.

— Не торопись. Говорят, русские дерутся как черти.

— Ну и что? — судя по голосу, второй собеседник был моложе.— Все равно скоро будет конец,— сказал он.— Что русские сделают против наших штукасов, против танков? У них же ничего не осталось. На месте русских я поступил бы иначе — французы сделали куда умнее.

— И все же война скоро не кончится. Мой Йозеф пишет, что каждую деревню приходится брать с боем.

— Подожди, подожди. Недели через две им поднесут такую пилюлю, что они ахнут.— Говоривший понизил голос, но Ингрид отчетливо слышала его слова.— У нас, на «Герингверке», заканчивают испытания. Я тебе говорю — это стоящие машины! Ходят по земле и под водой. Им не нужно никаких переправ. Машины готовят для восточного фронта. Там что ни шаг, то речка...

Ингрид насторожилась, замерла, стараясь не пропустить ни одного слова. «Боже мой, неужели это будет!» Она плохо разбиралась в военных делах, но представила вдруг, как множество мокрых железных чудовищ выныривают из воды и рвутся на занятые русскими позиции... Неожиданное всегда бывает так страшно...

Мужчины продолжали разговор. Ингрид поняла, что речь шла о заводе подъемных сооружений, который потом стал называться «Герингверке». Она

знает этот завод — на берегу Дуная, немного выше города. Как все это страшно!..

Ингрид ощутила себя одинокой и беспомощной. Случайность позволила ей приобщиться к такой важной и такой грозной тайне. Но что она может, что? В своей стране, в своем городе она словно в пустыне. С кем ей посоветоваться, кому рассказать, а главное как предупредить русских?

Грош цена ее любви к Советской России, приютившей ее с отцом в трудное для них время, если сейчас она ничем не может помочь людям, сражающимся против фашизма... Что же делать?

Ингрид знала: в Германии, в Австрии есть много недовольных. Гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Вот и этот старик, греющий на солнце лысину, возможно, тоже не поддерживает Гитлера. Думает так же, как и она... Как и она! — Ингрид презрительно скривила губы: — В своей квартирке брюзжит шепотком, осуждая гитлеровские порядки.

А какой от этого толк? Выходит, пусть русские сами выкручиваются! А мы лишь преклоняемся перед их героизмом, сочувствуем, соболезнуем. Но разве так поступали русские?! Они пришли на помощь республиканцам в Испании, предлагали помощь Чехословакии. Впрочем, Клаус ведь тоже уехал в Испанию. А она бездействует... Что же делать, что делать?!

А что, если пойти в американское посольство — вдруг подумала Ингрид — и обо всем рассказать там. Как она сразу не сообразила! Американцы поддерживают англичан, союзников русских. Значит, успех русских им тоже не безразличен. Они помогут.

Те двое, повергшие Ингрид в такое смятение, давно ушли, а Ингрид все еще сидела в сквере и мучительно думала.

Надо немедленно действовать! Ингрид порывисто поднялась со скамьи, подозвала девочку. Она не думала об опасности. Это пришло позже. Охваченная нетерпением, она долго ехала трамваем, потом торопливо шла по улице, залитой солнечным светом. В конце пути ее начали вдруг одолевать сомнения. Как отнесутся к ней в американском посольстве, что подумают. Ингрид показалось, что все подозрительно

на нее поглядывают, будто догадываются о ее мыслях. Чепуха! Надо вести себя спокойно. Хорошо, что с ней Лена. Женщина с ребенком не привлекает внимания.

За углом Ингрид увидела здание посольства с высокими колоннами у входа, с лепными карнизами с въевшейся в камень патиной.

Следовало пересечь улицу, но Ингрид решила сначала пройтись по солнечной стороне, чтобы проверить, не наблюдает ли кто за посольством. Так и есть! Как раз против здания с колоннами лениво прогуливался худощавый мужчина, оглядываясь по сторонам. Он взглянул на Ингрид, осмотрел с головы до ног и с нарочито безразличным видом принялся читать афишу.

Ингрид прошла до перекрестка и повернула обратно. Худощавый шел ей навстречу. Тревожно захолонуло сердце. Конечно, она вызвала подозрение у шпика. Но мужчина вдруг остановился, поздоровался с женщиной, шедшей впереди нее, взял ее под руку, и они, улыбаясь, прошли мимо Ингрид.

Вот глупая: с чего она взяла, что за ней могут следить? Надо уверенно войти в посольство, а в случае чего сказать, что она хочет навести там справку о дальнем родственнике, живущем в Америке.

Без колебаний Ингрид перешла улицу, подошла к массивным дверям с начищенной до блеска медью и позвонила.

— Могу ли я поговорить с кем-нибудь из посольства? — спросила она швейцара.

— Простите, но уважаемая госпожа, вероятно, забыла, что сегодня воскресный день.— Швейцар был предельно вежлив.

— Но мне нужно срочно поговорить по важному делу. Доложите! — Ингрид сказала это очень настойчиво. Швейцар смотрел на нее в раздумье.

— Как разрешите сказать?

Ингрид об этом и не подумала.

— Скажите Алиса Ифлянд,— назвала она первое, пришедшее на ум имя.

Ждала в холле у окна, прикрытого желтыми шторами. Тишина и прохлада стояли, как в храме.

Ленка тянула домой, ей надоело стоять без дела.

Через несколько минут по мраморной лестнице спустился цветущий, плотно сложенный человек в светлом спортивном костюме. Швейцар почтительно шел сзади.

— Чем могу служить? Прошу вас! — он жестом пригласил Ингрид пройти в приемную. Американец говорил с мягким акцентом.

— Я хотела бы вам сообщить...— Ингрид запнулась, перевела дыхание и заговорила быстро, быстро, как бы опасаясь, что у нее не хватит смелости сказать все до конца.— На заводе «Герингверке» закончились испытания подводных танков... Для восточного фронта. Это очень опасно для русских. Сообщите им... Пожалуйста! Только вы можете это сделать...

Сотрудник посольства испытующе посмотрел на Ингрид. Не скрывая усмешки, сказал:

— Вы пришли не по адресу, мадам. Мы не занимаемся шпионажем.

— Да, но вы...

— Я повторяю, мадам, мы нейтральная страна и не занимаемся шпионажем. И вам не советую этого делать.

По улице шла с пунцовыми щеками. Как нелепо и глупо! Конечно, он подумал, что меня подослали. Так нельзя было делать... Приняли за шпионку...

Ингрид заметила наконец, что девочка давно теребит ее за сумочку.

— Да, Лена... Хорошо, хорошо, куплю. Только не сейчас,— слова дочери не доходили до сознания Ингрид.— Что тебе купить?.. Ах, пойти на Дунай. Потом, девочка, в следующий раз.

4

Ингрид пришла в себя только дома. Успокоилась и стала думать. Прежде всего надо сделать так, чтобы ей поверили. Нужна какая-то рекомендация. Если бы найти чьих-то знакомых в посольстве... Но где их найти? Может быть, через Грюнов? Да, да, самое подходящее. Грюн когда-то был адвокатом, старый приятель отца. Оба жили в Германии и почти одно-

временно переехали в Вену. Возможно, он и сейчас работает адвокатом. У него большие связи, он посоветует.

Грюны жили за рекой. Ингрид не видела их давным-давно, но смутно помнила адрес. План сложился такой: придет и спросит совета — через кого можно связаться с американским посольством. Конечно, он спросит — зачем? Хочет найти кузена своего отца. Нужно только возможно естественнее выразить удивление, когда Грюны скажут, что ничего о нем не слыхали. Ингрид уверена, что ее просьба не вызовет подозрений, сейчас так модно искать американских родственников. Даст понять, что ее будто бы интересует наследство.

Все получилось, как и предполагала Ингрид. Приятеля отца застала в саду. Возился с яблонями. Узнал не сразу, потом обрадовался. Угощал свежей малиной. Грюн всегда гордился своим садом. Ингрид осторожно перешла к интересующей ее теме.

Грюн одобрил идею Ингрид — надо найти дядю и, если удастся, поехать к нему в Америку. Конечно, сначала надо обеспечить связи в посольстве. Может быть, следует кого-то заинтересовать материально. Для начала Грюн порекомендовал Ингрид обратиться к его знакомой — фрау Шенбрун. Она с мужем держит фотографию, у нее есть приятели в американском посольстве.

Старый адвокат тяжело поднялся с плетеного кресла, принес из дома записную книжку, нашел адрес фотоателье Шенбрун. Поболтав еще немного, Ингрид распрощалась.

В понедельник она не пошла на работу. Позвонила из автомата, сказала, что нездорова.

Фотография Шенбрун находилась в центре. Ингрид поехала туда с утра, рассчитывая, что в это время там будет меньше посетителей. Оказалось, что в этом самом ателье она фотографировала зимой Лену. Есть отличный повод посетить фотографию. Для начала она попросит сделать еще полдюжины открыток.

Слащаво предупредительная, с какими-то ищущими, прилипчивыми глазами, фрау Шенбрун не понравилась Ингрид. Безвкусное платье с задранными к самым ушам плечами, в крупных лиловых цветах.

На дряблой шее бархотка с зеленым кулоном. Челка, зачесанная в сторону, и подкрашенные, выбритые до синевы брови. Намалевана, как кукла.

Вскоре первое неприятное впечатление улеглось, фрау Шенбрун умела подладиться к своим клиентам.

Посетителей действительно почти не было. Фрау Шенбрун вопросительно смотрела на Ингрид.

— Что будет угодно мадам?

Ингрид ответила.

— Жаль, что мадам не помнит номера квитанции. Но это не трудно будет восстановить. Одну маленькую минутку! Найдем по книге...

Пухлый палец фрау Шенбрун забегал по строчкам. Совершенно верно, фрау Вайсблюм снималась перед рождеством. Негативы мы храним три года. Еще одну маленькую минутку!

Фрау Шенбрун вышла и вскоре вернулась с негативом.

— Снимок очень удачен, очень,— тараторила она.— Да, цвет сепии лучше всего. Мадам имеет хороший вкус. Я и сама хотела предложить сепию... Платить сейчас ничего не нужно. Фирма доверяет своим клиентам. Надо вообще доверять людям, не так ли?.. Фотографии будут готовы дня через два.

Обо всем было договорено, но Ингрид продолжала сидеть. Она не решалась приступить к делу. Однако нельзя же ждать, пока кто-нибудь зайдет в ателье...

— Фрау Шенбрун, у меня есть к вам еще одна просьба, только...

— Вы хотите сказать, чтобы это осталось между нами? — быстро поняла хозяйка.— Ну конечно! Давайте пройдем в ателье. Там никто нам не помешает, клиентов, как видите, нет.

Фрау Шенбрун задернула тяжелую портьеру. Ингрид села в кресле с круглой резной спинкой возле экрана и осветительной аппаратуры.

— Мне сказали, что у вас есть знакомые в американском посольстве,— начала Ингрид.

— Да... Господин посол не раз здесь фотографировался. Остался доволен. Очень приятный человек. Бывают и его сотрудники.

— Помогите мне встретиться с ними. Мне это очень нужно!

— Мадам Вайсблюм имеет в виду деловое знакомство? — владелица ателье оживилась.— Или, быть может, мадам желает...

— Нет... Собственно говоря, да... Я бы хотела.— Ингрид запнулась.— Мне нужно навести справки о моем родственнике.

Фрау Шенбрун вдруг насторожилась.

— Простите,— прислушиваясь, сказала она.— Там, кажется, кто-то позвонил.

Хозяйка ателье исчезла. Она задержалась несколько дольше, чем нужно было для того, чтобы выяснить, кто пришел. Ингрид не придала этому значения. Фрау Шенбрун вернулась, и они продолжали разговор.

Что произошло дальше, Ингрид узнала только сейчас из обвинительного заключения. Чиновник читал:

...«Свидетельница Марта Шенбрун, владелица фотоателье, показала: В понедельник 28 июля 1941 года, примерно около двенадцати часов дня, к ней в ателье явилась обвиняемая Ингрид Вайсблюм. Вела она себя подозрительно, была чем-то взволнована и долго не уходила. Заказав фотографии, она попросила свидетельницу познакомить ее, Ингрид Вайсблюм, с кем-либо из сотрудников американского посольства. Первоначально она заявила, что хочет найти своего родственника, уехавшего в Америку.

Поведение обвиняемой Ингрид Вайсблюм показалось свидетельнице подозрительным, и она, под предлогом того, что кто-то звонит, вышла в соседнюю комнату посоветоваться с племянником мужа — Германом Штубе.

Допрошенный Герман Штубе, студент теологического факультета Венского университета, подтвердил показания свидетельницы Марты Шенбрун и заявил, что он рекомендовал свидетельнице продолжить начатый разговор. Сам он, студент теологического факультета Герман Штубе, прошел другим ходом в ателье и, укрывшись за портьерой, слышал весь дальнейший разговор. Незнакомая женщина, которую позже он опознал по фотографии, доверительно сообщила фрау Шенбрун, что ей нужно передать в посольство важные сведения, касающиеся производ-

ства военного завода. Фрау Шенбрун для вида одобрила поступок обвиняемой и попросила ее зайти вечером следующего дня. Она обещала что-нибудь предпринять. После того как обвиняемая Ингрид Вайсблюм ушла, Герман Штубе, студент теологического факультета, немедленно явился в полицию и заявил обо всем происшедшем.

На следующий день вечером обвиняемая Ингрид Вайсблюм была арестована сотрудниками гестапо около фотоателье свидетельницы Шенбрун.

Таким образом, хотя обвиняемая Ингрид Вайсблюм и отказалась давать объяснения во время следствия, свидетельскими показаниями и материалами дела неопровержимо установлено, что она, подсудимая Ингрид Вайсблюм, узнав (от кого, следствием установить не удалось), что на заводе «Герингверке» производится секретная продукция, пыталась в преступных целях передать эти сведения сотрудникам американского посольства.

Несмотря на то, что сведения, полученные обвиняемой Ингрид Вайсблюм, оказались ложными, так как на заводе «Герингверке» никаких подводных танков не производится, тем не менее обвиняемая Ингрид Вайсблюм должна нести ответственность за подготовку государственной измены против германской империи».

Ингрид слушала обвинительное заключение, преодолевая охватившую ее усталость. Так, значит, ее предала фрау Шенбрун! Перед глазами встало лицо с плоскими дряблыми щеками и вороватоуслужливыми глазками... Но как же так? Значит, все это напрасно, все это... Значит, она чего-то не поняла там, в сквере на Леопольдсберге. Не было и нет никаких подводных танков! В обвинительном заключении так и написано: «сведения оказались ложными»... Боже мой, боже мой!..

Ингрид бессильно опустила голову на руки и закрыло лицо. И вдруг в утомленном сознании молнией пронеслось: откуда они знают, что разговор шел о «Герингверке»? Ведь в фотоателье она ни слова не говорила об этом! Да, да ни слова! И подводные танки... Она тоже не говорила про них. Может быть, донес швейцар из американского посольства? Нет, она

говорила в приемной, и швейцар не мог слышать. Значит, сотрудник посольства. Неужели он?! Боже мой, как все это понять? Есть от чего пойти кругом голове...

— Распишитесь, что ознакомились с обвинительным заключением.— Голос чиновника донесся издалека. Безвольным движением взяла перо... Все равно, лишь бы сейчас ее оставили в покое.

Чиновник сказал: — Поставьте дату.

— Какое сегодня число?

— Шестнадцатое ноября.

Ингрид не могла удержаться от возгласа удивления. Неужели почти четыре месяца, как она здесь!

Чиновник еще раз взглянул на сидевшую перед ним женщину. Совершенно другое лицо, оно изменилось за несколько последних минут — постаревшее, серое. Странный человек! Чиновник вызвал конвоира и приказал отвести арестованную в камеру.

Судя по заключительному листу матриц, лежавших перед Леонардом Крумом,— через неделю после того, как подсудимой Ингрид Вайсблюм вручили обвинительное заключение, состоялось заседание городского суда в Вене. Заседание, длившееся всего двадцать минут, было закрытым. При рассмотрении дела присутствовали судья, прокурор и обвиняемая. Приговор начинался словами: «Рассмотрев дело подсудимой Ингрид Вайсблюм, обвиняемой в подготовке государственной измены, суд определил:

Следствием и рассмотрением настоящего дела установлено, что обвиняемая Ингрид Вайсблюм в преступных целях пыталась передать противнику сведения, составляющие государственную военную тайну империи...

Суд установил, что танков-амфибий на данном заводе не строили и, следовательно, это не могло представлять государственной тайны. Данное обстоятельство могло бы послужить основанием для смягчения приговора обвиняемой, но суд не видит оснований использовать такую возможность. Подсудимая отказалась отвечать на суде и на следствии и проявила себя явным врагом национал-социализма.

Исходя из этого, суд расценивает действия подсудимой как подготовку государственной измены, и поэтому она должна быть наказана пятнадцатью годами тюремного заключения».

Леонард Крум в раздумье опустил последний лист матрицы, металлически жесткий и тусклый.

Юридический казус... Нет, не то — юридический произвол. Он, адвокат Крум, легко бы доказал несостоятельность этого приговора...

Однако почему же осужденная на пятнадцатилетнее заключение Ингрид была потом приговорена к смерти? Что еще она совершила? Почему ее судили еще раз вместе с некой группой «Красная капелла»? Леонард Крум пока не мог ответить ни на один из этих вопросов.

ГЛАВА II

СЕНСАЦИЯ МНОГОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

1

«Ди роте капелле»... «Красная капелла»...— таинственная организация, действовавшая в нацистской Германии. Так называли ее в гестапо, догадываясь о ее существовании. О ней заговорили только через несколько лет после разгрома фашистского рейха. До этого о ней было почти ничего не известно. И вдруг словно прорвалась плотина — о «Красной капелле» заговорили в газетах, часто сбивчиво и разноречиво, передавали по радио. На обложках иллюстрированных журналов появились фотографии людей, давно ушедших из жизни. Авторы статей терялись в догадках, выдавали домыслы за действительность, старались найти ответы на многие недоуменные вопросы в личной, интимной жизни погибших. «Ди роте капелле» стала сенсацией номер один, несмотря на то что события, о которых писали репортеры, имели уже десятилетнюю давность. Сообщения о «Красной капелле» приобретали все более детективный характер и на какое-то время затмили все другие сенсации — то, что Гитлер вдруг будто бы объявился в Южной Америке, что Мартин Борман — его правая рука — якобы сделал пластическую операцию, стал неузнаваем и теперь свободно разгуливает по городам Западной Германии.

Адвокат Крум тоже, конечно, кое-что слышал о «Красной капелле», но, занятый повседневными неотложными делами, не задерживал своего внимания на сообщениях, случайно прочитанных на ходу, в трамвае по пути на очередное судебное заседание.

И вот теперь Крум начал заново перечитывать все, что было написано о «Красной капелле». В чи-

тальне на его абонементе числились десятки журналов, комплекты газет того времени — с крикливыми заголовками, снабженными многоточиями, восклицательными и вопросительными знаками. Каждое утро адвокат приходил в читальный зал, выбирал уединенный столик и погружался в работу. Читая страницу за страницей, Крум изучал материалы с единственной профессиональной целью — найти хотя бы упоминание об Ингрид Вайсблюм или ее муже, осужденных по одному из процессов «Красной капеллы».

А процессов таких было много. В разгар войны, как утверждали газеты, гестапо арестовало несколько сот человек, причастных к организации «Ди роте капелле». Начиная с декабря сорок второго года в продолжение многих месяцев в Берлине шли закрытые судебные процессы; что там происходило, было окружено глубочайшей тайной. Вплоть до капитуляции Германии, да и еще несколько лет спустя, в газетах не упоминалось ни одной фамилии подсудимых, не появилось ни строки о процессах «Ди роте капелле». В гитлеровские времена тайна этих процессов охранялась так строго, что даже в дни капитуляции нацисты не забыли уничтожить многие следственные материалы, приравнивая их к другим документам, составлявшим государственную тайну «третьего рейха».

Конечно, в газетах было много вымысла, Крум это понимал. Но главное соответствовало истине — такая организация существовала. Однако адвокату нужны были конкретные юридические доказательства и подтверждение фактов, чтобы установить, была ли Ингрид Вайсблюм связана с этой организацией.

«Красную капеллу» называли то коммунистами, то каким-то сборищем авантюристов-романтиков из высшего немецкого общества, то истинными патриотами, борцами с фашизмом. А бульварные издания были склонны считать, что в «Красной капелле» объединились изменники, продавшиеся иностранной державе, занимавшиеся к тому же развратом, спиритизмом и составлением гороскопов. Впрочем, подобными утверждениями пестрили не только бульварные газеты. Поди разберись во всей этой путанице!

Коммунистическая организация? Нет, у Леонарда Крума такое предположение вызывало большие сомнения. Он разглядывал фотографии, лежавшие перед ним, читал поясняющие подписи под газетными иллюстрациями и все больше недоумевал.

Вот руководитель подпольщиков Харро Шульце-Бойзен, обер-лейтенант военно-воздушных сил, человек из окружения Германа Геринга, ответственный сотрудник Люфтминистериум — министерства военно-воздушного флота. Мог ли быть коммунистом выходец из дворянской, монархистской семьи, так широко известной в Германии?! Дед Харро — адмирал фон Тирпиц прославился в кайзеровском военно-морском флоте. В начале века он в продолжение двадцати лет оставался бессменным морским министром императора Вильгельма Второго.

И отец Харро — Эрих фон Шульце-Бойзен, — работал в штабе оккупационных войск в Голландии, пользовался доверием Гитлера. А обер-лейтенанту Шульце-Бойзену, руководителю «Красной капеллы», протежировал Герман Геринг... Как можно предположить, что Харро Шульце-Бойзен коммунист? Полнейший абсурд!

С журнальной страницы на Крума смотрел молодой офицер аристократической внешности. Жизнерадостный, довольный, видно, судьбой. Он стоял в проеме распахнутых дверей загородной виллы, обхватив руками двоих детей — мальчугана и девчурку, прижавшуюся к его плечу. Окна веранды прикрывали густые заросли дикого винограда, на клумбах — цветы, девочка одета в легкое белое платьице.

А вот фотография жены Шульце-Бойзена. Звали ее Либертас. Молодая очаровательная женщина с длинными волосами и челкой на лбу. Либертас тоже происходила из старой аристократической семьи — родная внучка князя Филиппа цу Ойленбург унд Хертефельди, дальнего родственника Вильгельма Второго. И она тоже коммунистка? Ерунда! Но и ее ведь приговорили к смерти. Казнили одновременно с Харро Шульце-Бойзеном...

Дальше фото Арвида Харнака — одного из видных сотрудников министерства экономики, крутолобого, коротко подстриженного человека, задумчиво глядя-

щего сквозь стекла больших очков близорукими, рассеянными глазами. Рядом его жена Милдрид Харнак со строгим иконописным лицом и гладко зачесанными волосами. О ней сказано коротко: литературовед и переводчик, американка немецкого происхождения.

Потом фотография Эрики фон Брокдорф, женщины средних лет с чувственным ртом, широко поставленными глазами и слегка выступающими скулами. Под фотографией подпись: «Муж Эрики фон Брокдорф, офицер, сражавшийся на восточном фронте, покончил самоубийством, узнав о том, что его жена приговорена к смерти».

Леонард Крум вдруг подумал: он-то ищет Ингрид Вайсблюм, зачем же тратить столько времени, изучая лица других осужденных, интересуясь их судьбой... Но он уже не мог с собой совладать. Его все больше захватывала жизнь этих людей.

На той же странице — фотография Рудольфа фон Шелиа, немецкого дипломата, представительного седовласого человека с породистым, красивым лицом. Он тоже из кругов старой немецкой аристократии. Дед его был прусским министром финансов во времена Бисмарка.

В последнем ряду стояла фотография еще одной женщины, осужденной на казнь. Ильзе Штёбе. Ее фамилия ничего не говорила Круму. Но эту фотографию он рассматривал особенно долго. Вероятно, в журнале поместили любительскую фотографию Штёбе. Женщина лет двадцати пяти снята в профиль на фоне мрачных крутых гор, уходящих далеко к горизонту. Она сидела явно над обрывом, хотя пропасти, разверзавшейся перед ней, не было видно. Ощущалась почему-то высота, на которой находилась женщина. В руке, опущенной на колено, она держала недоеденное яблоко и, задумавшись, глядела вниз, в долину, залитую светом. Белая блуза с расстегнутым воротом обтягивала ее плотную спортивную фигуру. Рассыпанные темные волосы обрамляли смуглое лицо, одна черная прядь была отброшена в сторону резким поворотом головы или дуновением ветра.

Крума поразило лицо Ильзы Штёбе: одухотворенное, почти фанатичное. Строгое и женственное — прекрасное лицо камеи. И этот задумчивый, обращенный внутрь себя взгляд...

«Ильза Штёбе... Вот она действительно могла быть коммунисткой»,— подумал Леонард Крум.

На журнальной странице внизу еще раз перечислялись имена и фамилии приговоренных к смерти — одиннадцать человек. Их казнили по первому процессу «Красной капеллы» 22 декабря 1942 года, через три дня после вынесения приговора, в канун рождества. Торопились... Ведь даже в Германии Гитлера в большие праздники казни не совершали...

Судя по сообщениям газет, лежавших перед Леонардом Крумом, подпольная организация действовала долго и была раскрыта в 1942 году.

Крум сделал для себя неожиданное открытие — оказывается, участники подполья никогда не называли свою организацию «Красной капеллой». Это название родилось в гестапо задолго до того, как его агентам удалось наконец напасть на след этой антифашистской группы.

Вскоре после начавшейся войны с Советской Россией в гестапо поднялся переполох. Поступали сведения, что где-то работают тайные коротковолновые радиостанции, которые передают какую-то тщательно зашифрованную информацию.

В радиопеленгационных установках в разное время суток — днем и ночью — раздавался назойливый треск морзянки, в эфир уходили позывные сигналы из Берлина, Брюсселя, откуда-то из Франции... Работало несколько неуловимых станций, и каждый раз они появлялись все в новых и новых местах. Радиопеленгационной службе не удавалось засечь эти коротковолновые передатчики.

Генрих Гиммлер, руководитель главного управления имперской безопасности, не раз вызывал начальника гестапо Мюллера, но глава тайной полиции рейха только беспомощно разводил руками. Однажды Гиммлер сказал:

— Я уже не могу появляться на глаза фюреру... Всем надоела такая музыка в эфире, пора кончать с этой красной капеллой...

С тех пор работу тайных передатчиков в гестапо стали называть «Ди роте капелле». В главном управлении имперской безопасности особое внимание обратили на то, что многочисленные радиопередатчики заработали сразу же после начала боевых действий на восточном фронте.

Так продолжалось около года. В секретном досье гестапо с грифом «Гехаймфершлюссзахе» * и надписью «Ди роте капелле» за это время накопилась масса радиоперехватов — копий тайных передач, которые удалось записать полностью. Это не считая еще сотен оборванных кусков шифрограмм, перехваченных радиопеленгационной службой. Порой в этих обрывках было лишь несколько слов, возможно, несколько фраз, но все они подтверждали существование антигитлеровского подполья в Германии. Из рейха в эфир утекала какая-то секретная информация...

2

В одном из мюнхенских иллюстрированных журналов Крум прочитал статью, рассказывающую о том, с чего началось разоблачение «Красной капеллы».

После неудач, постигших гитлеровскую армию под Москвой, немецкому командованию вновь, казалось бы, сопутствовала военная удача. Германские войска на восточном фронте с боями успешно продвигались вперед — к Сталинграду на Волге, к предгорьям Кавказа, чтобы захватить нефтеносные районы русских, а потом идти дальше, дальше — в Индию на соединение с японскими войсками. Успехи Гитлера достигали кульминации. В марте сорок второго года, уже в который раз, Гитлер уверенно пообещал, что наступающим летом русские армии будут уничтожены окончательно...

С восточного фронта шли поезда с отпускниками. Солдат встречали торжественно — с цветами, оркест-

* «Тайна, хранящаяся под замком» — термин высшей секретности в гитлеровской Германии.

рами. На перроне берлинского вокзала у Фридрихштрассе к подходящим поездам подбегали стайки девушек, принарядившиеся медицинские сестры в крахмальных наколках, держа в руках термосы с горячим кофе, подносы с пирожными и стопками бумажных стаканчиков. Военные полицейские с завистью поглядывали на Железные кресты, украшавшие кители фронтовиков.

В один из теплых майских дней 1942 года к перрону вокзала на Фридрихштрассе подошел очередной «урляубер цуг» — поезд отпускников. Вагоны, замедляя ход, еще катились вдоль платформы, а нетерпеливые пассажиры уже выскакивали на перрон и, весело перекидываясь шутками, устремлялись к выходу. Здесь были военные, получившие отпуск в поощрение за безупречную службу. Были раненые, отпущенные из госпиталя, солдаты, получившие «бомбен-урляуб» — краткосрочные отпуска по поводу того, что их жилища были разрушены налетами британской авиации. На перроне стоял шум и гомон. Загорелые солдаты, нагруженные тугими ранцами, с перекинутыми за плечо автоматами шагали мимо улыбающихся девиц из гитлерюгенд, которые протягивали им стаканчики с горячим кофе. Но руки солдат были заняты. Кроме личных вещей каждый из них тащил объемистый сверток с продуктами, награбленными в России.

— Потом, потом, мышки! — отшучивались солдаты.— Отложим до вечера... Мы предпочли бы что-нибудь покрепче — коньяк или поцелуй! — Иные отпускали и более смачные шутки.

Толпа отпускников поредела, и на платформе стало совсем свободно. Мимо полицейского, совсем близко, едва не задев его тугим ранцем, прошел высокий солдат, загорелый, с засученными рукавами, как все остальные. Он лениво козырнул фельдфебелю, тот обиделся.

— Послушай-ка,— иронически сказал он,— видно, сильно устаешь, когда приветствуешь старшего...

Солдат не обратил внимания на слова фельдфебеля и, не обернувшись, прошел мимо. Это уже вконец рассердило фельдфебеля, и он остановил солдата.

— Как приветствуешь старших? Отвык?

Солдат невнятно пробормотал в ответ: «Вот надоел, уж лучше быть там, где стреляют!»

— Подтянись, когда с тобой разговаривают! В комендатуру захотел? — рявкнул фельдфебель.

Но солдат продолжал небрежно стоять перед жандармом и безразлично глядел на его обтянутую сукном каску. В нескольких шагах виднелось маленькое помещеньице с надписью: «Дежурный офицер по вокзалу».

— Иди за мной! — рассерженно приказал фельдфебель и повел солдата к дежурному офицеру. Перед дверью он замедлил шаг, рассчитывая, что упрямый солдат одумается и станет его упрашивать сменить гнев на милость, тогда его можно будет отпустить на все четыре стороны. Но лицо солдата-фронтовика сохраняло выражение сердитого упрямства. Жандарм пожал плечами и распахнул дверь.

За столом сидел дежурный обер-лейтенант, он мельком взглянул на вытянувшегося перед ним солдата. Жандарм доложил, что произошло на перроне.

— В какой же воинской части так плохо воспитывают солдат? — ворчливо спросил офицер, тоже не придавая особого значения этому пустячному инциденту.

— Старший стрелок Хельбрехт, третья рота 211-го полка! — отрапортовал задержанный солдат.

— Как, как ваша фамилия? — насторожившись, переспросил дежурный офицер.

— Ганс Хельбрехт.

Жандарм, доставивший солдата, подумал: «Бывает же так — однофамилец нашего обер-лейтенанта...»

— Какого года рождения? — спросил офицер.

— Двенадцатого ноября девятьсот двенадцатого года.

Дежурный комендант поднялся из-за стола и вплотную подошел к задержанному.

— Вы сказали, что служите в 211-м полку? — переспросил он.

— Так точно! В третьей роте...

На лице обер-лейтенанта отразилось сначала удивление, затем тревога, почти испуг.

Ганс Хельбрехт... Его младшего брата тоже зовут Ганс Хельбрехт. Та же дата рождения, тот же полк. Мать писала, что от Ганса вот уже два месяца нет писем с фронта. Он пропал без вести... Значит, этот человек явно присвоил его документы. Зачем?

— Может, ты еще скажешь, что родился в Мерзебурге? — медленно произнес Хельбрехт-старший и стал расстегивать кобуру.

Но солдат успел его опередить: резким и сильным ударом в солнечное сплетение он свалил офицера и, бросив ранец, одним прыжком очутился за дверью. Офицер корчился на полу, не в силах произнести слова. Фельдфебель бросился к нему, потом выскочил за солдатом, но тот был уже далеко — бежал вдоль перрона. Полицейский выхватил пистолет и сделал предупредительный выстрел. Солдат продолжал бежать. По радио передали команду: «Всем оставаться на своих местах! Всем оставаться на своих местах!» Поднялась стрельба. Кто-то упал ничком на платформе, кто-то вбежал в вагон поезда, все еще стоявшего у платформы, другие остались на месте, выполняя команду, прогремевшую по радио. Растерянно стояли медсестры, опустив термосы с кофе, испуганно жались друг к другу побледневшие девицы. Достигнув края перрона, беглец спрыгнул на рельсы и помчался по шпалам, широко выбрасывая ноги, как бегун на спортивных соревнованиях. Теперь ничто не мешало стрелять по беглецу, и пули все чаще ударялись в шпалы, в песок, рикошетили рядом с бегущим.

Солдат бросался из стороны в сторону, вертел головой, старался найти лазейку в заборе, тянувшемся вдоль железнодорожного полотна. Но вдруг он начал тяжело припадать на одну ногу и, сделав тщетную попытку перелезть через забор, рухнул на землю...

Когда подбежали жандармы, солдат был еще жив: с мертвенно-бледным лицом, он судорожно сжимал и разжимал руку, захватывая песок и щебень.

Военный врач оказывал раненому первую помощь, когда невесть откуда появившаяся закрытая машина подобрала арестованного, и автомобиль с неистово воющей сиреной исчез в лабиринте берлинских улиц. Все произошло молниеносно. Перрон вокзала

на Фридрихштрассе заполнился новыми пассажирами, и жизнь пошла своим чередом.

Солдата, выдававшего себя за Ганса Хельбрехта, доставили в контрразведку. Конечно, в гестапо сразу узнали о происшествии и доложили Гиммлеру. Тот ревниво и рассерженно спросил, почему же абвер* опередил тайную полицию в таком деле. Между абвером и управлением безопасности издавна существовало скрытое, недружелюбное соперничество. «Конечно, подумал Гиммлер, Канарис уж не замедлит доложить фюреру...»

В тот день рейхсфюрер Гиммлер был на приеме у Гитлера и как бы между прочим спросил: какие показания дал задержанный на берлинском вокзале? Гитлер вообще ничего об этом не знал. Разразилась буря. Гитлер приказал вызвать адмирала Канариса. Шеф абвера подтвердил, что задержанный находится у него, но лежит без сознания, и получить от него показания пока невозможно. Гитлер сказал: «Этот человек нужен нам живым... Немедленно отправьте его в гестапо».

Теперь для Гиммлера было делом престижа выяснить все, что было связано с «делом Хельбрехта». Когда арестованного везли в санитарной машине на Принц-Альбрехтштрассе, где помещалось управление имперской безопасности, раненый ненадолго пришел в себя. Сотрудник гестапо спросил: «Ты кто? Зачем приехал в Берлин?»

Раненый не ответил и снова потерял сознание.

За жизнь арестованного боролись лучшие врачи Германии. Они непрестанно находились у его изголовья, рядом с сотрудником гестапо, которому Гиммлер поручил вести следствие. В бреду раненый что-то невнятно бормотал, произносил отрывочные слова, и все это записывалось на магнитофонную ленту. Четко он произнес лишь одну фразу, которую повторил несколько раз: «Перехожу на прием... Перехожу на прием, как слышите?»

Стало очевидно, что арестованный — радист. Раненый умер на четвертые сутки, так и не придя в сознание.

---

* Абвер — германская военная разведка.

Криминальному советнику Панцингеру удалось проследить путь Ганса Хельбрехта, якобы возвращавшегося с восточного фронта. Солдат-отпускник ехал из Польши, в поезд сел в Лодзи. За день до этого в районе Лодзи было отмечено появление самолета противника, который ночью сбросил парашютиста. Обнаружить его не удалось. Быть может, это и был «Ганс Хельбрехт».

Среди документов, найденных в куртке радиста, лежало письмо матери Ганса Хельбрехта, отправленное из Мерзебурга на фронт. Письмо оказалось подлинным, и вообще легенда, разработанная для тайного агента, звучала весьма убедительно. Кто б мог предвидеть, что сразу же на вокзале Фридрихштрассе в Берлине разведчик столкнется лицом к лицу с тем единственным человеком, которого ему больше всего следовало опасаться в Германии,— с обер-лейтенантом Хельбрехтом, родным братом немецкого пехотинца, документами которого он воспользовался...

Обо всем этом было написано в мюнхенском иллюстрированном журнале, который с интересом читал Леонард Крум. Но в других изданиях излагалась иная версия: тайный радист появился в Германии уже после того, как многие подпольщики были арестованы.

Существовало и еще одно предположение. Где-то в Брюсселе еще в сорок первом году гестапо напало на след неизвестной подпольной организации. Тогда удалось арестовать радистку, захватить большую шифрованную переписку, но прочитать ее не могли. Радистка не знала шифра, вероятнее — не хотела выдать тайну радиосвязи. Даже под пытками она не произнесла ни одного слова.

Сообщения в газетах были противоречивы, но не имели никакого отношения к Ингрид Вайсблюм, судьбу которой хотел установить адвокат Крум.

Отчаявшись в своих попытках, адвокат решил попробовать другое: ведь должны сохраниться свидетели трагических событий — судьи, защитники, прокурор, тюремный священник, который несомненно общался с осужденными, напутствуя их перед казнью, наконец, палач, совершавший казнь, может

быть, кто-то из подсудимых. Для Леонарда Крума не имело значения, с кем именно он станет разговаривать — с судьями или осужденными, с защитником или обвинителем, главное было установить факты, последовательность событий, отношение к ним Ингрид Вайсблюм. И адвокат Крум начал искать людей, причастных к процессу организации, именуемой «Красной капеллой».

3

Прежде всего надо найти судью или прокурора. Говорили, что Манфред Редер, генеральный прокурор военно-воздушных сил, был главным обвинителем на процессе. Сейчас он в американской тюрьме, чуть ли не в Штраубинге. Значит, встретиться с ним невозможно. Но Крум вспомнил: где-то промелькнуло сообщение, что дочь Редера собрала «обширный материал», подтверждающий, что отец ее «не имел отношения» к преступлениям нацистов. Дочь прокурора, как сообщалось, намерена передать все документы американским властям и добиться освобождения отца.

Вскоре адрес дочери прокурора лежал в портфеле Леонарда Крума. Он решил, что писать ей не станет, надо встретиться лично. Кто знает, как воспримет она письмо незнакомого человека. При встрече с глазу на глаз труднее уклониться от разговора.

Утренним поездом Крум приехал на маленькую глухую станцию, где-то в долине Рейна, и не без труда нашел домик, обнесенный невысоким кирпичным забором. Позвонил у калитки. Из микрофона, вмонтированного в стену рядом со звонком, послышался женский голос:

— Кто здесь?

— Адвокат Крум.

— Что вы хотите?

— Мне нужно встретиться с фрейлейн Редер.

Загудел зуммер автоматического замка, и калитка открылась. Адвокат прошел по каменной садовой дорожке, поднялся на крыльцо, где его встретила некрасивая белокурая девушка в синем кухонном

фартуке, аккуратно причесанная, с наспех подкрашенными губами и настороженно смотрящими из запавших орбит глазами.

Девушка провела адвоката в гостиную, предложила кресло и сама выжидающе присела напротив.

— Меня интересует работа вашего отца, прокурора Манфреда Редера,— сказал Крум.— Может быть, с его помощью мне удастся выполнить поручение моих клиентов. Они хотят знать о судьбе родственников, осужденных по процессу «Красной капеллы».— Крум решил не раскрывать до конца цели своего визита.

— Но отец давно уже не работает прокурором... Благодарение богу, недавно его выпустили из тюрьмы, и теперь все это в прошлом.

— Значит, я мог бы с ним встретиться?

— Нет, отец отдыхает в Бад-Зальцунгене; он столько пережил за эти тяжелые годы.

— Вероятно, он вам обязан своим освобождением... Я слышал, вы много сделали для отца. Помогите теперь и мне.

Девушка впервые улыбнулась: ей польстили слова адвоката Крума.

— Но чего это стоило! — воскликнула она.— Сколько пришлось пережить, разделяя послевоенную судьбу беженцев. Несчастье нации называли возмездием. Фергельтунг! * — как ненавистно мне это слово. Разве я виновата, что отец был обвинителем на процессе? И он тоже не виноват! Если бы не отец — обвинителем стал бы кто-нибудь другой...

— Вы затрагиваете очень сложный вопрос о степени ответственности людей, причастных к трагическим событиям,— осторожно возразил Крум.— Процесс тоже называли возмездием, там погибли люди, которых обвинял ваш отец...

Девушка насторожилась. Подумала — не собирается ли этот незнакомец снова засадить в тюрьму ее отца?!

— Ну и что же? — сказала она.— Одна несправедливость не должна вызывать другую... Для меня отец прежде всего человек, которого я люблю. Разве это

---

* Возмездие (*нем.*).

не так? После войны я искала отца всюду, до тех пор, пока не нашла его за колючей проволокой в лагере военнопленных. Какая разница, кто сидел там прежде — антифашисты или русские пленные, теперь сидят те, кого называют нацистами. Повидаться с отцом мне не разрешили. Это было так жестоко! Сколько лет я видела своего отца только во сне, да и еще вот здесь,— продолжала она, указав на развешанные по стенам гостиной фотографии.

На снимках Манфред Редер был запечатлен то в долгополой судейской мантии, то в полной военной форме с Железным крестом и какими-то орденами. Рядом висел снимок, сделанный на улице у гранитной трибуны. Редер стоял с вытянутой вперед рукой среди таких же, как он, неистово орущих людей, вскинувших руки в нацистском приветствии. А вот фотография, где Редер произносит речь в суде,— видна скамья подсудимых, жандармы, судьи... У прокурора опять такое же неистово-ожесточенное лицо, как на снимке у гранитной трибуны.

Адвокат Крум не искал слов для возражений разволновавшейся дочери прокурора. Он молча выслушивал ее тирады.

— Потом я снова потеряла отца из виду,— продолжала дочь Редера.— Только через год узнала, что его перевели в Нюрнберг. Мы каждый день слушали, читали репортажи с процесса о фантастических преступлениях немцев.

Я обивала пороги кабинетов, каких-то приемных,— у кого я только не была! — дошла до профессора Кемпнера. Мне сказали — Кемпнер немец, работает обвинителем в международном суде, он поможет. При Гитлере Кемпнер эмигрировал в Америку, а после войны вернулся назад. Я так рассчитывала на него...

Профессор Кемпнер разговаривал со мной в приемной следственной тюрьмы на Лертерштрассе, двенадцать. Если вы знаете Нюрнберг, это ближе к Фюрту. В тюрьму я пришла с цветами, думала, что мне разрешат увидеть отца. Букет выпал из рук, когда Кемпнер отказал мне в свидании.... Я вышла в слезах и в отчаянии остановилась на тюремном крыльце, не зная, куда идти. Я не знала, что такое «Ди роте

капелле», за что страдает отец. Тогда я и решила, поклялась себе узнать все, что связано с «Красной капеллой». С тех пор стала собирать газетные вырезки, журнальные статьи, фотографии.

С отцом мне все же удалось встретиться — мы разговаривали целых полчаса, под наблюдением американца из военной полиции, но он не мешал нам. Я узнала, где хранятся записки и военные дневники отца, которые он спрятал перед арестом. Отец одобрил мои намерения. Я собрала все, что могла, и теперь, когда кончились его мытарства, отец готовит книгу воспоминаний. Русские требовали объявить отца военным преступником, но американцы этого не допустили. Вы же знаете, они относятся к нам совсем не так, как русские.

— Ну а как же с моей просьбой? Поможете ли вы мне найти людей, которые меня интересуют? — спросил Крум, терпеливо выслушав пространный рассказ дочери прокурора.

— Я не возражаю,— ответила она, помедлив.— Напишите мне их фамилии, но я не знаю, как на это посмотрит отец. Он вернется дней через десять. Может быть, вам лучше поговорить с ним...

Крум возвращался домой погруженный в раздумье, вызванное разговором с дочерью прокурора. В купе вагона он ехал один, и никто не мешал ему думать. Конечно, в голове девушки много тумана, неразберихи... Теперь Крум мысленно с ней спорил, подбирал аргументы, искал убедительные доводы, способные опровергнуть ее утверждения. Ликвидацию «Красной капеллы» она тоже назвала возмездием. Кому? Начальной буквой этого слова Гитлер назвал секретное оружие «Фау-1» и «Фау-2» — снаряды, которые бросал на Лондон. И «фауст-патроны», прожигавшие русские танки, тоже были Фергельтунг. Дочь прокурора ставила знак равенства между судилищем над «Красной капеллой» и судом в Нюрнберге. «Ей все равно! А мне? — вдруг подумал Крум.— Разве мне не безразлично, кого судят и за что. Не все ли мне равно, по какому поводу обращаются ко мне клиенты? Мои симпатии сейчас на стороне Ингрид Вайсблюм, но выступать я собираюсь против нее».

Домой Крум возвратился в подавленном настроении.

— Ты нездоров, Леонард? У тебя что-то случилось? — встревожилась Мари.

— Нет, ничего... Я просто много думал сегодня, думал — могут ли существовать обстоятельства, способные заставить человека идти против собственной совести...

4

Прошло десять дней, и Крум снова отправился на маленькую глухую станцию. Позвонив у калитки, он услышал в микрофоне, прикрытом бронзовой сеткой, резковатый мужской голос. Крум назвал себя, и калитка открылась.

Манфред Редер сразу приступил к делу.

— Дочь говорила мне, что вас интересуют лица, проходившие по процессу «Красной капеллы». Я готов рассказать все, что помню, но при одном условии: в печати вы не должны использовать ни одного слова из того, что я расскажу.

— Разумеется,— согласился Крум.

Редер провел гостя в маленький кабинет, сел за письменный стол, предварительно достав с полки объемистую папку и положив ее перед собой. У бывшего прокурора Редера сохранился резкий и властный голос, не терпящий возражений. Это с первой минуты знакомства отметил для себя Крум. Перед Крумом сидел пожилой человек — высокий, сутулый, с нездоровым лицом и большим носом. Рот с обнаженными неровными зубами, жесткие губы. Страшными были его глаза, запавшие в глубоких орбитах, под которыми нависали темные набрякшие складки. Их прикрывали толстые стекла роговых очков, как лупы, в центре которых были видны каштанового цвета глаза с тяжелым, безучастным взглядом.

«Боже мой,— невольно подумал Крум,— не хотел бы я, чтобы такой человек когда-нибудь меня судил!..»

Крум достал из портфеля блокнот и приготовился слушать.

— Все то, что вы запишете,— властно сказал Редер,— после разговора прочитаете мне...

Адвокат утвердительно кивнул головой.

— Это все мое достояние,— продолжал бывший прокурор и опустил раскрытую ладонь на папку.— Других средств к существованию у меня нет. Я, вероятно, остался единственным человеком, который располагает материалами «Красной капеллы». Я пишу книгу и не хочу, чтобы ее растаскивали у меня раньше времени. Вы меня поняли?

— Да, господин прокурор, если человек чем-то владеет, он должен извлекать из этого выгоду...

— Вот, вот! Именно извлекать выгоду... Вы меня поняли, господин... господин Крум? — Адвокат снова утвердительно кивнул головой.— Не станем больше говорить об этом. Вы мне заплатите какую-то сумму по вашему усмотрению, хотя бы за то, что я трачу время на разговор с вами... Ну, предположим, по двадцать пять марок за справку на каждого человека. Не дорого?

Крум снова кивнул. Возмущенно подумал: «Как только язык повернулся сказать такое: по двадцать пять марок за каждого приговоренного им к смерти».

— Моих клиентов интересуют только двое,— сказал он,— Ингрид Вайсблюм и Клаус Герцель. Ваша дочь, вероятно, говорила об этом...

— Да, да. Имейте терпение. Я, может быть, вспомню о них... Я не могу говорить обо всех, их было много. Если бы вам потребовались на всех справки, я стал бы богатым человеком,— жутко пошутил Редер.— Представьте себе, по двадцать пять марок за каждого! Но за общие разговоры я не возьму с вас ни одного пфеннига... Я не стану рассказывать о следствии, которым я не занимался. Мне передали готовые материалы — тридцать томов вместе с обвинительным заключением. Теперь их больше не существует, все уничтожено, но у меня сохранились черновые записи, которые я делал, готовясь к процессам.

Давайте начнем с главных подсудимых, чтобы вы представили себе, что это были за люди... Их бы-

ло трое — Харнак, Кукхоф и Шульце-Бойзен. Я бы начал с последнего, с обер-лейтенанта Шульце-Бойзена, который играл первостепенную роль: да, да — первостепенную в нелегальной организации. Прежде всего я должен сделать несколько общих замечаний: подпольную организацию мы называли коммунистической, но уже с самого начала для меня стало ясно, что это не совсем так. Конечно, подсудимые находились под влиянием красных, но это были люди самых различных взглядов и убеждений. Основное ядро составляли интеллигенты и еще группа военных, не связанных с коммунистами. Буду оперировать цифрами: из семидесяти пяти главных обвиняемых — я называю главными тех, кого приговорили к смерти,— среди них почти половина имели университетское образование. Здесь были художники, писатели, дипломаты, журналисты, скульпторы. Были ученые, инженеры, экономисты. Многие из них принадлежали к аристократическому обществу и занимали ответственные посты в имперских учреждениях. Эти люди стали противниками существовавшего режима, боролись против фюрера!

В обвинительном заключении так и сказано,— Редер порылся в папке и прочитал:

«Доктор Харнак и обер-лейтенант Шульце-Бойзен сумели объединить вокруг себя в Берлине представителей различных слоев общества, которые не скрывали своих взглядов, враждебных государству. Их отношение к национал-социалистскому строю было отрицательным. Своей пропагандой они пытались завербовать лиц из среды ученых, полиции, армии, художников...»

— Вот что представляла из себя «Ди роте капелле»! Заговорщики глубоко проникли в наши государственные, военные, экономические тайны... Вот, например, Ильза Штёбе, связанная с дипломатом Рудольфом фон Шелиа, она одна причинила нам столько вреда... Свою обвинительную речь на первом процессе я так и начал.— Редер опять порылся в бумагах, величественным жестом поднял листок и продекламировал:

«Ужас должен охватить каждого при мысли, что враг знал тайны Германии...»

— Да, это было удачное выступление, оно произвело впечатление! — мечтательно заговорил Редер.— Я выступал в зале имперского военного суда на Шарлоттенбургштрассе. О моей речи доложили фюреру... Да, это было так — враг проник в тайны империи.

Забыв, что он уже не главный прокурор, а всего лишь недавний заключенный нюрнбергской тюрьмы, Манфред Редер повысил голос, будто он находился в зале имперского военного суда. Редер сделался удивительно похожим на свое давнее фото у гранитной трибуны во время фашистского митинга. Его лицо на миг выразило такую же, как там, исступленную одержимость. Но он сник и опять заговорил тихим скрипучим голосом.

— Что касается обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена, я всегда не переставал удивляться, как мог такой человек оказаться во главе организации, выступавшей против режима и против фюрера немецкой нации. Всем были известны связи его семьи с рейхсмаршалом Герингом. Господин Геринг лично рекомендовал Шульце-Бойзена на службу в министерство военно-воздушного флота...

Редер сокрушенно закачал головой, он весь был в прошлом и видел в адвокате Круме человека, которому может излить переполнявшие его воспоминания. Это все больше раздражало Крума, все больше нагнетало неприязнь, которую он испытывал к Редеру с первой минуты знакомства с ним.

— Но, как я слышал,— Крум перебил бывшего прокурора,— вы обвиняли подсудимых не только в государственной измене, обвиняли их в разврате, в бытовой нечистоплотности, в продажности и других аморальных делах?

— О, да! — с готовностью подтвердил Редер.— Таковы были указания, так приказал фюрер. Заговорщиков надо было представить аморальными людьми, нарушавшими господни и человеческие законы... Не знаю, так ли это было, но какое это имеет значение! Большинство из них были семейными людьми. Тот же Шульце-Бойзен или Арвид Харнак. Их арестовали вместе с женами, которые также поплатились за свои преступления...

— Скажите, господин Редер,— спросил адвокат Крум,— а среди подсудимых были еще супружеские пары?

— Конечно! Кроме Харнака и Шульце-Бойзена были поэт Кукхоф и его жена фрау Маргарет, скульптор Курт Шумахер с женой, супруги Коппи, семья Эмиля Хюбнера.

— А вы не помните среди подсудимых супругов Герцель, Ингрид и Клауса? Они меня особенно интересуют. Они тоже проходили по этому делу.— Леонард Крум старался перевести разговор на то, ради чего он приехал к Манфреду Редеру.

— Нет... Я думал, что, может быть, вспомню... Знаете, в разговоре всегда одно цепляется за другое. Хорошо помню только тех, кого судили на первых процессах. Ведь многих судили и без моего участия. Я только наблюдал за ведением дела. На главных же процессах судили человек шестьдесят — семьдесят, может быть, несколько больше, точно не помню...

— И вы, господин Редер, потребовали для всех смертной казни?! В том числе для женщин... Вы не чувствуете сейчас угрызений совести, господин Редер?

Леонард Крум больше уже не мог сдерживать негодования. Редер с удивлением вскинул глаза на собеседника.

— Мне задавали такой вопрос, когда я сидел в тюрьме... Что это значит — угрызение совести? Я только выполнял служебные обязанности. К тому же потребовать еще не значит приговорить человека к смерти. Это решали судьи... Они отвечают перед законом и государством за справедливость своих приговоров. Я знаю судью Розе, который вынес больше двухсот смертных приговоров. Он судил по законам, существовавшим в Германии при Гитлере, и американские власти признали господина Розе невиновным... Чего же вы от меня хотите?

— А если само государство и его законы были основаны на беззаконии? Мертвые не могут себя защитить... Я адвокат и, по долгу своей профессии, по долгу честного человека, обязан это сделать. Хотя бы для того, чтобы наказать виновников их смерти... Обещаю вам это, господин прокурор! — Крум резко

поднялся из кресла, дрожащими руками сунул в портфель блокнот, достал из бумажника деньги, бросил их на стол.— Я больше ничего вам не должен, господин обвинитель?

Не подавая руки Манфреду Редеру, он пошел к выходу.

— Вы... вы красный адвокат! — закричал ему вслед Редер.

— И вы потребовали бы для меня смертной казни! — бросил Крум, закрывая за собой дверь.

Посещение бывшего обвинителя по делу «Красной капеллы», по существу, не дало ничего нового адвокату Круму. Но он продолжал свои поиски.

Здесь пришла пора отметить, что, как потом выяснилось, наши поиски шли в одном направлении, но я располагал материалами, основанными на достоверных фактах, знал многое из истории возникновения подпольной патриотической антифашистской организации. Об этом я и хочу сейчас рассказать, чтобы потом снова вернуться к поискам, которые вел адвокат Леонард Крум.

ГЛАВА III

ВАРШАВСКИЙ УЗЕЛ

1

В Варшаве ждали приезда нового германского посла. Агреман — согласие польского правительства на кандидатуру Гельмута фон Мольтке — дали своевременно, но посол почему-то задерживался в Берлине, и это вызывало всякие кривотолки.

Был на исходе пятый год режима «санации» («оздоровления») — политического строя, установленного в Польше Юзефом Пилсудским после военного переворота, поддержанного фашиствующими элементами.

Польские «санаторы», как злые языки называли пилсудчиков, возлагали большие надежды на приезд известного немецкого дипломата. Назначение фон Мольтке связывали с предстоящими изменениями в польско-германских отношениях. А изменения ожидались значительные, многообещающие... «Дай-то бог!» — вздыхали владельцы роскошных дворцов в Вильнуве, Лазенках... Им вторили хозяева служебных кабинетов на Маршалковской, где в польской столице разместились правительственные учреждения. Трепетно ожидая нового германского посла, они лелеяли надежду установить взаимное понимание еще с одним антисоветчиком — фельдмаршалом фон Гинденбургом.

Референты польского министерства иностранных дел в который раз перечитывали, изучали биографию Гельмута фон Мольтке, составляли, как гороскоп, справки о германском после, и получалось, что граф фон Мольтке именно та политическая фигура, которая нужна была сейчас в Варшаве.

Граф Гельмут фон Мольтке происходил из старинной военной семьи, которая из поколения в поколение поставляла крупнейших военачальников для германской армии. В минувшем столетии не было в Европе ни одной военной кампании, большой или малой войны, где в германской армии не выступал бы в руководящей роли представитель семейства Мольтке. И престарелый германский президент — фельдмаршал фон Гинденбург — всю жизнь поддерживал добрые отношения с семьей Мольтке, он знавал еще Мольтке-старшего, патриарха прусского генерального штаба и соратника «железного канцлера» Бисмарка. Старый фельдмаршал покровительствовал и дипломату Гельмуту фон Мольтке-младшему, дружил с ним, хотя разница в возрасте между Мольтке-дипломатом и президентом составляла чуть не полвека. В польском министерстве иностранных дел не вызывало сомнений, что новый посол станет как бы личным представителем германского президента, будет выражать его взгляды и убеждения.

В Варшаве с весны ждали приезда германского посла, но к новому месту службы граф фон Мольтке прибыл только в половине декабря тридцатого года. Как раз незадолго до рождественских праздников. Приезд посла стал первостепенным событием в польской столице.

Курт Вольфганг, корреспондент и экономический обозреватель немецкой либеральной газеты «Берлинер тагеблатт», уже второй год работал в Варшаве.

Среди многочисленных коллег-журналистов, представлявших по меньшей мере полтора десятка редакций и телеграфных агентств различных стран, точно так же, как и среди чиновников немецкого посольства, Курт слыл знатоком экономических проблем послевоенной Европы. К нему частенько обращались за консультацией или советом. Кроме корреспондентских дел Курт Вольфганг занимался еще и тем, что был представителем одного из германских химических концернов, заведовал рекламным отделом. Коммерческая деятельность не занимала у Вольфганга много времени, основное внимание он

уделял журналистике. Тем не менее дирекция концерна была удовлетворена работой способного экономиста. Курту же сотрудничество в химическом концерне давало дополнительный заработок, и, в отличие от значительной части корреспондентов, он жил если не на широкую ногу, то, во всяком случае, не экономя на мелочах...

Приезд нового посла вызвал большие разговоры в журналистских и дипломатических кругах, и, разумеется, Курт считал необходимым присутствовать на его встрече. Но как ни торопился он пораньше попасть на вокзал, обстоятельства сложились так, что Курт прибыл туда лишь к самому приходу поезда.

Накануне вечером, когда Вольфганг уже собирался спать, в его квартире зазвонил телефон. Курт снял трубку.

— Могу я попросить пана Поняковского? — спросил кто-то.

— Поняковский здесь не живет,— ответил Курт.— Вы, вероятно, перепутали номер.

— Извините...

Курт Вольфганг положил на рычаг трубку. Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

— Алло! — воскликнул Курт. Ответа не последовало, на той стороне провода повесили трубку. Послышались короткие, отрывистые гудки.

Понятно! Вольфганг давно поджидал приезда курьера. Наконец-то он появился! В условленное время он будет в ресторанчике «Кривой фонарь». Но как же быть с фон Мольтке? Берлинский поезд прибывает в Варшаву почти в то же самое время... Курт все же решил сначала повидаться с курьером.

Ресторанчик «Кривой фонарь» принадлежал пану Родовичу, семья которого — жена и взрослые дети — обслуживала посетителей. Вообще-то он носил какое-то другое название, но жители ближайших кварталов неизменно называли ресторацию «Кривой фонарь». Над входом действительно висел похилившийся железный фонарь, и хозяин намеренно не ремонтировал его вот уже несколько лет. Разговорчивый пан Родович любил рассказывать своим клиентам историю фонаря и каждый раз дополнял ее новыми подробностями. Однажды подгулявшему завсегдатаю

взбрело в голову подарить ресторанный фонарь своему, тоже изрядно выпившему, другу. Он встал на пустой ящик, потянулся к фонарю, но сорвался и повис на кронштейне. Кончилось все это тем, что пьяный повредил себе ногу да еще стал требовать от хозяина деньги на лечение. Пан Родович платить отказался, но пообещал пострадавшему целую неделю бесплатно поить его пивом... Пан Родович в накладе не остался — ночное происшествие привлекло в его заведение многих новых клиентов.

Когда Курт Вольфганг, повесив в гардеробе пальто и шляпу, вошел в зал с узкими сводчатыми окнами, Оскар был уже там. Светловолосый, крутолобый Оскар всегда оставался таким незаметным и одновременно видел все, что происходит вокруг. Вот и сейчас он сидел у окна, беззаботно болтая с паном Родовичем, который рассказывал ему историю своего фонаря, но мгновенно заметил появление Курта.

Курт сел за соседний столик, заказал кофе со сливками, сухое печенье, которым помимо «Кривого фонаря» славился ресторан Родовича. Достал сигареты, вытянул ртом одну из пачки, чиркнул зажигалкой, прикурил... К нему подошел Оскар, извинившись, попросил огня. Курт тихо сказал:

— У меня только полчаса времени — приезжает фон Мольтке. А нам нужно обстоятельно поговорить.

— Хорошо, буду ровно через две недели. Где встретимся?

— У меня на квартире... Среда, восемь вечера.

— Согласен. За четверть часа позвоню, пароль старый... Материалы есть?

— Да, как всегда, в гардеробе.

— Ну, до встречи!

Оскар раскурил сигарету, поблагодарил и отошел к своему столику. Это был, собственно, и весь разговор, из-за которого Курт едва не опоздал на варшавский вокзал.

Через несколько минут Оскар, расплатившись, вышел из зала, надел пальто, на мгновение замешкался, снял с вешалки шляпу и прошел на улицу. Вскоре покинул ресторан и Курт Вольфганг. Он удовлетворенно взглянул на свою шляпу, смахнул с нее невидимые пылинки. Шляпа принадлежала Оска-

ру — такого же фасона и цвета. Оскар ушел в шляпе Вольфганга, унося под подкладкой материалы для курьера, прибывшего из Центра.

Оставив машину на привокзальной площади, Курт торопливо зашагал к перрону. Вскоре его высокая сутуловатая фигура затерялась в толпе дипломатов и журналистов, встречавших германского посла.

На открытой платформе гулял холодный ветер, мела поземка, и под ногами ползли мутно-белые змейки, то замирая, то ускоряя свой бег при новом порыве колючего ветра. Встречающие поеживались от пронизывающего холода, дамы плотнее запахивали меховые шубки, притоптывали славянскими сапожками, которые только что входили в моду, мужчины старались поглубже засунуть руки в карманы пальто.

— Ого, Курт, вы всегда знаете, в какой момент появиться! — воскликнул кто-то из журналистов, увидев Вольфганга.— А я торчу здесь, как дежурный по станции. Дьявольски промерз и обязательно сегодня напьюсь, как только передам информацию.

— Зачем ждать? — усмехнулся Вольфганг.— Начинайте сейчас. Хотите? — Курт вытянул из кармана маленькую плоскую флягу, обшитую кожей, отвернул металлический колпачок и протянул приятелю.— Настоящий «Камю»,— сказал он.

Фляга опустела быстро, охотников погреться нашлось немало.

— Господа, мы забыли оставить благородному Санта Клаусу, который принес нам этот чудесный нектар,— воскликнул последний, допив оставшийся на дне коньяк.— Жаль, что пили наперстком.

— Вы думаете, вам хватило бы канистры? — отшутился Вольфганг.— Не беспокойтесь, я заранее о себе позаботился.

— Что вы думаете, Курт, о графе фон Мольтке? Как он поведет себя? — спросил британский корреспондент, тот, что допивал последние капли «Камю».— Говорят, вы самый информированный человек в Варшаве.

— Я бы поставил вопрос иначе,— возразил Курт: — Как намерен себя вести фельдмаршал Пауль фон Бенкендорф унд фон Гинденбург? — Он назвал

полное имя германского президента.— Все зависит от этого!

Берлинский поезд, замедляя ход, подходил к платформе. Разговор оборвался. Толпа колыхнулась, придвинулась к краю перрона.

Представительный, сдержанно улыбаясь, Гельмут фон Мольтке сошел со ступенек вагона, поздоровался с первым советником, замещавшим его все это время в Варшаве, обменялся рукопожатием с Юзефом Беком из министерства иностранных дел и сказал ему несколько слов, которых Курт не расслышал. Подчеркнуто вежливо фон Мольтке поздоровался с представителями дипломатического корпуса — их церемонно представил ему первый советник. Невзирая на холод, посол стоял на перроне с обнаженной головой. Подняв шляпу, он поприветствовал остальных и сквозь расступившуюся толпу встречающих проследовал к легковой машине, сопровождаемый вспышками магния суетившихся перед ним репортеров.

За неделю до рождества, после вручения верительных грамот Пилсудскому, Гельмут фон Мольтке устроил в посольстве дипломатический прием, на который получил приглашение и Курт Вольфганг. Посол, стоя рядом с супругой, встречал в вестибюле гостей. Курт не был знаком с послом и, здороваясь, назвал свою фамилию.

— Господин Вольфганг! — воскликнул фон Мольтке.— Я слышал о вас в Берлине... Мне очень приятно передать вам привет от Теодора Вольфа. Надеюсь, мы будем с вами успешно сотрудничать...

Теодора Вольфа заслуженно считали первым публицистом в Германии. Он был главным редактором влиятельной газеты «Берлинер тагеблатт», и его воскресные передовицы неизменно привлекали внимание читателей не только в Германии. Обычно газета выходила тиражом в полтораста тысяч экземпляров, но ее воскресное издание с передовицами Теодора Вольфа раскупалось в количестве двухсот пятидесяти тысяч. Половина воскресного тиража шла за границу. Воскресную «Берлинер тагеблатт» читали во всей Европе — промышленники, дипломаты, политические деятели, военные. К голосу Вольфа прислушивались редакторы газет, журналисты-международни-

ки. Естественно, что новый посол граф фон Мольтке был заинтересован в хороших отношениях с газетой и с ее корреспондентом в Варшаве.

Но Курта интересовала и другая сторона дела. Секретарем главного редактора Теодора Вольфа в редакции «Берлинер тагеблатт» работала молодая журналистка Ильза Штёбе, связанная с организацией, к которой принадлежал и он, Курт Вольфганг... Конечно, то, что Теодор Вольф передал Курту привет через графа фон Мольтке, не обошлось без участия Ильзы Штёбе. Не исключено, что именно Ильза и подсказала главному редактору мысль познакомить нового посла с варшавским корреспондентом. Молодец Ильза! В душе Курта шевельнулось теплое чувство к молодой девушке. Она становилась ему все дороже.

2

Вольфганг снимал маленькую двухкомнатную квартиру в центре Варшавы неподалеку от Старого мяста. Ветхий дом выходил окнами на Вислу. Оскар пришел точно в назначенное время, минута в минуту. Курт открыл дверь и провел гостя в столовую, служившую ему рабочей комнатой.

— Чай, ужин? — спросил Курт, усаживая Оскара в глубокое вольтеровское кресло.

— Пока ничего! Разве только немного тепла. Этот промозглый холод пробирает до самых костей...

— Тогда давай-ка к огню!

Они передвинули тяжелое кресло к старинному камину, занимавшему половину стены. Оскар зябко потер руки и протянул ладони к пылающим углям.

— Вот теперь давай говорить! — через минуту сказал Оскар.— Что же происходит в Варшаве?

— Приехал фон Мольтке и передал мне привет от Вольфа. Вероятно, дело не обошлось без Альты.

Альта — кличка Ильзы Штёбе. Даже в самых доверительных разговорах разведчики старались не упоминать настоящие имена.

— Ты прав, Курт. Мы подсказали Альте эту идею, и она хорошо выполнила задание. Альта просила передать привет тебе.

— Надеюсь, без твоей подсказки,— Курт иронически вскинул брови. Оба рассмеялись.

— В этом можешь быть уверен. Здесь подсказок не требуется. Ну а дальше? Встречался с Мольтке?

— Нет, пока не встречался, но его секретарша звонила и передала приглашение приехать к господину послу в удобное для меня время. Я намеренно оттянул визит до встречи с тобой. Можно предположить содержание предстоящего разговора.

Вольфганг рассказал Оскару, что новый посол уже приглашал к себе одного немецкого журналиста и просил регулярно информировать его о новостях, обещал платить за это четыреста марок в месяц. Первая встреча уже состоялась в служебном кабинете посла.

— Что же ты ответишь, если поступит такое предложение?

— Конечно, соглашусь, но поставлю условие: беседовать не в служебной обстановке и без всякой оплаты.

— Это верно,— согласился Оскар,— надо сохранять независимое положение. Делать все, чтобы посол видел в тебе надежный источник информации.

Информировать посла решено было очень точно, чтобы у него не возникло и тени сомнения, не появилось мысли о предвзятости сообщений Вольфганга. На расспросы Курта о московских делах Оскар сказал:

— Из Центра просили тебе передать, что нам нужны самые подробные сообщения о политике западных держав, связанной с их отношением к Советскому Союзу. Сейчас именно Варшава становится узлом, в котором сходятся нити антисоветских интриг и заговоров... Короче говоря, в Варшаве нам нужна наблюдательная вышка, с которой можно будет заметить военные приготовления противника. Если хочешь, как в древней Руси при нападении половцев, печенегов, татар... Вот что просили передать тебе товарищи.

Вольфганг сидел в кресле перед камином, и часть его лица, обращенная к Оскару, была освещена отблесками колеблющегося пламени. Он слушал Оскара, и его пальцы бесшумно выбивали на подлокотнике такт какой-то мелодии.

Важной, очень важной была беседа. Они долго сидели в тот вечер у камина в старом варшавском доме. выходящем окнами на замерзшую запорошенную снегом Вислу. «Оскар» и «Курт» в далеком прошлом имели иные имена, которые и сами почти позабыли.

Оскар поднялся, устало потянулся:

— Двенадцать, нужно уходить... Ты знаешь, сегодня я еще почти не спал. Вчера мы очень долго проговорили с Альтой... А в поезде мне показалось, что кто-то за мной следит. Может быть, просто показалось, но я все же перебрался в другой поезд.

— Я тебя отвезу,— сказал Курт.— Выходи следом минут через пять.

Вольфганг оделся и вышел. Он вывел из гаража машину, остановил ее у подъезда. Кругом безлюдно и тихо. Оскар выскользнул из подъезда и сел рядом.

— Куда тебя везти? — спросил Курт.

— Куда-нибудь к центру, где побольше народу. Я пересяду в такси.

Курт проехал мимо памятника Копернику и остановился перед большим, ярко освещенным рестораном. Прощаясь, Оскар положил руку на плечо Вольфганга:

— Будь здоров, Курт! Теперь встретимся через месяц, не раньше. Счастливо! — он выбрался из машины и неторопливо направился к стоянке на другой стороне улицы.

Вскоре фон Мольтке снова позвонил корреспонденту «Берлинер тагеблатт». На этот раз он разговаривал сам. Справился о здоровье, о новостях и выразил легкое удивление, почему господин Вольфганг не заглядывает в посольство... Условились, что Курт заедет к нему через день.

И вот Курт в кабинете германского посла.

— Перейдем сразу к делу,— сказал посол после взаимных приветствий.— Мне бы хотелось использовать ваш опыт и знание страны. Это просто необходимо. Как вы смотрите на более тесное наше сотрудничество?

— В чем оно должно выражаться?

— Ну, прежде всего в нашем общении. Если бы

мы могли встречаться, предположим, хотя бы раз в неделю...— фон Мольтке перелистал странички настольного календаря,— вот хотя бы по средам — с утра, чтобы нам никто не мешал! Вы могли бы приезжать в посольство, и мы час-другой говорили бы на разные политические темы... Но время — деньги. За отнятое у вас время вы сможете получать компенсацию, ну примерно... примерно марок...

Курт Вольфганг нахмурился, предупреждающе поднял руку.

— Извините, господин посол,— холодно сказал он.— Давайте условимся, что вы больше не станете поднимать разговора о вознаграждении... Это первое и категоричное условие нашей совместной работы. В принципе я принимаю ваше предложение, но, к сожалению, утренние часы у меня заняты. В вашем распоряжении я могу быть после полудня в любой день, но как раз именно кроме среды... Ну и последнее... Мне не хотелось бы встречаться в служебной обстановке. Давайте лучше беседовать за бутылкой мозельвейна. Вас это устраивает?

Гельмут фон Мольтке старался скрыть свое смущение.

— Вы мне нравитесь, господин Вольфганг! Ради бога, извините, если я вас обидел неосторожным словом... Я охотно принимаю все ваши условия. Будем встречаться за стаканом доброго вина. Эту традицию мы установим сегодня же.— Посол вызвал секретаршу, неопределенного возраста женщину.

— Фрау Ангелина, распорядитесь подать нам бутылочку старого мозельского...

Посол Гельмут фон Мольтке остался доволен встречей с корреспондентом влиятельной «Берлинер тагеблатт». Начало было положено. С тех пор многие годы германский посол и корреспондент «Берлинер тагеблатт» — «самый информированный человек в Польше», как называли его журналисты, раз в неделю, за редким исключением, встречались на квартире фон Мольтке...

Как-то Гельмут фон Мольтке показал Вольфгангу свои политические обзоры, которые он посылал в Берлин на Вильгельмштрассе — в министерство иностранных дел.

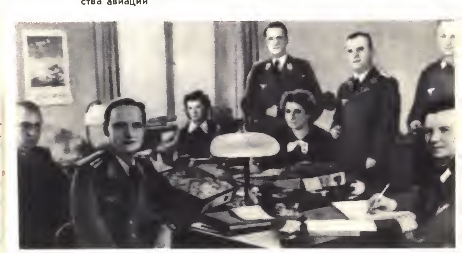
Ильза Штёбе — Альта (Гарц, 1936 год). Это один из снимков, донесших до нас образ бесстрашной подпольщицы

Ильза Штёбе на прогулке за городом...

...и в домашнем кругу

Руководитель подпольной антифашистской организации Харро Шульце-Бойзен в форме обер-лейтенанта люфтваффе

Х. Шульце-Бойзен среди чиновников имперского министерства авиации



Доктор философии Арвид Харнак с женой Милдрид. Вместе с Х. Шульце-Бойзеном А. Харнак руководил деятельностью боевой антифашистской организации

— Ты узнаешь, Курт, откуда это? — спросил Мольтке.— Это написано на основе наших бесед. Твои прогнозы в большинстве оправдались... Я благодарен тебе за помощь...

Курт Вольфганг тоже писал сообщения о своих встречах с германским послом и переправлял их в Москву через Оскара. Вместе с Оскаром, когда тот появлялся в Варшаве, тщательно обсуждали содержание предстоящих бесед, намечали вопросы для Гельмута фон Мольтке, продумывали свои ответы на расспросы посла.

Тем временем в политической жизни Европы происходили события, которые принимали все более угрожающий характер. Февральской ночью 1933 года в Берлине вспыхнул рейхстаг, фашисты, захватившие власть, начали террор, обрушенный в первую очередь на коммунистов. Изменение государственного строя в Германии даже внешне отразилось на обстановке кабинета фон Мольтке. Рядом с портретом Гинденбурга появился небольшой портрет Адольфа Гитлера, потом он и вовсе вытеснил фельдмаршала и занял его место над рабочим столом Мольтке. Однако в его квартире продолжал главенствовать фельдмаршал фон Гинденбург. Посол не желал иметь в своем жилище портрет нового канцлера.

— Послушай, Гельмут,—сказал однажды Вольфганг, когда после обеда они, как обычно, остались одни,— не кажется ли тебе, что отсутствие портрета главы государства в квартире посла выглядит демонстрацией?

Фон Мольтке долго молчал, потом тихо ответил:

— Конечно, господин Гитлер лучше, чем кто-либо из красных, рвавшихся к власти в Германии, но, пойми, для меня он остается ефрейтором. В нашей семье были фельдмаршалы, начальники генерального штаба, главнокомандующие, военные советники при дворе императора Вильгельма Первого и Вильгельма Второго. В честь двух моих предков мне дали имя Гельмут. Могу ли я рядом с портретами своих именитых предков повесить портрет ефрейтора?.. Но, может быть, ты прав, надо это сделать. Жизнь остается жизнью.

В словах фон Мольтке прозвучали печальные нотки. Курт знал о настроениях посла: Гитлера он считал выскочкой, хотя и предпочитал его «анархии красных». Гитлер делает свое дело, но держать его надо на отдалении, как слугу или дворецкого, обязанного стоять в присутствии хозяев наследного замка.

И все же в следующее посещение квартиры германского посла Вольфганг увидел в кабинете посла портрет Гитлера. Предкам Гельмута фон Мольтке пришлось потесниться.

3

Условный сигнал прозвучал в неурочное время. Очевидно, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Связной — хозяин табачной лавочки, у которого Курт обычно покупал сигареты, в то утро сказал:

— Есть новые сигареты, пан... «Люксус»! Пан желает попробовать?

— Нет, я курю один сорт... Дайте мне еще коробку спичек.

Это означало: Оскар срочно вызывает его на явку. О месте, времени они всегда договаривались заранее. Упоминание о коробке спичек означало согласие, подтверждение, что сигнал принят.

Курт сунул в карман сдачу и вышел, раздумывая, чтобы это могло значить, почему такая срочность.

В тридцать третьем году варшавское лето выдалось сухим и знойным. В предобеденный час в парке было мало гуляющих, и Вольфганг издали увидел Оскара, разглядывающего памятник Бетховену. Он тоже увидел Курта и, как бы прогуливаясь, медленно зашагал по аллее в глубину парка. Курт так же медленно шел сзади.

— Есть срочное задание,— сказал Оскар, здороваясь с Куртом.— У тебя есть возможности поехать в Москву?

— Так, сразу! Надо подумать. Надолго?

— Да, на корреспондентскую работу, с условием: если понадобится, вернешься в Варшаву. Посол

фон Дирксен переведен из Москвы в Токио. Предстоят перемены в личном составе германского посольства. В Центре решили использовать такую возможность. Старик приказал срочно с тобой встретиться. Он просил сделать все возможное.

— Понятно...— протянул Вольфганг, хотя ему было далеко не понятно, как это сделать.— На Вильгельмштрассе,— сказал он,— теперь очень тщательно отбирают людей для заграничной работы. Без гестапо и ведомства Геббельса не утверждают ни одной кандидатуры. Об этом мне рассказывал Мольтке.

— Верно, но в данном-то случае речь идет о твоей корреспондентской работе,— возразил Оскар.— Это будет несколько легче.

— Пожалуй. Но в редакции, так же как и в министерстве иностранных дел, посадили нацистских советников. Вероятно, лучше всего использовать Теодора Вольфа. При Гитлере положение его поколебалось, но авторитет еще достаточно велик. Рекомендации можно получить в Варшаве. Меня поддержит фон Мольтке, фон Шелиа тоже поможет.— Курт прикидывал варианты, словно обдумывал шахматную партию.

— Кстати, как ведет себя Ариец? — спросил Оскар.— Удается вызвать его на откровенный разговор?

Ариец — Рудольф фон Шелиа, первый советник германского посольства в Варшаве, приехал в Польшу года через два, после Вольфганга. Большой сноб, аристократ, внук прусского министра финансов, фон Шелиа был человеком с большими связями в высших дипломатических кругах. Вольфганг давно к нему присматривался и рассчитывал сойтись с ним поближе.

— Советник любит проявлять свою осведомленность,— сказал Курт.— По своим убеждениям он напоминает фон Мольтке: не любит красных и пренебрежительно относится к нацистам. Фон Шелиа исполнен ко мне особым уважением после того, как узнал про мои встречи с послом. Чуточку ревнует, так как тоже хотел бы использовать меня в качестве информатора. Иногда я провожу вечера в обществе

советника и его супруги. Похоже, что он рассказывает мне все, что знает, даже не стесняется иронизировать по поводу Гитлера.

— Я докладывал о нем Старику, он согласен, что Ариец фигура перспективная.

Впереди в просветах между деревьями появилась пара, гуляющая с ребенком, и собеседники повернули в сторону от главной аллеи. Собственно, все уже было сказано.

— Я немедленно начну действовать,— сказал Вольфганг,— возможно, придется выехать в Берлин.

— Отлично, там и встретимся. Я найду тебя...

В результате встречи у памятника Бетховену Вольфганг через месяц был в Москве, представляя здесь несколько немецких газет. Но ему недолго пришлось поработать в советской столице.

В конце сентября 1933 года в Лейпциге начался процесс над Георгием Димитровым, которого вместе с двумя другими болгарскими коммунистами — Поповым и Таневым—гитлеровцы обвинили в поджоге рейхстага. Германские власти не разрешили советским журналистам присутствовать на Лейпцигском процессе. В знак протеста Наркоминдел Советского Союза принял решение: в качестве ответной меры выслать германских корреспондентов из Советской страны. Как-то утром заведующий отделом печати Константин Уманский пригласил на Кузнецкий мост четверых немецких корреспондентов, среди которых был и корреспондент «Берлинер тагеблатт» Курт Вольфганг. Уманский принял их в своем кабинете, с холодной вежливостью предложил сесть и кратко изложил причины, по которым он вынужден пригласить немецких корреспондентов и сообщить им, что они должны немедленно покинуть Москву.

— Билеты, господа, для вас заказаны,— сказал Уманский, поднимаясь из-за стола. Один из журналистов пытался задать какой-то вопрос, но Уманский остановил его движением руки: — Господа, большего я, к сожалению, сказать ничего не могу. Государственные отношения должны строиться на основе взаимности. Обратитесь за разъяснениями к своему правительству. Благодарю вас, желаю счастливого пути!

Растерянные корреспонденты, переглядываясь, потоптались у подъезда. Все произошло так неожиданно. В германском посольстве еще ничего не знали. Прямо из Наркоминдела поехали на Леонтьевский переулок, мрачные и озабоченные. Посол, ошеломленный известием о высылке корреспондентов, стал звонить наркому Литвинову. Секретарь ответила, что нарком уехал на заседание и вернется поздно. Порекомендовала обратиться к его заместителю.

Ответ заместителя тоже был неутешителен. Он повторил фразу Уманского о государственных отношениях, основанных на взаимности. Посол опустил телефонную трубку.

— Лучшее, что я вам, господа, могу предложить, это вместе пообедать перед отъездом...

Время тянулось медленно. Курт сидел за обедом как на иголках — в Центре тоже ничего не знали о внезапных событиях, и в тот день Старик — Ян Карлович Берзин — назначил ему встречу на четыре часа. Обед затягивался, и Вольфганг просто не знал, что ему предпринять. Наконец все встали из-за стола. Стали торопиться. Надо успеть собрать вещи, до поезда оставалось совсем мало времени.

Курт пришел к Берзину почти вовремя. От Леонтьевского было недалеко, но Вольфганг поехал сначала в противоположную сторону, пересел в другой трамвай... Вынужденные разъезды по городу заняли время, и Вольфганг, только что так неторопливо шагавший по улице, чуть не бегом ворвался в комнату, где была назначена встреча Берзиным.

— Наташа, прежде всего крепкого чаю нашему взволнованному гостю! — сказал Берзин, протягивая Курту свою крепкую, как у кузнеца, руку.

— Нет, нет, благодарю! — воскликнул Курт.— У меня полтора часа до отъезда в Германию. Нас высылают...

Курт рассказал, что произошло за несколько последних часов. Берзин весело рассмеялся. Снова позвал Наташу.

— Попросите Оскара зайти ко мне.

Через минуту появился Оскар, Берзин попросил Курта повторить свой рассказ.

— Так это же здорово! — воскликнул Ян Карлович.— Они сами помогают тебе. Об этом можно только мечтать!

Разговор продолжался всего несколько минут. Берзин сказал на прощание:

— Уверен, что в Берлине вас всех четверых теперь будут подавать как мучеников — жертвы советского произвола. Твои акции повышаются, Курт, желаю успеха... значит, решено — возвращайся снова в Варшаву. Варшавский узел нас продолжает интересовать не меньше прежнего. Но главное теперь — Германия.

Через день высланные корреспонденты были в Берлине. Их и в самом деле приняли в германской столице как героев, возвратившихся с передовых позиций ожесточенной борьбы. Вскоре Курт снова получил назначение в Варшаву, чтобы продолжать «представлять интересы» химического концерна и работать газетным корреспондентом.

Процесс в Лейпциге, из-за которого немецких корреспондентов выдворили из Советской страны, длился уже второй месяц и достиг наивысшего накала. Болгарский коммунист Георгий Димитров вступил в схватку с фашизмом и с неодолимой страстью разоблачал в суде провокаторов и лжецов, цели истинных поджигателей рейхстага.

Удары, которые Димитров наносил своим противникам, разваливали зыбкие обвинения, построенные на песке. А ведь давно заготовленный обвинительный приговор болгарскому коммунисту должен был распространиться на десятки тысяч узников, томящихся в тюрьмах нацистской Германии. Таков был замысел, и сейчас он рушился.

Спасая положение, в зал заседаний двинули «тяжелую артиллерию» — Геринга, Геббельса, первых людей рейха после Адольфа Гитлера. Но все было тщетно.

Даже нацистский суд не смог подтвердить обвинений против Георгия Димитрова, Танева и Попова. Им вынесли оправдательный приговор, но все же продолжали держать в тюрьме.

Зимним днем 1934 года в имперском министерстве внутренних дел в Берлине состоялось секретное за-

седание, на которое пригласили представителей министерств иностранных дел, юстиции и гестапо. Решали, как быть с болгарами. Многие склонялись к тому, чтобы выслать их за пределы Германии; Советское правительство сообщило, что оно приняло Георгия Димитрова и его товарищей в советское гражданство. Но слово взял Рудольф Дильс, поставленный во главе только что созданной тайной полиции. Он поднялся и сверлящими, пронизывающими глазами обвел участников совещания. Его лицо, иссеченное глубокими шрамами — следы драк и дуэлей в студенческой корпорации, выражало тупую жестокость.

— Мы уверены,— сказал он,— что болгарин Димитров слишком для нас опасен, чтобы его выпускать. Его надо заключить в концентрационный лагерь...

Недавний референт и осведомитель по делам коммунистической партии Дильс состоял в дальнем родстве с Герингом. Кто осмелился бы ему перечить? Все согласились с Дильсом перенести этот вопрос на усмотрение правительства.

Но кабинет министров, вопреки возражениям Геринга, все же принял решение выслать болгар из Германии. Тогда Геринг вызвал Дильса и приказал ему начать осуществление ранее задуманной операции. План заключался в том, чтобы уничтожить болгар, сделав это под видом авиационной катастрофы.

Главную роль здесь отводили господину Зоммеру — тайному советнику гестапо, который работал в авиационной компании «Дерулюфт». Рудольф Дильс вызвал его на Принц-Альбрехтштрассе и сказал тоном приказа, не терпящим возражений:

— Перед отлетом из Кенигсберга — повторяю: перед самым вылетом — лично осмотрите самолет и этот пакет оставьте в багажном отделении,— Дильс указал на сверток, лежавший на письменном столе.

Адская машина должна была взорваться в то время, когда рейсовый самолет будет лететь над советской территорией.

Все проходило строго по расписанию. В назначенное время, на рассвете, болгарских коммунистов разбудили в тюрьме и отправили на Темпельгофский аэродром. Самолет поднялся в воздух, взяв курс на Кенигсберг. Вскоре, однако, выяснилось, что

в Кенигсбергском аэропорту уже стоит советский самолет, ожидающий Димитрова и его товарищей...

В гестапо долго ломали голову — как могло случиться, что советский пассажирский самолет именно в это утро оказался на Кенигсбергском аэродроме.

4

Своего нового советника посол Мольтке представил Курту Вольфгангу на дипломатическом приеме, вскоре после того как Рудольф фон Шелиа приехал в Варшаву.

— Минуточку, господин Вольфганг,— воскликнул тогда посол, завидев Курта, пробиравшегося среди гостей к столу, заставленному яствами,— разрешите познакомить вас с моим старым другом фон Шелиа.

Перед Куртом стоял человек высокого роста с цветущим холеным лицом и совершенно седой шевелюрой, хотя на вид ему было не больше сорока лет.

— Представьте, как тесен мир! Когда-то мы были с ним в одной студенческой корпорации, а теперь судьба свела нас на дипломатическом поприще.

Фон Шелиа склонил голову, и Вольфганг отметил безукоризненную линию его пробора.

— А это мой добровольный советник,— посол взял Курта под руку,— самый осведомленный человек в Польше. Надеюсь, вы станете друзьями.— Фон Мольтке назвал химический концерн и газеты, которые представлял Курт в Варшаве.

— Вы из тех графов Шелиа, которые когда-то были близки к канцлеру Бисмарку? — спросил Вольфганг.

— Да, по материнской линии. Мой дед фон Миккель был министром финансов в кабинете Бисмарка,— ответил фон Шелиа, явно польщенный осведомленностью своего нового знакомого.

С тех пор Курт поддерживал с фон Шелиа самые добрые отношения. Не проходило недели, чтобы раз-другой они не встретились за обеденным столом в роскошной, со вкусом обставленной квартире супругов фон Шелиа или в скромном доме Вольфганга. Погрузившись в глубокие кресла перед горящим ками-

ном, они коротали время за разговорами на самые разнообразные темы.

Рудольф фон Шелиа имел большие связи в немецких аристократических кругах и, так же как Мольтке, относился к Гитлеру с пренебрежением, называя его в узком кругу «наш ефрейтор». Тем не менее фон Шелиа одним из первых в посольстве вступил в нацистскую партию, тщательно скрывая это от окружающих. Свое вступление в партию он оформил в Берлине, и едва ли кто знал об этом в Варшаве, кроме графа фон Мольтке и Курта Вольфганга.

Когда Курт, высланный из Москвы с группой немецких журналистов, возвратился в Варшаву, фон Шелиа встретил его с распростертыми объятиями.

— Я рад твоему приезду, Курт! — воскликнул он.— Здесь столько новостей...

Фон Шелиа начал рассказывать Курту о смятении, царившем в берлинских кругах, в связи с провалом Лейпцигского процесса.

— Конечно,— говорил он,— Геринг выступил неудачно. Становится ясным, что суд вынесет болгарам оправдательный приговор, но Геринг не из тех людей, которые спешат отступить. Теперь я уверен, Курт, что этот неудачный «коронный свидетель» что-нибудь да выкинет. Он не остановится перед любым скандалом —пойдет на все. На Вильгельмштрассе не представляют, как все это отразится на немецком престиже.

Через какое-то время Курт снова осторожно навел разговор на волновавшую его тему.

— А мне все это порядком надоело! — раздраженно отмахнулся фон Шелиа.— Сначала решили высылать болгар, потом Дильс предложил посадить их в концлагерь, теперь снова хотят отправлять их в Россию, к большевикам... Но, поверь мне, Курт, Геринг что-то задумал, и я не удивлюсь, если болгары не долетят до Москвы...

Рудольф фон Шелиа только что вернулся из Берлина, куда выезжал на несколько дней для доклада в министерстве иностранных дел. Не исключено, что он был информирован гораздо подробнее, чем мог это показать. Новость была так значительна, что Курт сам подал сигнал о необходимости встречи с Оскаром.

Он делал это крайне редко. Через день Оскар появился в Варшаве.

Он нервно забарабанил пальцами по краю стола, когда Вольфганг закончил свой лаконичный рассказ.

— Об этом я уже кое-что знаю,— в раздумье сказал он.— Твоя информация подкрепляет наши предположения. Это очень важно... Надо точно установить, куда и каким образом немцы намереваются высылать Димитрова.

Вот тогда и появился в Кенигсберге советский самолет, в который пересели Димитров и его товарищи, ставшие гражданами Советского Союза.

В тот приезд Оскар передал Курту еще одно распоряжение.

Воинственные фанфары, звучащие в Берлине, вызывали большую настороженность в Москве. Минул год с того времени, как Гитлер стал во главе нацистского рейха. До этого можно было по-разному относиться к его разглагольствованиям о «дранг нах остен» — движению на восток. В книге «Майн кампф» еще десяток лет назад Гитлер и его единомышленники писали:

«Мы определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы переходим к политике завоеваний новых земель в Европе. И если желать новых земель в Европе, то в общем и целом это может быть достигнуто только за счет России. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели все предпосылки. Конец большевистского господства в России будет также концом России как государства».

Когда-то это были безответственные, митинговые разглагольствования. Теперь слова Гитлера становились политикой нацистского государства. Книгу «Майн кампф» сделали настольной книгой немецкого обывателя. В день свадьбы от имени фашистской партии ее дарили молодоженам.

Оскар сказал Вольфгангу:

— Старик просил тебя сосредоточить все внимание на том, чтобы выяснить, что намерены делать нацисты. Нам нужно знать, на что и на кого опирается Гитлер, произнося агрессивные речи. Может быть, он грозит бросить на стол карты, которых у него нет.

Немецкие дипломаты в Варшаве идут на все, чтобы сблизиться с правительством Пилсудского. Что за этим скрывается? Нам нужно наконец развязать варшавский узел.

Вольфганг решил действовать через германского военного атташе полковника Дармштадта. Как-то встретив Вольфганга, Дармштадт спросил:

— Послушайте, Курт, почему у вас такое кислое настроение? Последнее время вы мне просто не нравитесь...

— Если говорить откровенно,— ответил Курт,— меня беспокоит сложившаяся ситуация. В последней речи рейхсмаршал Геринг снова заговорил о войне и господин Геббельс тоже...

— Праздные разговоры,— небрежно ответил полковник.— Можете спать спокойно. О войне сейчас не может быть речи. Мы просто не вооружены. У нас нет даже оптического прицела для самолетов. Вы представляете себе, что это такое? А голыми руками воевать нельзя, придется подождать.

— Когда же это может случиться? — с невинным видом спросил Курт.

— Не раньше сорок первого года... Я говорю о большой войне.

Вольфганг поблагодарил военного атташе. Но вскоре ему снова пришлось увидеться с полковником Дармштадтом.

При очередной встрече Оскар сердито сказал:

— В Москве опасаются, что обстановка осложнится гораздо раньше. Нам нужны сроки для подготовки. Меня запрашивают — не дезинформация ли это со стороны противника... Короче, нужна перепроверка.

И снова Курт искал «случайной» встречи с полковником Дармштадтом, снова разыгрывал роль человека, встревоженного воинственными речами, что идут из Берлина.

— Этот вопрос не дает мне покоя,— уныло говорил он.

И снова военный атташе повторял — вряд ли война возможна раньше сорок первого года. Об этом сообщили в Москву.

Примерно в то же самое время на Вильгельмштрассе в Берлине, в германском министерстве

иностранных дел, готовились к важным изменениям. Иоахим фон Риббентроп, недавний виноторговец, сделался начальником отдела внешней политики нацистской партии. Отдела, который занимался дипломатическим и иным шпионажем. В немецких посольствах за границей, и без того кишевших тайными агентами, возникла целая сеть нацистских осведомителей. Громоздкий аппарат занимался перехватом шифрованной дипломатической переписки иностранных государств. Между Берлином и европейскими столицами шныряли курьеры, они доставляли добытые секретные материалы. Да и сам Риббентроп развивал все более активную деятельность на своем новом поприще — он трудился над самыми хитроумными комбинациями, направленными главным образом против Советской России.

Конечно, все это настораживало Москву.

Задача номер один заключалась в том, чтобы быть в курсе агрессивных, антисоветских планов нацистского правительства.

Весной 1935 года в Лондоне с большой помпой праздновали двадцатипятилетие царствования Георга V — короля Великобритании. На юбилейные торжества съехались гости со всего мира. Во главе германской делегации, насчитывавшей более ста человек, прибыл Иоахим фон Риббентроп. И, странное дело,— громадная свита нацистского дипломата состояла почти целиком из всевозможных советников по международным, экономическим и политическим вопросам. Создалось впечатление, будто под прикрытием юбилейных торжеств в Лондоне происходят тайные англо-германские переговоры. Так оно и было. Фон Риббентроп либо пропадал целыми днями на Даунинг-стрит, в британском министерстве иностранных дел, либо просиживал где-то в уединенных лондонских особняках, лишь ненадолго появляясь на официальных церемониях в Букингемском дворце.

В Варшаве о лондонских переговорах могли знать только два человека: посол фон Мольтке и его первый советник фон Шелиа. Неопределенные разговоры о лондонской встрече давно уже возникали среди

журналистов и дипломатов. Но слухи остаются слухами. Вольфганг терпеливо ждал. Оба дипломата — и Шелиа, и Мольтке — хранили молчание. Только раз советник обронил несколько слов о том, что Гельмут фон Мольтке получил из Берлина информационное письмо о переговорах Риббентропа в Лондоне. Оно говорит об изменении германской политики в Европе. Вольфганг не стал спрашивать, что за письмо, а фон Шелиа больше к этому не возвращался.

Группе Вольфганга в Варшаве придавалось сейчас большое значение. Для подкрепления в Польшу приехал еще один сотрудник — Франц Губель, спортивный обозреватель немецких газет. Два брата Губеля были нацистами, занимали ответственные посты в Берлине, и поэтому Франц очень скоро вошел в доверие к сотрудникам германского посольства.

После поджога рейхстага, во время массовых полицейских облав, Губелю удалось избежать ареста, он перебрался в Прагу, а оттуда в Варшаву. Разведчик он был недостаточно опытный, но именно эта неопытность неожиданно и помогла заполучить документ, который так нужен был Курту Вольфгангу.

Однажды утром Франц ворвался в квартиру Вольфганга и торжественно положил перед ним на стол пачку листков, отпечатанных на машинке.

— Посмотри, что я принес! Письмо Риббентропа Гитлеру о переговорах в Лондоне... А ты говоришь — я не умею работать!

Курт действительно только накануне предостерегал Губеля от непродуманных поступков. И вот сейчас в руках Вольфганга было письмо, которое ему так долго не удавалось добыть. С предостерегающими грифами: «Государственная тайна», «Доставить специальным курьером» и так далее. Письмо начиналось фразой: «Мой фюрер! Спешу сообщить Вам о моих конфиденциальных переговорах, проходивших по Вашему поручению в Лондоне...» В письме на четырнадцати страницах подробно говорилось о результатах лондонских переговоров. Вольфганг быстро пробегал глазами страницу за страницей. Из доклада фон Риббентропа следовало, что начальник внешнеполитического отдела выезжал в Лондон для того, чтобы установить контакты с британским правитель-

ством во имя конечной цели — направить совместную англо-германскую политику против Советского Союза. «Влиятельные круги Лондона,— писал Риббентроп,— отнеслись одобрительно к нашей инициативе и готовы продолжать дальнейшие переговоры...»

— Да...— протянул Вольфганг,— это очень важно! Но как тебе удалось достать письмо?

— Очень просто! — Франц рассказал, что утром он заехал в посольство, зашел в канцелярию, там случайно никого не было. На столе лежала папка. Он открыл ее и увидел это письмо. Сунул в карман и сразу же вышел.

— А что будет дальше? — строго спросил Вольфганг.— Ты поступил опрометчиво, Франц! Представляешь, что значит пропажа такого документа?! Я совсем не уверен, что расследование не даст результатов... Во всяком случае, гестапо насторожится.

— Но меня никто не видел,— возразил Губель.— Я сразу ушел из посольства и поехал к тебе...

— Еще того не легче! — Курт в изнеможении опустил руки.— А если ты привел за собой «хвост»?..

— Как же теперь быть? — с тревогой спросил Губель.

— Прежде всего сохранять спокойствие... Сделаем фотокопии, потом подумаем об остальном. Надо срочно уничтожить все следы...

Вольфганг ушел в ванную, где была оборудована фотолаборатория, и страницу за страницей сфотографировал донесение Риббентропа. Потом проявил пленку, удостоверился, что снимки отчетливы, и повесил их сушить.

Губель ждал. До его сознания медленно доходило, в какой сложной ситуации они оказались. Курт подошел к камину, зажег листки письма, прикурил и молча смотрел на пылающую бумагу, пока она не превратилась в пепел. Потом переворошил пепел и поднялся.

— Ну вот и все,— сказал он сдержанно.— Теперь будем ждать...

Через неделю Шелиа сказал Курту:

— У нас в посольстве большие неприятности. Исчезло секретное письмо. Фон Мольтке в тревоге. Он

приказал молчать, иначе вмяжется гестапо. С этими господами лучше не связываться.

— Но рано или поздно это раскроется. Может быть, лучше сообщить сразу? — сочувственно возразил Курт.

— Нет, нет! Мы об этом уже подумали. Пусть все считают, что письмо лежит в архиве.

Исчезновение копии секретного доклада Риббентропа Гитлеру так и осталось не замеченным ни в гестапо, ни в министерстве иностранных дел. Все считали, что оно хранится в посольском архиве.

5

За это время произошли и другие события, отразившиеся на личной жизни Курта Вольфганга. Каждая его встреча с Ильзой Штёбе — а встречи эти были редки и мимолетны — все осложняла их отношения.

В одну из поездок в Берлин Курт выкроил неделю и вместе с Ильзой поехал на Гарц, чтобы немного отдохнуть от напряженной работы. Они давно мечтали о такой поездке. Это была чудесная неделя, которую они впервые провели вдвоем. Только вдвоем.

Вечерним поездом они приехали в Вернигероде, старый живописный немецкий городок, будто выхваченный из раннего средневековья и до наших дней сохранивший свой древний облик. Здесь все дышало стариной — и тесные улочки, застроенные домами с черепичными, потемневшими от времени кровлями, и неизменная Марктплац, городская площадь, рядом с которой возвышалось готическое здание ратуши, и угрюмый замок курфюрстов на обрывистых скалах...

Поселились в гостинице со странным названием — «Обитель Иисуса Христа». На стене отеля под газовым фонарем висела чугунная мемориальная доска, утверждавшая, что в прошлом веке именно перед этим зданием остановился громадный пожар, едва не уничтоживший весь Вернигероде. Вероятно, отель и назвали именем Христа в знак этого господнего чуда.

Убранство комнат выглядело так же патриархально, как и весь город. Рядом с дверью, загромождая

вход, стоял громоздкий, как трон, мраморный умывальник; вдоль стен вытянулись просторные и крепкие деревянные кровати, застланные взбитыми пуховиками. Посредине широкий непокрытый стол, по углам тяжелые шкафы, сделанные на века. Все было добротно и прочно и походило на музейные экспонаты.

— Для полноты впечатлений не хватает только дилижанса, который подвез бы нас к этой гостинице,— сказала Ильза, распахивая окно.

Ощущение патриархальности нарушили вдруг медные голоса фанфар, дробь барабанов, пронзительные свистки. Окна выходили на городскую площадь, и на противоположной ее стороне, рядом с длинным приземистым зданием толпились туристы-подростки из гитлерюгенд. С рюкзаками за спиной, с альпенштоками, в полувоенной одежде, в шнурованных солдатских башмаках они строились в походные колонны и уходили в сторону гор, распевая песню о Хорсте Весселе. Едва в отдалении затих треск барабанов, как из приземистого здания по свистку высыпался на площадь новый отряд гитлерюгенд.

Курт, задумавшись, глядел на площадь, на гомонящих подростков, вдруг застывавших в строю по сигналу настойчиво-требовательного свистка.

— Знаешь, Ильза, меня угнетает вид этих юнцов, которые через несколько лет станут солдатами... Сможем ли мы удержать их от других походов?..

— Закрыть окно? — спросила Ильза.

— Нет, будет душно.

Только это неприятное соседство с туристской базой гитлерюгенд, с утра и до вечера маршировавших под грохот барабанов, омрачало настроение Ильзы и Курта. Каждое утро с рассветом, наскоро выпив кофе, они шли на вокзал, садились в туристский поезд, и смешной паровичок с трубой, похожей на железный гриб, тащил игрушечные вагончики к вершине Брокен. Смеясь и фантазируя, они болтали по поводу шабашей ведьм и колдунов, проводивших здесь вальпургиевы ночи.

Потом высаживались и на целый день уходили в горы. Единственным путеводителем молодой паре служил томик Гейне в порыжевшем кожаном пере-

плете — «Путешествие на Гарц». Поэта Гейне запретили в Германии, после того как в начале 1933 года Гитлер захватил власть. Томик вынимали из рюкзака, оставшись вдвоем, и поочередно читали «Путешествие» вслух, перед тем как избрать маршрут для предстоящих дневных скитаний.

В Вернигероде возвращались пешком. Дважды они поднимались на Брокен еще до рассвета, чтобы полюбоваться на восходе солнца «брокенскими призраками» — причудливыми тенями, падающими на облака, на шапки тумана, застывшие в горах. Странные, мимолетные тени рождались при первых лучах солнца и вскоре исчезали до вечера, до заката.

Иногда они рано возвращались в город и бродили по тесным средневековым улочкам, читали мемориальные доски о курфюрстах, правивших здесь некогда немецкими землями, покупали вернигеродские сувениры — ведьм, мчащихся на помеле, на вилах или в деревянном корытце. Покупали какие-то безделушки, плоские бронзовые колокольчики, мелодичные, расписанные яркими красками. Они были, как настоящие,— те, что звенели на горных склонах при каждом неторопливом движении пасшихся там коров и коз-верхолазов.

Все эти дни Ильза была весела и беззаботна. Дома, в «своей обители», разбирая купленные сувениры, Ильза повесила вдруг себе на шею вернигеродский колокольчик и задорно тряхнула головой. Колокольчик зазвенел на ее груди.

— Ты слышишь, Курт? — засмеялась она.— Я буду носить этот колокольчик, чтобы ты всегда слышал и знал, где я...

Курт привлек ее к себе:

— Я слышу тебя сердцем, Ильза. Но теперь буду издалека прислушиваться еще и к твоему колокольчику...

— Нет, это «издалека» мне совсем не нравится.— Ильза вдруг нахмурилась, помрачнела.

Чем ближе подходило время отъезда, тем чаще задумывалась и мрачнела Ильза.

В канун отъезда они изменили свое обычное расписание и утром поехали посмотреть замок вернигеродских курфюрстов. Замок осматривали бегло,

чтобы успеть побывать еще в рюбеландских пещерах, поглядеть на скульптуру бурого медведя, поставленную в глухом ущелье в память последнего из могикан медвежьего рода, пойманного здесь много лет назад. Конец дня решили провести снова на Брокене.

Полюбовавшись открывшейся панорамой, осмотрев старинное оружие, гобелены и уже покидая замок, решили спуститься в подвалы, тускло освещенные факелами, как в далекие времена курфюрстов. Когда после яркого света глаза привыкли к мраку, оказалось, что Ильза и Курт стоят в камере пыток. Посередине, рядом с возвышавшейся дыбой, стоял очаг-жаровня с погасшими углями и железными прутьями, на полках какие-то тиски, клещи, колодки, кандалы на ржавых цепях... Страшные атрибуты средневековых пыток. Ильза поежилась, и Курт торопливо увел ее из подземелья. Он вспомнил недавно прочитанное о том, что в Вернигероде в средние века казнили тридцать ведьм и двух колдунов... В этих подвалах добивались от них признания в общении с нечистой силой.

— Как все это ужасно,— сказала Ильза,— но ужаснее всего, что теперешняя Германия все больше погружается во мрак средневековья...

— Не будем сегодня об этом. Не надо...

Вольфганг старался отвлечь Ильзу от мрачных мыслей. Ильза снова повеселела на солнечном свете.

Солнце уже клонилось к западу. Ровным и мягким светом оно озаряло горы, открывшуюся впереди Ильзенскую долину, далекий и романтичный замок Генриха... В воздухе стояла легкая мгла, создающая удивительно мягкий, рассеянный свет. Они поднимались все выше каменистой тропой вдоль склона горы. Могучие пихты подступали к самой тропе, их корни, причудливо извиваясь, цеплялись за валуны, выползали, как змеи, из расщелин скал. Внимание Ильзы и Курта привлекали то особая синева леса на горизонте, то малахитовый цвет пихт, ярко освещенных солнцем, то причудливые изломы корней, будто застывшие в единоборстве с камнями-валунами.

— И все-таки я не хотела бы стать камнем,— сказала Ильза, отвечая каким-то своим мыслям.— Уж

лучше корнем... Камни живут долго, веками лежат на месте, спокойно и равнодушно, а корни умирают раньше, но вступают в борьбу, дают жизнь...

— Удивительно! — воскликнул Курт.— Я тоже подумал об этом.

Перебрались через горный ручей, стремительно сбегавший вниз по камням. Вышли на открытую поляну. Дальше был глубокий обрыв, и тропа круто сворачивала в сторону.

— Ильза, дай я тебя здесь сфотографирую. Сядь на тот камень.— Он достал из рюкзака аппарат.— Хочешь яблоко?

Ильза поймала яблоко и впилась в него зубами. Пока Курт готовил аппарат, она ждала, сидя на краю скалы, наклонив голову, и задумчиво глядела вниз. Но взор ее был устремлен внутрь себя. Лицо сделалось строгим, почти холодным. Курт, не предупредив, навел аппарат и нажал спуск... Услышав щелчок, Ильза подняла голову.

— Ну что с тобой? — ласково спрашивал Курт, положив руку на ее плечо.

Ильза откинула прядь волос, упавшую на лицо, посмотрела на Курта. Курту казалось, что она смотрит на него невидящим взглядом, как минуту назад глядела в горные дали.

— Знаешь, Курт, я, вероятно, просто устала от бесконечного ожидания наших встреч... Впервые я ощутила здесь радость от нашей близости. Теперь будет особенно грустно. Ведь мы могли бы всегда быть вместе. Пойми меня, Курт, мне временами так одиноко...

— Но ты знаешь, Ильза, пока иначе нельзя.

— Почему, Курт? — они снова шли по каменистой тропе, и Вольфганг бережно придерживал ее за плечи. Ильза резко повернула к нему лицо.— Почему? Почему мы не можем быть вместе, работать вместе, жить вместе?! Я не хочу быть колокольчиком, который ты слышишь издалека. Это красиво звучит, но... Я всегда так тревожусь за тебя, Курт. Недели, месяцы не знаю, что с тобой. Мы можем, мы должны быть вместе. Сделай это!

Они стояли лицом друг к другу, обуреваемые одним чувством. Замок на другой стороне долины был

виден в прозрачном воздухе со стереоскопической ясностью. Они шли сюда, чтобы полюбоваться видом замка, но сейчас совсем о нем забыли.

— Мне тоже, Ильза, трудно, когда я думаю о нас... Но поверь, девочка, я не хочу подвергать тебя опасности.

Ильза иронически взглянула на Курта:

— А ты боишься опасности?

— Для себя — нет, но это касается тебя.

— Ну какая разница, Курт: работаю ли я одна или буду рядом с тобой заниматься тем же делом? Опасность не возрастет, но я перестану тосковать. Придумай что-нибудь, Курт, чтобы мы были вместе... Ты ведь знаешь — я умею быть осторожной. Ты заметил, даже здесь я не называла тебя твоим настоящим именем...— В голосе Ильзы звучали мягкие, просительные нотки.

— Не от меня ведь это зависит,— печально сказал Курт.— Попробую поговорить с Оскаром, с товарищами...

— Ты обещаешь?.. Да? Обещаешь?! — она прильнула к нему, заглядывая в лицо. В глазах Ильзы уже не было той холодной отчужденности, как там на скале у обрыва.

6

На Курфюрстендамм в Берлине, ближе к Гедехтнис-кирхе еще и сейчас стоит фешенебельный ресторан «Ам-Цоо» с просторными мрачноватыми залами и открытой верандой, отгороженной от улицы барьером посаженных в ящики лиловых рододендронов, камелий или других цветов, в зависимости от сезона. В летние дни за мраморными столиками всегда много посетителей. Они пьют из маленьких чашечек кофе, потягивают прохладительные напитки, просматривают газеты или просто разглядывают пешеходов, фланирующих по Курфюрстендамм.

Именно в этом многолюдном месте в предвечерний час Курт и Оскар назначили очередную встречу. Они «неожиданно» столкнулись у входа, вместе прошли на веранду, выбрали пустующий столик в углу

у цветочного барьера. Разговоры о пустяках перемежали фразами, ради которых они и встретились в ресторане «Ам-Цоо».

Курт все еще находился под впечатлением Вернигероде, разговоров с Ильзой. В самом деле, почему бы не попытаться перетащить ее в Варшаву? Об этом он и заговорил с Оскаром. Оскар вдруг рассмеялся.

— Да ты просто читаешь мои мысли! — воскликнул он.— А я собирался тебя уговаривать. Что она сейчас делает? Я ее давно не видел.

— Почти ничего... Ты же знаешь, «Берлинер тагеблатт» все-таки закрыли. Теодор Вольф уехал в Женеву и приглашает меня сотрудничать в швейцарских газетах. Но я не могу. На мне висит рекламное бюро моей фирмы... Ильза ездила ненадолго к Вольфу, писала для «Цюрихер цайтунг», но занималась главным образом нашими делами. Побывала в Вене, в Румынии, тоже корреспонденткой. У нее это получается. Работала на связи, держится уверенно, спокойно.

— Тебе сейчас все равно нельзя уезжать из Варшавы,— сказал Оскар.— Дело не в рекламном бюро.

— В том-то и дело. Я согласился работать корреспондентом «Прага-пресс». Часто бываю в Праге. Пока преуспеваю — в первую же поездку получил интервью президента Бенеша. Помимо интервью много говорили о германской политике, так сказать не для печати. Он пригласил снова побывать у него, как только я появлюсь в Праге. Мне кажется, что он недооценивает угрозу, которая нависает со стороны Гейнлейна *.

— Ну, а как поживает Грета? Я так давно ее не видел,— спросил вдруг Оскар. Он умышленно громко спросил о мифической Грете. Он обратил внимание, что женщина, сидевшая неподалеку за столиком, уж слишком усердно перечитывает одно и то же газетное объявление... Перед ней стояла недопитая чашка кофе. Конечно, посетительница, вызвавшая подозрение Оскара, не могла слышать их разговора. Сидела

---

* Фашистский главарь судетских немцев в Чехословакии.

она довольно далеко, а разговаривали они тихо, как два старых друга, доверительно и неторопливо рассуждающие о своих делах. Тем не менее было ясно — женщина наблюдает за ними.

Они расплатились с кельнером, неторопливо поднялись и вышли из кафе. На другой стороне улицы остановили такси. Уезжая, Курт оглянулся. Женщина, только что сосредоточенно читавшая газету, стояла у выхода из «Ам-Цоо» и озиралась, видимо потеряв заинтересовавших ее мужчин...

Так бывало в их жизни. Они постоянно ходили, как по краю пропасти, окруженные всюду подстерегавшей опасностью.

В такси Оскар сказал:

— Расстанемся ненадолго. Лучше не искушать судьбу.— Он взглянул на часы.— Встретимся через час, на Потсдамском вокзале, а пока разойдемся и погуляем...

Разговор продолжили на вокзале, расхаживая по перрону в ожидании пригородного поезда. Снова вернулись к Ильзе Штёбе.

— Мне кажется,— сказал Оскар,— Альте надо работать в корреспондентском пункте того же Губеля, который занимается спортивной информацией. Или у тебя в рекламном бюро. Но лучше всего устроиться бы ей на службу в посольство, чтобы быть поближе к Арийцу. На этот счет в Центре есть некоторые соображения.

— Работа в рекламном бюро исключена,— возразил Вольфганг.— Я сторонник рассредоточенных действий. Альта должна быть возможно дальше и от тебя, и от меня.

— Это верно, но ты же не сможешь изолировать ее от себя,— усмехнулся Оскар.

— Альта — моя жена,— просто сказал Вольфганг.— Но для других она только моя знакомая. Мы будем жить на разных квартирах. Мне не хотелось бы подвергать ее излишнему риску.

— Хорошо, я доложу Центру... Ну а что делать с Арийцем? Не пора ли более активно привлечь его к работе? Сколько времени ты его знаешь?

— Да года четыре... Человек он смелый, но, к сожалению, не всегда осторожен в поступках и разго-

ворах. Гитлера ненавидит, спокойно не может говорить о нем. На этой основе, я думаю, и можно действовать.

— И все же пока не все следует ему говорить... Ни слова про Советский Союз... Окончательные указания ты получишь обычной связью.

С толпой пассажиров прибывшего поезда они вышли с Потсдамского вокзала и разошлись в разные стороны. Вопрос о привлечении к работе Рудольфа фон Шелиа был предрешен. Оскар передал еще, что Центр согласен с переездом Ильзы Штёбе в Варшаву.

К разведывательной работе Вольфганг привлек ее в начале тридцатых годов, когда Ильза еще работала секретарем редактора Вольфа в «Берлинер тагеблатт». Ей было двадцать два года, она была комсомолкой и состояла в группе революционной немецкой молодежи. С Куртом дружила давно и, не задумываясь, ответила согласием войти в организацию. Но прошли долгие месяцы, прежде чем Ильзе стали давать отдельные поручения. Оскар, которого Курт Вольфганг познакомил с Альтой, писал о ней:

«Все данные говорят, что при соответствующей политической работе с ней из нее выйдет хорошая, твердая разведчица в смысле твердости характера и ее эмоционального темперамента... У нее есть перспектива работать корреспонденткой в газете. В этой области она проявляет большие способности и успехи».

Альта отлично справлялась с заданиями связной, ездила в Прагу, бывала в Вене. Теперь ей предстояло работать в Варшаве. Наконец-то она будет рядом с Куртом, с ее Куртом, настоящее имя которого она могла называть только мысленно! С легким сердцем покинула она квартиру матери на Франкфуртер-аллее, где прожила столько лет. Она шла навстречу опасностям, шла трудным путем, который избрала сознательно и убежденно.

Вскоре Центр дал согласие по поводу Рудольфа фон Шелиа, и Вольфганг приступил к делу. Прежде чем начать разговор с советником германского посольства в Варшаве, перебрали уйму вариантов и наконец остановились на последнем. Он требовал

осторожности, времени, кропотливой подготовки, но, несомненно, сулил успех.

Заехав к фон Шелиа, Курт как бы между прочим сказал ему:

— А у меня приятная новость, Рудольф! Кажется, я скоро поеду в Англию по делам фирмы.

— Надолго?

— Не знаю... Недели на две. Там у меня много друзей, покинувших Германию. Надеюсь, они расскажут много интересного.

— Завидую тебе... Расспроси получше, что они думают по поводу нашего ефрейтора. Ужасно, когда страной управляют сигаретные торговцы! Ограниченные, бездарные людишки... Как мне все это надоело, если бы ты знал!..

— Прошу тебя, держи при себе такие мысли,— предостерег его Курт.

— Но мы же разговариваем с глазу на глаз... Я знаю, с кем говорю.

Было это в середине лета, и Курт Вольфганг вскоре действительно уехал в Лондон. Время в британской столице он провел с большой пользой. Встречался с хорошо осведомленными людьми. Раза два Курт обедал с Фрайндом, немецким корреспондентом в Лондоне, который с приходом Гитлера предпочел остаться в Англии и принял британское подданство. Разговаривал с австрийским пресс-атташе, с советником румынской миссии, с Фойгтом — дипломатическим обозревателем «Манчестер Гардиан»...

Переполненный впечатлениями и новостями, Курт возвратился в Варшаву. Само собой разумеется, что один из его первых звонков был к советнику Рудольфу фон Шелиа.

— Приехал! Когда встретимся?..

— Хоть сегодня. Приезжай обедать.

Обедали поздно, и разговор за столом затянулся до вечера. В подарок фон Шелиа Курт привез коробку сигар — настоящая Гавана. Дорогими безделушками обрадовал жену советника. Первая встреча прошла в разговорах о лондонских впечатлениях. Курт был в ударе, рассказывал смешные истории, великосветские сплетни, восхищался лондонской жизнью... Рихард Фрайнд собирается ехать в Индию,

его пригласил сказочно богатый магараджа написать статьи к своему юбилею. Обещал неслыханный гонорар... Побывал на обеде у баронессы Гудберг, которая собирается выходить замуж за Герберта Уэллса... Жена советника расспрашивала об английских модах.

Прощаясь с гостеприимными хозяевами, Вольфганг сказал Рудольфу фон Шелиа:

— Кое-что мне нужно рассказать только тебе, Рудольф. Давай еще раз встретимся.

На другой день фон Шелиа сам позвонил Курту:

— Послушай, ты меня заинтриговал... Приходи сегодня. Жена уезжает в театр, и мы сможем поговорить.

Казалось, нет ничего на свете, что могло бы удивить или вывести из равновесия Рудольфа фон Шелиа. Но на этот раз он с нетерпением ждал встречи с Куртом. Однако главную тему беседы Вольфганг приберег под конец.

— Итак, ты обещал рассказать что-то интересное,— выспрашивал его фон Шелиа.

— Подожди — после ужина... Сначала расскажу о политических новостях.

В этот вечер Курт снова заговорил о впечатлениях, которые произвела на него богатая Англия, о высокомерии лондонцев, об интересе, проявляемом к германской политике. Курт рассказал о своей встрече с австрийским советником графом Гюйном, который удручен тем, что Германия намерена оккупировать Австрию... Румыны заказали подводные лодки на германских военных верфях. Скоро Румыния получит современные подводные лодки, которые появятся в Черном море.

Фон Шелиа слушал Вольфганга с завистью и восхищением:

— Как ты умеешь добывать такие новости! Все это интересно, но ты обещал мне вчера рассказать что-то еще?

— А вот что...

И Курт рассказал: на одной из встреч в загородном доме руководителя отдела рекламы «Манчестер Гардиан» к нему подошел некий мистер Брейдли из туристской фирмы Кука и завел довольно странный разговор. Перед тем Брейдли слышал, как за обедом

Вольфганг довольно откровенно высказывался о положении в Германии, не скрывая своих настроений. Так вот, этот Брейдли спросил: «А не могли бы вы, господин Вольфганг, информировать нас о некоторых событиях, происходящих в Германии... Нас тревожит политика Гитлера».

— Ну и что ты на это ответил? — спросил фон Шелиа.

— Что я мог ему ответить?.. Сказал: я вас не совсем понимаю. Тогда Брейдли уточнил: его интересует внешняя политика гитлеровской Германии. Я, естественно, удивился: я не дипломат и не располагаю такими материалами! На это Брейдли сказал: «Но, может быть, вы смогли бы привлечь кого-либо из осведомленных немецких дипломатов? Конечно, не безвозмездно». Я ответил — подумаю. И решил посоветоваться с тобой, Рудольф... Что мне сказать англичанам?

Вольфганг и фон Шелиа сидели за кофейным столиком в кабинете советника. Лицо Курта было невозмутимо спокойно.

Фон Шелиа глубоко затянулся гаванской сигарой.

— А сам ты, Курт, что думаешь об этой ситуации? — спросил он.

— Я думаю, что в интересах антигитлеровской борьбы такие контакты могут быть полезны... Ну и в материальном отношении...

Разговор достиг своей кульминации. Курт был напряжен до предела.

— Однако сам я не смог на такое решиться,— продолжал он.— В то же время было бы глупостью сейчас же отказаться. Верно?

Рудольф фон Шелиа поднял с пепельницы сигару, медленно поднес ее ко рту, на мгновение задумался.

— А я бы на твоем месте решился! Гитлер ведет Германию к гибели, и все средства, которыми можно противостоять этому, должны быть использованы...

— Вообще-то я тоже так думаю... Но англичане предлагают сделать это за плату...

— Ну и что же? Деньги есть деньги... Только англичане должны знать, что мы идем на это не из-за денег...

— Да, да... Мистер Брейдли спрашивал меня об условиях, но я в этих делах профан.

— Я тоже... Главное, пусть они не думают, что мы станем работать ради денег,— повторил фон Шелиа.— Так им и скажи.

— В том-то и дело. Но я хотел сначала поговорить с тобой. С кем я могу еще посоветоваться... Конечно, скажу откровенно, я не отношусь безразлично к материальной стороне дела. Может быть, предложить им другое: пусть они перечисляют какие-то суммы на банковский счет, чтобы эти деньги можно было получить, предположим, года через два.

— Может быть. Подумай и об этом.

— Если говорить о моральной стороне дела,— продолжал Вольфганг,— она не вызывает у меня никаких сомнений. Я полностью разделяю настроения тех, кто стремится избежать войны и готов помогать таким людям.

— Естественно! Об этом не может быть двух мнений,— подтвердил фон Шелиа.— На твоем месте я бы согласился... Ты рассказывал еще кому-нибудь об этом там, в Англии, или в Берлине?

— Нет! Разве о таких вещах говорят... Прошу тебя — об этом никому и ни слова.

— Да, само собой разумеется. Скажи, а как практически можно осуществить предложение этого самого, как его... Брейдли?

— Да, Брейдли... Он предложил встретиться в Вене второго или третьего августа либо в Цюрихе восемнадцатого. В туристском бюро Кука. Времени не так уж много.

— А как это делается? Письменно или устно дают такое согласие?

— Ну что ты! Никаких письменных соглашений... На это я не пойду, все должно быть окружено непроницаемой тайной.

— Правильно,— сказал фон Шелиа.— Но, действительно, пришла пора что-то предпринимать. Меня глубоко тревожит авантюризм Гитлера, наш ефрейтор по своей малограмотности не читал Бисмарка, он приведет Германию к гибели. Вот что меня волнует... Однако обо всем надо серьезно подумать. Завтра я

тебе позвоню,— сказал фон Шелиа, завершая разговор.

Но на другой день фон Шелиа не позвонил. Его звонок раздался только через день к вечеру. Сначала он заговорил об экскурсии в поместье князя Радзивилла, которую варшавские дипломаты совершили в минувшее воскресенье, потом спросил:

— Ну как, ты решил ехать?

— Да, кажется, я склоняюсь к этому... А ты?

— Чем больше я раздумываю, прихожу к одному выводу... Мне кажется, что так будет правильно, приезжай, поговорим.

Рудольф фон Шелиа давал согласие работать против нацистской Германии! Победа, большая победа! Курт Вольфганг выигрывал большую игру.

Когда Курт собрался уезжать в Цюрих, фон Шелиа сказал ему:

— Передай Брейдли, что я согласен поддерживать с ним контакты и содействовать устранению нашего ефрейтора. Так и скажи ему! Я делаю это по мотивам политическим. Остальное не имеет существенного значения...

В Цюрихе Вольфганг встретился с курьером, прибывшим из московского Центра. На девятнадцатое августа с ним была назначена встреча. Курт рассказал ему о происшедшем.

Рудольф фон Шелиа стал источником неоценимой секретнейшей информации. Курт Вольфганг сообщал в Центр:

«Ариец информирует меня обо всем, что ему кажется важным. Документы, которые меня интересуют, он прочитывает вслух или разрешает читать мне самому, обычно только предупреждая: «Возьми в руки газету на всякий случай. Если кто войдет в кабинет, прикрой ею секретные телеграммы...»»

Среди документов, переданных Рудольфом фон Шелиа, был циркуляр о ликвидации острого дефицита промышленного сырья, возникшего в Германии. Берлин требовал от всех посольств за границей использовать малейшую возможность для закупок стратегического сырья. Было здесь подробное изложение беседы министра иностранных дел фон Нейрата с руководителем данцигских нацистов Ферсте-

ром о подготовке путча для присоединения к Германии вольного города Данцига... Ферстер — племянник Гитлера.

Теперь Курт Вольфганг узнавал все, что знал фон Шелиа. А знал он многое. Советник был посвящен в тайны германской дипломатии, знал некоторые ее планы, исходившие от главарей нацистской Германии.

Рудольф фон Шелиа оставался все тем же невозмутимым снобом, самоуверенным и неосторожным. Казалось, он был лишен малейшего чувства страха. Временами Ариец совершал просто опрометчивые поступки, и Курт затрачивал большие усилия, чтобы предостеречь, оградить его от опасности.

Однажды, это было за год до войны, они условились встретиться на квартире у Курта. Ариец обещал привезти только что полученные в посольстве документы. Фон Шелиа приехал на несколько минут раньше. Курта еще не было дома. Переходя улицу, он увидел у подъезда «мерседес» дипломата.

Курт принялся спешно фотографировать документы. С тех пор, как он привлек к работе германского дипломата, Вольфгангу иногда приходилось одновременно снимать по две-три сотни микрокопий. Потом он проявлял пленки, промывал, высушивал... Делать все надо было до прихода уборщицы, которая рано утром наводила в квартире порядок. И вообще ночной работой не следовало злоупотреблять. Шум воды мог вызвать подозрения у соседей,— почему это жилец со второго этажа глубокой ночью так часто пользуется ванной?!

На этот раз работы тоже хватало... Советник сидел на табурете, наблюдал за работой Вольфганга. Горел красный свет, и лицо фон Шелиа неясно выступало из темноты.

— У меня новость,— сказал фон Шелиа,— мне предлагают работу в Берлине. Прекрасные условия, я почти согласился. Что ты об этом думаешь?

— Какую работу? — спросил Курт. Он закончил фотографирование и, натянув резиновые перчатки, проявлял пленку.

— В бюро Риббентропа. Я буду в курсе дел всей гитлеровской дипломатии. Как тебе это нравится?

— Ну что ж, возможно, в этом есть смысл,— ответил Вольфганг.— Когда же это может произойти?

— Очень скоро, в течение одного-двух месяцев.

Но прошло около полугода, пока решился вопрос о назначении Рудольфа фон Шелиа на высокий дипломатический пост и он уехал в Берлин. Это было как нельзя кстати. Политическая обстановка в мире все больше осложнялась. Над Советским Союзом нависала угроза войны. В этих условиях информация из высших германских дипломатических кругов приобретала первостепенное значение.

Перед отъездом в Берлин фон Шелиа устроил пышные проводы в арендованном для этого ресторане «Полония». Среди гостей, конечно, был и Вольфганг. Произносились проникновенные тосты, звенели бокалы, на столах в тяжелых литых подсвечниках горели свечи. Блистали драгоценности декольтированных женщин.

Ильза Штёбе сидела с краю стола в обществе сотрудников посольства и немецких журналистов. После ужина гости перешли в соседний зал, курили, болтали и слуги обносили гостей бокалами вина и маленькими чашечками кофе. Курт разыскал в толпе Ильзу и, взяв ее под руку, восхищенно шепнул:

— Сегодня ты очаровательна, Ильза!.. Идем, я представлю тебя Арийцу.

— Я предпочла бы провести этот вечер у твоего камина,— тихо ответила Ильза.— Мы ведь снова должны расстаться...

— Господин оберрегирунгсрат,— дружески-официальным тоном остановил Курт спешившего к кому-то советника,— разрешите представить вам госпожу Ильзу Штёбе, о которой я вам рассказывал. Она тоже скоро уезжает в Берлин.

Фон Шелиа почтительно наклонил голову, Ильза протянула руку.

— А мы, кажется, немного знакомы! — воскликнул советник.— Не так ли?

— Возможно, встречались где-нибудь на приеме или в посольстве. Я часто там бываю.

Об Ильзе Штёбе Курт разговаривал с фон Шелиа еще задолго до предстоящего отъезда советника.

В Центре решили, что Альта переезжает в Берлин и поддерживает связь с Арийцем. Молодая двадцатисемилетняя женщина становилась во главе одной из подпольных берлинских организаций.

Курт сказал тогда фон Шелиа:

— К сожалению, Рудольф, мы должны расстаться. С тобой будет связана Ильза Штёбе. Можешь ей доверять, как мне. Желаю тебе успеха!

Вскоре после отъезда советника в Берлин уехала и Альта. Вольфганг не смог даже проводить ее на вокзал.

Через несколько месяцев они встретились в Варшаве еще раз. Она приезжала по делам. Последнее время перед отъездом из Варшавы Ильза работала референтом нацистского руководителя немецкой колонии в Варшаве, занималась воспитанием немецких женщин в духе национал-социализма. В немецкой колонии было много жен дипломатов, чиновников...

Близилась осень, в парке было пустынно. Альта рассказывала о своей работе, говорила, что ей нужна прямая связь с Москвой на случай непредвиденных обстоятельств. Курт пообещал все сделать. Потом заговорили о своем, личном. Ильза грустила, но пыталась скрыть это от Вольфганга.

Деревья начинали желтеть. В прозрачном холодном воздухе кружились листья.

— Первая седина леса,— сказала Ильза. И Вольфганг понял: она пытается сделать вид, что ее печалит увядание природы.

— Мы скоро встретимся, Ильза,— сказал Курт.— Посмотри, посмотри, какой зеленый ежик,— сказал он, поднимая с земли половину каштана.

— Конечно, я уверена в этом,— говорила Ильза,— мы поедем в Москву. Ты станешь заниматься социологией, я буду помогать тебе, подбирать материалы. Ты еще не знаешь, какая я прилежная секретарша. Дай-ка мне этот каштан,— вдруг сказала она.

Курт снял зеленую оболочку, под которой лежал глянцевитый коричневатый каштан, и протянул его Ильзе.

— Это на память о нашей прогулке,— сказала она, будто предчувствовала, что это их последняя встреча.

Ильза уехала. А вскоре началась война — Германия напала на Польшу.

Перед тем Курт получил указание Центра — ликвидировать дела и покинуть Варшаву. Он должен уходить последним. В зависимости от обстановки пробираться либо на юг, в Бухарест, либо на север, через Прибалтику, в Ленинград. Это указание передал специальный курьер, с которым Курт встретился на Мокотовском поле в Варшаве, где собирались тысячи людей, главным образом безработные. Это было удобное место для тайных встреч.

Члены подпольной группы Вольфганга получили явки для встречи в Берлине. Они получили адрес: Франкфуртер-аллее, 202, квартира, где жила мать Ильзы Штёбе. Для связи установили сложную систему паролей. Прежде всего надо было прислать открытку за подписью «Пауль». Это для мужчин. Для женщин — «Паола». Затем, через строго установленный срок, назначалась явка где-то в сквере, в кафе, в метро или на платформе электрички...

Девять лет Курт Вольфганг провел в Варшаве. Теперь ему предстояло выполнять новое задание, получить новое имя, принять новый облик. Курта Вольфганга больше не существовало.

ГЛАВА IV

«КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»

1

Фрау Мария Луиза считала, что необходимо пригласить рейхсмаршала Геринга. Он так много сделал для Харро, для Либертас... В такой день рейхсмаршал непременно должен быть гостем в их доме.

— Он так протежирует тебе, так внимателен ко всем нам,— твердила Мария Луиза, стараясь убедить сына.— Если рейхсмаршал был свидетелем при вашем бракосочетании, то как же ему не быть на дне твоего рождения! Нет, нет. Это просто невежливо... Я сама приглашу его.

Упорство сына разволновало ее. Откинувшись в кресле-качалке, фрау Мария Луиза нервно терла виски кончиками пальцев — начиналась мигрень. Эрих Шульце не вмешивался в разговор, это тоже раздражало. Граф молча рылся в домашней аптечке, отыскивая для жены таблетки от головной боли.

Отцу Харро было за пятьдесят. Высокий, подтянутый, он даже в штатской одежде выглядел человеком военным, кадетская выправка чувствовалась в каждом движении.

Семья Шульце-Бойзенов расположилась в гостиной. Харро с Либертас заехали к родителям, и неожиданно здесь возник разговор о его дне рождения. Харро вдруг заупрямился. Он мягко, но настойчиво возражал, и Либертас поддерживала мужа.

— Пойми, мама, мы хотим собрать только близких друзей. Геринг и сам будет не в своей тарелке. Пригласить его,— значит, надо звать и графов Ойленбургских, и многих других. Наша квартира в Грюневальде просто не приспособлена для таких приемов...

К тому же это не такая дата — двадцать девять лет. Вот на будущий год — может быть...

Мать предприняла еще одну попытку убедить сына:

— Рейхсмаршал сколько раз приглашал нас в свое имение в Кариненгоф... Помнишь, в прошлом году?..

Разговор затянулся, но не привел ни к чему. Отец нарушил молчание.

— Успокойся, Мария Луиза,— сказал он,— тебе до сих пор кажется, что они дети. Пусть они сами решают такие дела.

Фрау Марии Луизе так и не удалось взять верх в семейном споре. Но если бы это и случилось, рейхсмаршал все равно не смог бы появиться в их доме: в канун дня рождения Харро Шульце-Бойзена германские войска перешли польскую границу, и рейхсмаршал специальным поездом отбыл в свите фюрера на восток. Началась война.

Молодые супруги не стали откладывать семейный вечер. Наоборот, они считали такое совпадение удачным: надо встретиться, обменяться мнениями по поводу происходящих событий.

Гости, ошеломленные известием о войне, только об этом и говорили. Гремело радио. Сообщения о первых успехах в Польше перемежались воинственными маршами, звуками фанфар и барабанной дробью. Несколько раз передавали выступление Гитлера в рейхстаге — истерические вопли, прерываемые ревом наэлектризованных слушателей.

Первой в доме Бойзенов появилась неразлучная пара — Арвид и Милдрид Харнак.

Государственный советник Арвид Харнак работал в министерстве экономики, слыл большим специалистом, дружил с Харро Шульце-Бойзеном, и главным, что их объединяло, было полное неприятие нацизма.

Что касается Милдрид Харнак, то по ее адресу друзья шутили: для этой женщины существуют в мире только Арвид да классическая литература... Блондинка с лучистыми светлыми глазами, Милдрид боготворила мужа, восхищалась его умом, разделяла все его убеждения. Строгие черты лица, гладко зачесанные волосы, сдержанная манера держаться при-

давали ее облику оттенок некоторой сухости. Милдрид нельзя было назвать красивой, но стоило ей улыбнуться, лицо ее преображалось, становилось таким обаятельным... Американка немецкого происхождения, она познакомилась с Харнаком в Штатах, когда Арвид был студентом, вышла за него замуж и переселилась в Германию. Милдрид преподавала литературу в Берлинском университете, занималась поэтическими переводами — переводила на английский, главным образом Гёте.

— Ну, что ты обо всем этом скажешь? — сразу же спросил Арвид, сбрасывая макинтош и помогая жене раздеться. Сняв очки, он в упор смотрел на Харро темными близорукими глазами.— Для нас война так просто не кончится. Я говорю о Германии...

Харро не успел ответить — вошла Эрика фон Брокдорф, жизнерадостная красавица с чувственным ртом и мило выступающими скулами.

— Вы знаете, что сказал мне Кай! — еще с порога воскликнула Эрика. Она говорила о своем муже.— Он уже где-то на границе, звонил из полевого штаба. Говорит, что все находятся под впечатлением речи фюрера... Поход в Польшу называют двухнедельной прогулкой. В следующую субботу многие намерены вернуться в Берлин... Представляете себе: война для них — прогулка! Какой-то сплошной угар...

Входная дверь больше не запиралась, гости входили один за одним. Пришли сослуживец Харро по министерству военно-воздушного флота обер-лейтенант Гольнов, скульптор Курт Шумахер с женой Элизабет, актриса Ода Шотмюллер, пожилой анархиствующий писатель Кальман с молодой супругой Элли. Приехали старые друзья матери, чопорные граф и графиня фон Крозиг унд Беллендорф, однополчанин отца капитан Штальмарк, мать Либертас — Тора Ойленбург, гордившаяся своим дальним родством с бывшим кайзером Вильгельмом Вторым...

В доме Шульце-Бойзенов на Альтенбург-аллее собирались представители самых различных кругов немецкой интеллигенции: архитекторы, литераторы, актеры, художники, адвокаты, теологи, экономисты. На этот раз Либертас решила не устраивать обычного праздничного стола с пышной сервировкой,

сменой горячих блюд. Ограничились холодными закусками.

Либертас, похожая на французского пажа — с челкой и распущенными волосами до плеч, старалась создать атмосферу непринужденного веселья. Это ей удавалось. После тостов и поздравлений Харро с его днем рождения завязался общий разговор о последних событиях. Общество постепенно распалось на группы, разбрелись по всему дому. Харро с Арвидом Харнаком поднялись в кабинет, к ним присоединилась Милдрид, потом Курт Шумахер и еще несколько гостей.

— Если вы не верите мне, спросите отца, что я писал ему из Дрездена, когда наши войска оккупировали Чехословакию,— возбужденно говорил Харро.— Я предвидел события и написал отцу, что мировая война не за горами, что разразится она самое позднее в сороковом — сорок первом году. Я был прав! Походом на Польшу все и начинается... Говорят, англичане уже объявили войну Германии.

Кто-то из друзей возразил: Гитлер столкнется с западом — у англичан и французов военный договор с Польшей. Война на западе неизбежна, она приведет к падению гитлеровского режима. Англичане не сегодня завтра начнут бомбардировку Берлина.

— Ну а вы-то сами за то, чтобы Германия победила или проиграла в этой войне? — повернулся Харро к говорившему.

— Я немец и, разумеется, предпочитаю победу Германии, хотя не согласен с политикой режима Гитлера.

Харро, прищурившись, взглянул на своего оппонента.

— У вас ослаблены слезные железы! — воскликнул он.— Нельзя под видом Германии начинать оплакивать нацистский режим... Это же разные вещи — политика Гитлера и наша старая, добрая Германия! Что касается меня, то я хочу стереть пощечины, которые мне надавали на Принц-Альбрехтштрассе... Теперь о другом. Неужели можно всерьез думать, что англичане и французы могут принести Германии освобождение? Не ждите этого! И те и другие начнут маневрировать, искать компромисса, пой-

дут на уступки... В конце концов Гитлер повернет на восток, и только русские смогут сломить фашистский режим.

В тот вечер в квартире Шульце-Бойзена велись очень откровенные разговоры.

В кабинет ворвалась Либертас, следом за ней вошел Кальман с насторожившейся Элли. Разговор продолжался и при них.

— Ну довольно, Харро,— прервала Либертас мужа.— Мы же собрались веселиться, идемте танцевать, нам без вас скучно!..

По пути в гостиную Милдрид, поотстав, сказала Шульце-Бойзену:

— Ты очень неосторожен, Харро... Нельзя же так откровенно...

— Еще не хватало! В своем доме я могу говорить так, как думаю.

— А ты уверен, что здесь все думают так же?

— Нет, не уверен, но я не собираюсь скрывать от своих друзей то, что думаю...

Не только Милдрид насторожили разговоры хозяина дома. Супружеская пара Кальманов вскоре распрощалась с гостями и уехала с вечера. На улице, поджидая такси, Элли раздраженно говорила мужу:

— Куда ты меня привез, Эрнст?! Этот Харро просто сумасшедший! Каждая его фраза может стоить головы... Сидят у камина, пьют кофе и рассуждают в кабинете о таких вещах, что страшно подумать... Обещай мне, Эрнст, что мы никогда с ними не встретимся.

До самого дома она не могла успокоиться.

— Как можно, как можно! — восклицала она.— Собираются интеллигентные, обеспеченные люди и разговаривают так, будто они на коммунистическом собрании... Я уловила что-то зловещее в том, что они говорили. Хорошо, что мы быстро уехали...

2

У Харро Шульце-Бойзена были свои счеты с нацизмом.

Когда-то в Берлинском университете издавался студенческий журнал «Гегнер» — «Противник».

Крохотный журнальчик печатался маленьким тиражом, распространялся только в стенах университета, и как-то Харро поместил в нем статью, в которой изложил собственное, довольно еще путаное кредо.

«Тысячи людей,— писал он,— говорят на тысячах разных языках. Они излагают свои идеи и готовы защищать их даже на баррикадах. Мы не служим ни одной партии, мы не имеем никакой программы, у нас нет никакой закаменевшей мудрости. Старые державы, церковь и феодализм, буржуазное государство, как и пролетариат или движение молодежи, не могли на нас повлиять...»

Студенту Шульце-Бойзену было тогда чуть больше двадцати лет. Через год к власти пришли нацисты. Они запретили журнал и арестовали студента, написавшего «вольнодумную» статью. Три месяца Харро провел в подвалах гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. От него допытывались:

— Гегнер? Противник? Противник чего — национал-социализма?

Харро ответил:

— Мы против бюрократической тупости...

Следователь-гестаповец принял это на свой счет. Он подошел к Харро и хлестнул его по щеке...

Позже на допросах в подвалах Принц-Альбрехштрассе его били сильнее, но первая пощечина запомнилась ему как самая унизительная. Молодой Шульце-Бойзен был самолюбив. Он, Шульце-Бойзен,— потомок Тирпицев! И какие-то ничтожества смеют его бить, как последнего бродягу!..

Никакие протесты не помогали, Харро грозило заключение в концлагере. Чтобы освободить сына, Мария Луиза использовала все свои великосветские связи. Вмешался Геринг, и вскоре Харро вышел на свободу. Но вышел оскорбленный, взбешенный, возненавидевший нацизм всем своим существом.

Об этом неприятном эпизоде вскоре забыли. Все, кроме Харро. Он закончил авиационную школу, через три года женился на внучке графа Филиппа Ойленбургского красавице Либертас. Женитьба укрепила положение Харро в обществе: ему протежировал Герман Геринг, и с помощью рейхсмаршала

Шульце-Бойзен стал офицером министерства военно-воздушного флота.

Воспитанный в традиционно-монархистской немецкой семье, Харро сначала был далек от тех прогрессивных взглядов, которые позже привели его в лагерь сознательных борцов с фашизмом. Но он с тревогой следил за тем, что творится вокруг. А после допросов в подвалах гестапо стал сознавать: надо бороться...

Пришло время испанских событий. Когда летним утром тридцать шестого года в эфире закуковала кукушка — позывные радиостанции Сеуты и следом раздался голос диктора: «Над всей Испанией ясное небо», на Лейпцигерштрассе, в министерстве Геринга, уже знали — там начался мятеж.

Конечно, сотрудник отдела военных атташе Шульце-Бойзен был в курсе происходивших событий. Через его руки поступали донесения из-за границы от германских военных атташе из всех столиц мира.

Сначала восстание складывалось неудачно для мятежных войск. Контрреволюционные силы столкнулись с всенародным сопротивлением. План, разработанный в штабах Италии и Германии, грозил провалом. И тогда Гитлер и Муссолини перешли к открытой поддержке мятежников. Симпатии Шульце-Бойзена были на стороне республиканцев. Ведь они боролись против ненавистного ему нацизма.

В недрах ведомства военно-воздушного флота заканчивали разработку секретной операции в тылу республиканцев, она носила кодовое название «Гретхен». Мощный воздушный десант, сброшенный в районе Барселоны, должен был поддержать восстание франкистов на востоке страны. Это, несомненно, создаст перелом в войне против красных, завершит победой затянувшиеся боевые действия. Так думали на Лейпцигерштрассе. Харро Шульце-Бойзен знал в деталях об этом секретном плане. Над республиканской Испанией нависала большая опасность.

И Харро принял решение: он поехал к своему другу, которого хорошо знал и которому доверял. Расхаживая по комнате, он взволнованно заговорил:

— Слушай, в Испании плохо складываются дела республиканцев.

И он рассказал ему об операции «Гретхен».

Молчаливый, меланхоличный приятель долго тер свой высокий лоб.

— А ты уверен, что это действительно так?

— Если я сам держал в руках план — его черновой набросок, могу я, по-твоему, быть в этом уверен или нет?!

— В таком случае надо сообщить это тем, кто сражается с Франко. Ты согласен?

— Ради этого я и пришел к тебе...

— Мы найдем пути, как сообщить республиканцам. Только расскажи мне подробней о плане «Гретхен».

Через несколько дней республиканскому командованию стали известны планы предстоящей операции «Гретхен». Воздушный десант под Барселоной был начисто разгромлен. Потерпело поражение и контрреволюционное выступление франкистов в Барселоне, приуроченное к высадке десанта.

В начале сорок первого года у Арвида Харнака и Шульце-Бойзена произошел разговор, имевший решающее значение для молодого офицера.

— Я буду с тобой предельно откровенен,— сказал Арвид.— Настало время нам решительно определиться: с кем и против кого. Что касается меня, я уже сделал выбор...

Арвид Харнак, так же как и Харро Шульце-Бойзен, никогда не был коммунистом. В юности он принадлежал к существовавшей в Берлине праворадикальной группе немецкой молодежи. В семье Харнаков были философы, историки, писатели, теологи, и молодой Арвид рано пристрастился к гуманитарным наукам. Он увлекался философскими проблемами, экономикой, историей развития человеческого общества. От древних индийских философов он переходил к Аристотелю и Сократу, возвращался к китайским философам и занимался Гегелем. Потом Арвид увлекся марксистской теорией и остался ей предан до конца жизни.

В середине двадцатых годов студент Харнак уехал в Америку, жил на рокфеллеровскую стипендию, изучал экономику, историю рабочего движения. Позже он написал книгу «Домарксовское социалистическое движение в Соединенных Штатах». В Германию он вернулся с убеждением, что посвятит свою жизнь изучению экономических проблем в современном обществе. К сорока годам Арвид Харнак получил звание государственного советника, работал в министерстве экономики, занимался торговыми, промышленными связями с востоком. К востоку относился и Советский Союз. Харнак принимал участие в Арплане, как сокращенно называлось общество по изучению советского планового хозяйства, возникшее в Берлине. Не так давно Харнак с группой немецких экономистов побывал в Советском Союзе и воочию увидел то, что раньше представлял весьма отвлеченно, сугубо теоретически. Ученого-экономиста поразили масштабы планирования в Советской стране.

Конечно, нацисты закрыли «красный» Арплан, но связи и служебные отношения Арвида с работниками советского торгового представительства сохранились. Арвид нередко бывал в торгпредстве, встречался с экономическими советниками и вместе с Милдрид бывал неизменным гостем на всевозможных приемах в советском посольстве на Унтер ден Линден.

В конце 1939 года Арвид Харнак в составе германской торговой делегации ездил в Москву. Там шли переговоры о взаимных поставках и расширении экономических связей двух стран. Вернулся он с тяжелым предчувствием неотвратимо назревающих грозных событий. Арвид сразу же позвонил своим приятелям, чтобы поделиться с ними своими раздумьями. Основной вывод, который он сделал из поездки в Москву, заключался в том, что договор Гитлера с Советской Россией недолговечен.

В то время Харнак еще не был близко знаком с Шульце-Бойзеном. Друг друга они нашли несколько позже. В предвоенную зиму 1940—1941 гг., в один из вечеров Арвид снова вспомнил о своей поездке в Москву и рассказал о ней Шульце-Бойзену.

Харнаки жили в Грюневальде, и Харро приехал к ним прямо из министерства. Либертас обещала

заехать позже. Сбросив шинель, Харро вошел в гостиную, где его уже ждали. Здесь были Арвид Харнак и его приятель Адам Кукхоф — поэт и драматург, руководитель одного из берлинских театров. Кукхоф был пожилым человеком с крупными расплывчатыми чертами лица. Он приехал вместе с женой Гретой, которая тут же отправилась к Милдрид помогать по хозяйству.

— Господа,— сказал Арвид,— давайте используем время, пока мы втроем... Первый вывод, который я сделал тогда из своей поездки, сводится к тому, что германо-советский договор — дело временное. Наша делегация прилагала невероятные усилия, чтобы исключить из поставок русским стратегические материалы. Я не могу утверждать, когда произойдет разрыв — через год или несколько месяцев, но меня насторожило поведение членов нашей торговой делегации. Они явно получили инструкцию — под разными предлогами саботировать предложения русских. Шла большая игра. Теперь все опасения подтверждаются. Нужно готовиться к самым непредвиденным событиям, чтобы в любой момент перейти к действиям...

Арвид Харнак говорил с друзьями открыто. Встречи их стали частыми. Прогрессивные немецкие интеллигенты патриоты тянулись друг к другу, не приемля фашизм как государственную систему, не приемля его политику.

— Я предвидел, что так случится,— сказал однажды Харро.— Надо действовать. Сейчас же, немедленно! Пока мы занимаемся только абстрактным сопротивлением Гитлеру, сидим в наших гостиных и рассуждаем за чашкой кофе о том, как плох нацизм, рассказываем анекдоты о Гитлере... Коммунисты ведут себя иначе. Загнанные в подполье, они продолжают борьбу, пишут листовки, сплачиваются... Нам надо объединиться со всеми, кто против нацизма.

— Не торопись, Харро,— мягко сказал Харнак.— Всему свое время.

— Листовки я мог бы взять на себя,— помолчав, сказал Адам Кукхоф.— Это по моей, литературной части. Но это лишь одна сторона дела. Надо иметь

своих людей в учреждениях, в правительстве, в армии, быть постоянно в курсе событий, знать, что намерен делать Гитлер... Это не так-то просто!

— Конечно, не просто,— согласился Харро,— но это будет моя работа. Они еще узнают, кто такой Шульце-Бойзен! Я им напомню историю с Барселоной! Канарис до сих пор не может понять, как все это получилось.

— Надо очень осторожно привлекать людей,— заметил Харнак. Он заговорил о конкретных делах подпольной антифашистской группы, которая начинала складываться. Шла речь о самом важном: они решались на высшую форму борьбы с гитлеризмом — вступить в контакт с социалистическим государством во имя поражения фашистского режима. Они были уверены в том, что тем самым защищают коренные интересы своей родины, потому что видели — фашизм ведет их страну, их Германию к гибели.

В прихожей раздался звонок, приехала Либертас. Через минуту она была в гостиной.

— Ну заговорщики! — весело воскликнула она.— Сидите в гостиной, при ярком свете... Вы должны собираться в каком-нибудь мрачном подвале, при свечах, сидеть подняв воротники и надвинув на брови войлочные шляпы. Так было бы куда романтичней!..

Либертас, будучи посвященной почти во все дела мужа, разделяла его убеждения, его нетерпимость к нацизму.

— А в общем, господа,— сказала она,— довольно заниматься политикой, Милдрид приглашает к столу...

3

После возвращения в Германию Ильза Штёбе оказалась в затруднительном положении. Мать ее жила в Берлине, занимала удобную квартиру. Но в последнюю их встречу Курт посоветовал Ильзе поселиться отдельно. Зачем подвергать опасности семью? К тому же у матери нет телофона, это тоже имеет существенное значение. Матери она так и объяснила.

— Знаешь, мама,— сказала она через несколько дней после приезда,— я думаю, что мне лучше жить отдельно, хотя бы временно. Я снова буду работать в редакции, а без телефона это просто невозможно. Потом мы найдем другую квартиру и станем жить вместе. Хорошо?

Мать огорчилась, но должна была согласиться. Конечно, как можно обойтись без телефона при такой работе. Но пока у Ильзы не было вообще никакой работы. Фон Шелиа обещал устроить её в министерство иностранных дел, однако пока ничего из этого не получалось. У него самого на службе возникли какие-то неприятности. Кто-то шепнул в министерстве, что Рудольф фон Шелиа сочувственно относился к полякам, уклоняется от вступления в партию и не может, следовательно, занимать пост, на который его назначили... Поговаривали, будто на место фон Шелиа уже прочат другого. Но многие завистники не подозревали, что фон Шелиа давно — еще в Польше — оформил свое членство в нацистской партии. Шелиа долгое время не подозревал об интригах, которые велись вокруг него в министерстве, но, узнав об этом, высокомерно сказал:

— Не знаю, как вы, господа, но я уже давно состою в национал-социалистской партии, с тех самых пор, как фюрер стал рейхсканцлером. Вот мой билет,— наслаждаясь растерянностью сослуживцев, он извлек из кармана билет и театральным жестом поднял над головой для всеобщего обозрения.— Я не люблю афишировать свою преданность фюреру! Доказываю это делом. Кроме того, я имею честь состоять в штурмовом отряде. Хайль Гитлер!

Восстановить репутацию верноподданного нацистского дипломата Рудольфу фон Шелиа помог еще и доклад о положении в Польше, который он подготовил вместе с Мольтке. Бывший посол в Варшаве и его первый советник написали «Белую книгу» о причинах, побудивших Германию, Гитлера ликвидировать Польшу как государство. «Белую книгу» отпечатали большим тиражом. Ее составили в духе выступлений Гитлера, Геринга, Геббельса. Фон Риббентроп остался доволен. Все подозрения в нело-

яльности к нацистскому режиму Рудольфа фон Шелиа были отвергнуты.

Занятый собственными делами, фон Шелиа не мог устроить Ильзу Штёбе на работу в министерство иностранных дел. Это непредвиденное обстоятельство отразилось на деятельности разведчицы. В этих условиях она не могла снять отдельную квартиру, пригодную для конспиративной работы. Такая квартира стоила больших денег. У обывателей сразу же появилось бы подозрение — откуда безработная журналистка берет средства, чтобы арендовать дорогостоящую квартиру.

Но самое главное, что вызывало тревогу разведчицы, было отсутствие связи с Центром. Она хорошо знала Оскара, но его теперь не было в городе, он давно куда-то уехал, предупредив, что в Берлине будет работать другой человек. Оскар оставил ей пароль, рассказал о месте встреч и условных сигналах, которые подадут ей, когда это потребуется. Сигналов не было.

Только зимой, в рождественские дни, Ильза получила поздравительную открытку, одну из сотен тысяч сусальных открыток, заполонивших в эти праздничные дни стеллажи берлинского почтамта. На глянцевом голубоватом фоне зеленая еловая ветка, запорошенная искрящимся снегом, на ней серебряный колокольчик, горящая свеча и улыбающийся рождественский дед, приносящий людям счастье и радость. Неизвестный поздравлял Ильзу с праздником. Подпись его была неразборчива, но Ильза обрадовалась открытке, словно получила ее от самого близкого друга. Взглянула на штемпель: отправлена вчера. Значит, надо прибавить еще восемь дней. Ильза отсчитала, загибая пальцы, получалось — в канун Нового года. Значит, в предновогодний вечер, ровно в пять или на другой день часом позже, на тот случай, если первая встреча почему-либо не состоится...

На улице мела поземка, и по краям открытых лестниц метро лежали пушистые сугробы снега. Кутаясь в шубку, Ильза без пяти пять спустилась в метро на Александерплац и затерялась в лабиринте переходов подземной станции. Ровно в пять она оста-

новилась перед витриной магазинчика с рождественскими подарками и тотчас же услышала голос:

— Извините меня, госпожа, но не знакомы ли мы с вами по Бернау?

— Я никогда не жила в Бернау,— заученной фразой ответила Ильза.

Перед ней стоял прилично одетый мужчина средних лет с портфелем и аккуратно запакованным свертком.

— Но вы часто бывали в Бернау, я вас там видел...

— Да, это верно, у меня там родные.

Пароль сходился слово в слово. Ильза улыбнулась.

— Наконец-то! — вырвалось у нее.

— Называйте меня Вилли,— сказал связной.— Поедемте на Фридрихштрассе, пройдемся немного по улице.

Вилли взял Ильзу под руку, и они спустились на платформу. Сначала поехали в противоположную сторону к Франкфуртер-аллее, вышли на следующей остановке и встречным поездом вернулись назад.

— От хвостов мы, кажется, избавлены,— сказал Вилли, когда они снова вышли на улицу.— Теперь рассказывайте... Необходима информация от Арийца.

— Да, его информация должна идти через меня,— ответила Ильза.— Но меня просто забыли.

— Нет, нет... Мы знали, что у Арийца неприятности по службе. Решено было выждать. Теперь, кажется, все обошлось.

— Да,— подтвердила Ильза.— Скоро я начну работать в министерстве и сменю квартиру. Как вам передать новый адрес?

— Сейчас я вам все расскажу,— ответил Вилли. С Фридрихштрассе они свернули на Унтер ден Линден и медленно шли к Бранденбургским воротам.— Видите, впереди книжный киоск. Его владелица фрау Кушке. Она торгует газетами, книгами, почтовыми открытками, сувенирами, всякой всячиной и, конечно, портретами Гитлера. Для вас она будет почтовым ящиком. Я вас познакомлю с ней, в крайнем случае оставлю пароль.

Анна Кушке, пожилая располневшая женщина,

разгадывала кроссворд, поджидая покупателей, когда Вилли и Ильза остановились перед киоском.

— Прошу вечернюю газету,— Вилли бросил на прилавок алюминиевую монету. Анна протянула сдачу и газету. Начинало темнеть, на улице зажглись фонари. Рядом с киоском никого не было. Вилли тихо сказал:

— Это фрау Альта, о которой я вам говорил.

Женщины внимательно поглядели друг на друга. Анна улыбнулась:

— Очень приятно! — глаза Анны потеплели.— Советую приходить днем, когда здесь бывает много народу.

Из-под сводов Бранденбургских ворот на свет вышли двое: эсэсовский офицер и нарядная дама. Фрау Анна громко закричала:

— А вот новый портрет фюрера! Не хотите ли купить, господа? Самая последняя фотография...

Прощались в Тиргартене. Вилли взял Ильзу за руку.

— Я должен выполнить еще одно поручение,— сказал он,— товарищ Вольфганг шлет вам привет и написал несколько слов. Подержите, если не трудно, мой сверток.

Вилли раскрыл портфель и протянул Ильзе маленький конверт, сложенный вдвое. Ильза дрогнувшей рукой взяла его и сунула в карман.

— Ну как он там?

Это прозвучало так трогательно — по-женски. Разведчица Альта, только что говорившая так деловито об опасных и неотложных делах, была сейчас просто любящей женщиной. Как мог этот человек так долго молчать и даже не намекнуть, что для нее есть весточка от Курта! Вилли прочел укор в глазах молодой женщины.

— Извините меня... Я опасался, что нам могут помешать и мы не успеем закончить разговор. Поэтому все личное я приберег на конец...

— Я понимаю. Курт такой же, как вы... Ну расскажите что-нибудь о нем.

— Курт великолепно работает...

— Нет, нет — я не о том... Как он выглядит, в каком настроении?

— Курт просил сказать, что скучает и верит в счастливую судьбу. Ждет встречи... Он все такой же: меланхоличный и остроумный. Все так же немного сутулится. К сожалению, много курит. Но выглядит неплохо. Просил вас быть осторожней. Я видел его две недели назад.

— Спасибо, Вилли! Мне так нужно было услышать о нем хоть несколько слов. Я как будто увидела его сейчас... Скажите Курту, что я люблю его.

Это вырвалось у Ильзы внезапно, и она смутилась...

— Я расскажу ему подробно о нашей встрече и передам все, что вы сказали. Обещаю вам! Но вы можете ему написать и отправить через тот же почтовый ящик. Курт будет счастлив... А теперь желаю успеха...

Вилли проводил Ильзу до Шарлоттенбургштрассе...

Новогодний вечер Ильза провела в доме матери. Она летела туда как на крыльях, зажав в руке дорогое ей письмо. Не раздеваясь, прошла в свою комнатку, заперла дверь, надорвала безыменный конверт.

«Милая Ильза! — читала она.— Я счастлив уже тем, что могу написать себе несколько строк. Я жив, здоров, и мысли мои всегда с тобой...»

Личное перемежалось в письме с деловыми советами, вопросами. Вместо подписи стояла только одна буква — «К».

После долгих ожиданий Ильза Штёбе стала наконец работать в министерстве референтом в отделе прессы. Каждое утро Ильза приезжала на Вильгельмштрассе, показывала у входа свое удостоверение настороженному вахтеру-эсэсовцу, проходила мимо мраморных сфинксов через просторный холл министерства и поднималась на второй этаж в маленькую, как монастырская келья, служебную комнатку, на дверях которой висела табличка «И. Штёбе». Теперь у нее, как и у многих других, был свой сейф для хранения секретных документов. По инструкции Ильза, придя на работу, внимательно проверяла сохранность печати, потом открывала несгораемый шкаф и усаживалась за работу. Она составляла досье,

писала обзоры, готовила справки, участвовала в совещаниях, вела протоколы... Конечно, в ворохе бумаг, поступавших к референту Ильзе Штёбе, многое не представляло интереса, но иногда в канцелярском потоке обнаруживались сведения первостепенной важности.

Но главным для Ильзы были редкие встречи с Рудольфом фон Шелиа. Время от времени он вызывал ее в свой кабинет, давал какие-то задания и между делом говорил:

— Познакомьтесь, фрейлейн Штёбе, с этими материалами и включите их в обзорную справку...

Фон Шелиа показывал документ, на который хотел обратить ее внимание. Даже наедине, в собственном кабинете, дипломат никогда не говорил вслух о сообщениях, которые хотел передать Штёбе. Ильза сама настаивала на этом: в здании министерства, в атмосфере постоянной слежки, подслушивания и проверок, следовало вести себя осмотрительно и в первую очередь опасаться тайных микрофонов, установленных в самых неожиданных местах: в подставке для цветов, в раме портрета фюрера, в телефонном аппарате... Касалось это любого дипломата, какой бы высокий пост он ни занимал. Тотальный шпионаж распространился по всей Германии. Этим занимались главное управление имперской безопасности рейхсфюрера Гиммлера, контрразведка адмирала Канариса, внешнеполитический отдел национал-социалистской партии.

Однажды, весной, Рудольф фон Шелиа встретился с Альтой в артистическом кафе на Курфюрстендамм. Перед ними стоял никелированный сервиз, который только что принес кельнер. Фон Шелиа с наслаждением вдыхал аромат дымящегося напитка. Только здесь, на Курфюрстендамм, можно было выпить теперь настоящего бразильского кофе — больше нигде во всем Берлине. Стены кафе сплошь заполняли фотографии, портреты известнейших актеров с их автографами и дарственными надписями — целая галерея именитых людей театра прошлого века и современности. Завзятый театрал, фон Шелиа, указывая на портреты, рассказывал Ильзе об актерах, с которыми ему довелось встречаться. И, как бы между

делом, сообщил Ильзе, что его намереваются послать на дипломатическую работу в Венгрию. Об этом с ним уже разговаривал фон Риббентроп.

Новость озадачила Ильзу. Этого нельзя допустить! Сама она не может уехать следом за ним из Берлина: в ее руках все связи с другими группами. Да и Рудольф фон Шелиа нужен именно здесь, в Берлине. Как же быть?

— Вы знаете, господин фон Шелиа,— отпивая из чашечки, говорила Ильза,— мне кажется, мы с вами не сможем решить этот вопрос. Подождем несколько дней. Но пока надо бы постараться не давать окончательного ответа.

На связь она должна была выйти на следующий день. В условленное время Ильза остановилась перед киоском у Бранденбургских ворот. Рядом прогуливался полицейский, то и дело козырявший проходившим офицерам. Ильза разглядывала книги, перебирала их одну за другой. Пожалуй, она купит вот эту — в зеленом переплете — «Приключения в Африке» Карла Мея. Ильза перелистала книгу, оставила между ее страницами листки бумаги, испещренные убористыми, прижатыми одна к другой строками.

— Я возьму у вас эту книжку. Прошу завернуть, я должна сделать подарок...

Фрау Анна нагибается, заворачивает под прилавком другой экземпляр книги и подает Альте. Альта платит деньги, благодарит и уходит.

Через четверть часа к киоску подходит другая женщина. Тоже рассматривает книги и тоже выбирает Карла Мея — любимого писателя Гитлера. Настороженность, которая сквозила в глазах хозяйки киоска, исчезает с уходом второй покупательницы. Она облегченно вздыхает... Рядом прогуливается полицейский. Откуда ему знать, что на его глазах среди бела дня у Бранденбургских ворот, в центре Берлина, разведчица Альта только передала донесение, предназначенное для Москвы. В нем сообщалось:

«Мой новый адрес: Берлин, Шарлоттенбург, Виляндштрассе, 37. Телефон 32-29-92»...

Здесь же Ильза Штёбе писала о разговоре с Арийцем. Просила немедленно дать указания.

Ну и конечно же Ильза не утерпела написать хоть несколько строк Вольфгангу, чтобы он тоже знал, что она жива и здорова. Но письмо получилось большое — безымянное, без адреса, только условленная цифра на конверте...

«Милый, милый! — писала она, не называя имени.— Сердечно благодарю за твое письмо. Ты не можешь себе представить, какие глубокие переживания оно вызвало. Какое счастье было получить его! Я перечитывала бесчисленное число раз, так, что могу теперь пересказать его наизусть, как в детстве пересказывала любимую сказку, которую также перечитывала снова и снова... С тех пор, как я получила письмо, не перестаю радоваться тому, что мне еще предстоит ответить тебе на него. Это моя сокровенная, маленькая радость.

Я не могла тебе сразу ответить, признаюсь — была немного больна, но теперь это миновало, и я снова полна сил и энергии.

Прежде всего хочу сказать, что виделась с твоими родителями. Ты давно просил разузнать о них, да я и сама имела такие намерения. Мои старания поехать в их город долго не достигали цели. Требовалось получить разрешение властей, представить уважительные мотивы поездки. Таких причин не было, и я избегала бесполезной игры в вопросы и ответы с чиновниками.

Наконец мне удалось появиться в их городе... Твоя маленькая мама открыла мне дверь. Несколько секунд изумления, и она бросилась обнимать меня... Чуточку постарела, стала такой тихой, и взгляд ее стал глубоким, глубоким. Сидели в столовой, которая тебе хорошо знакома, и говорили о тебе. Она призналась, что бесконечно тоскует — ведь сколько лет о тебе не было никаких вестей. Думала, тебя уже нет в живых. Рассказывала про свою тоску, считает ее главной причиной своих недомоганий.

Да, мой дорогой, ничто не забывается, не забываются и те, кто далеко, далеко. Мать повторила мои собственные мысли.

К вечеру с работы пришел твой отец. Дверь в столовую была открыта, и он не сразу понял, кто это посторонний сидит у них. Даже приподнял шляпу,

вежливо здороваясь из прихожей. Узнал меня по смеху, удивленно приподнял брови. Тоже было много радости от встречи... Есть и печальные новости, милый, твой дядя, брат отца, погиб в концлагере...

Родители твои живут одни. Эрнст и Лиди имеют свою квартиру. Они остаются такими же твердыми, непоколебимыми, как ты... Видно, у вас это в роду...»

Альта, смелая до дерзости разведчица, писала любимому человеку так, как пишет каждая женщина, переполненная большим чувством. О своей болезни Альта упомянула вскользь, не придавая ей серьезного значения, но это был первый сигнал о недуге, который вскоре начал ее жестоко одолевать.

Ответ пришел вскоре, не было только письма от Курта...

Ильза получила ответ по другому каналу связи. Она организовала явку совсем рядом, в нескольких кварталах от своего дома.

Если идти от станции метро или автобусной остановки к Виляндштрассе, где жила теперь Ильза Штёбе, никак нельзя было миновать патриархально-тихую улочку Аугсбергштрассе. Здесь на углу стояла продовольственная лавочка, которую содержали супруги Рипитш, заботливые, предупредительные старики. Если в лавочке собиралось одновременно больше пяти покупателей, здесь становилось тесно. Тем не менее старики Рипитш по немецкому обычаю дали своему скромному гешефту броское название «Марга». Никто не знал, что это означало — «Марга». Просто название лавочки, чтобы покупатели могли отличать ее от других магазинчиков. Дают же названия отелям, фирмам, кораблям, аптекам...

Малоприметную лавочку Ильза и выбрала для неотложных связей со своими людьми. Обычно по дороге со службы она делала здесь хозяйственные покупки и подружилась с общительными хозяевами.

Старик удивительно напоминал ей смешного ежика из папье-маше, каких продают на рынке у Александерплац,— толстенький, с трубкой во рту, в суконном колпаке неопределенного цвета. Однажды она попросила Рипитша:

— Скажите, герр Рипитш, не затруднит ли вас, если подруга будет иногда заносить вам для меня книги или письма? Меня так трудно застать дома. А ей это по дороге.

— Какой может быть разговор! — воскликнул Рипитш, посасывая трубку.— С большим удовольствием, рад услужить...

С тех пор Ильза почти ежедневно бывала в лавочке «Марга» и в продолжение долгого времени пользовалась услугами Рипитшей, своевременно получая наиболее срочные указания, запросы, распоряжения...

Центр дал категорическое указание — принять все меры к тому, чтобы Ариец остался в Берлине.

При встрече с Рудольфом фон Шелиа Ильза сказала ему, что «директор», на которого оба они работают, настоятельно просит его любым путем, хотя бы временно, задержаться в Берлине. Фон Шелиа так и не знал, кто руководит его действиями, направленными против Гитлера, но предложение принял и отказался от дипломатического поста в Будапеште.

Теперь по незримым каналам к Альте стекалась значительная информация. Источниками ее сделались даже гитлеровцы, фанатично преданные нацистскому режиму. Они добровольно вызывались сообщать «агентам гестапо» обо всем, что они знали и слышали в кругу правительственных чиновников. Но под видом таких «агентов гестапо» работали единомышленники Ильзы Штёбе, посвятившие себя борьбе с фашизмом...

Гитлер готовил новые удары. Он, конечно, не собирался ограничиться Польшей, так же как не ограничился Австрией, Чехословакией. Но куда теперь ринется Гитлер? Об этом надо было знать, чтобы предотвратить угрозу, встретить опасность во всеоружии.

Опасность угрожала и востоку, и западу. Угрожала самой Германии, ее народу, ее культуре. И это объединяло силы, противостоящие гитлеризму, объединяло людей различного происхождения или воспитания — от потомственного аристократа Шульце-Бойзена и дипломата фон Шелиа до Ильзы Штёбе и

ее товарищей, сознательно вступивших в борьбу с гитлеризмом...

Пятого апреля сорокового года Альта сообщила в Москву:

«Сегодня я встретилась с офицером Даубом, которого знала по газете «Франкфуртер генераланцейгер». Теперь он работает в роте пропаганды вооруженных сил. Его группа прибыла в Потсдам, откуда направляется в Штральзунд. Им предстоит плавание на военном корабле. Уходят в море в субботу или в один из ближайших дней. В группе много знающих скандинавские языки. Лейтенант Дауб высказал предположение, что действия могут быть направлены против одного из скандинавских государств. Их крейсер будет находиться в Северном море».

Альта сообщала о предстоящем нападении Германии на Норвегию. Девятого апреля немецкие войска оккупировали Данию, высадились на берегах Норвегии...

Близились майские дни сорокового года. Рудольф фон Шелиа только что вернулся из Италии, куда выезжал с группой дипломатических советников при военной делегации генерала Кессельринга. Альта с нетерпением ждала его возвращения. Фон Шелиа был возбужден и расстроен. Поездка в Рим убедила его в том, что содружество Гитлера и Муссолини неуклонно укрепляется.

— Мы, несомненно, стоим перед большими событиями,— говорил фон Шелиа, расхаживая по кабинету. Он пригласил Ильзу к себе домой и теперь говорил вслух, не опасаясь, что его кто-то подслушивает.— Ни Польша, ни Дания, ни Норвегия не остановят наступательных действий этого обезумевшего ефрейтора. Заверения Гитлера — ложь! Вспомните, что говорил Гитлер после оккупации Польши: «У Германии нет и не было противоречивых интересов или споров с северными государствами. Наши отношения развиваются нормально...» А ровно через полгода он оккупировал и Данию, и Норвегию.

Ильза сидела в кресле у письменного стола и молча следила за метавшимся по комнате Рудольфом фон Шелиа. Иногда она склонялась над листком

бумаги, то ли машинально чертила что-то, то ли делала какие-то заметки для памяти.

— Но в чем вы усматриваете смысл оккупации Дании и Норвегии? — спросила она.

— Смысл? Любой смысл все равно обернется бессмыслицей! Сейчас это делается для германского брюха... Извините меня за вульгарность. Нам нужно продовольствие, чтобы кормить население, нужно сырье для промышленности. Ефрейтору много нужно, и он будет брать. Но это только одна сторона дела. Норвегия может послужить базой для воздушного нападения на Англию. Впрочем, это просто предположение — война не моя специальность... А вот то, что я скажу сейчас, запишите и передайте: в ближайшее время может произойти вторжение германских войск в Бельгию и Голландию... Вы слышите — в Бельгию и Голландию.

— Чем можно подтвердить это? — Ильза резким движением подняла голову: сообщение было первостепенной важности.

— Чем подтвердить? — фон Шелиа, засунув руки в карманы, остановился перед Ильзой.— Собственно, ничем! И тем не менее я совершенно в этом уверен. Потерпите минуту, и я расскажу, откуда у меня такие сведения. На предстоящие военные действия в Нидерландах мне намекнул в разговоре фон Риббентроп, когда я докладывал ему о поездке в Рим... Имейте в виду, что получать нужную информацию становится все труднее. Послушайте, что говорит Риббентроп в секретном приказе по министерству. Фон Шелиа прочитал:

«Если кто-либо из моих подчиненных позволит себе хотя бы малейшее пораженческое высказывание, то я вызову его к себе в кабинет и собственноручно застрелю. Докладывая об этом в имперской канцелярии, я скажу только: мой фюрер, я казнил изменника».

— Да, работать становится все труднее,— повторил фон Шелиа.— Впрочем, вы это сами знаете... Передайте еще, что руководящим сотрудникам министерства иностранных дел дано такое распоряжение: указания военного характера доводить до сведения только тех лиц, которые связаны с выполнением по-

ступивших приказов. Так было в Скандинавии. Наш посол в Осло вручил норвежскому правительству соответствующую ноту за час до того, как началось вторжение. Точно так же может получиться с Нидерландами. Работать стало очень сложно... Вы можете сами убедиться в этом по числу гестаповцев, наводнивших министерство иностранных дел. Следующим этапом, конечно, будет Россия. Я сужу об этом по секретному письму, разосланному во все посольства с требованием опровергать малейшие слухи о военных приготовлениях против Советской России. В письме такие слухи называют «британской провокацией». Но дело-то в том, что пока таких слухов не существует. Риббентроп просто опережает события...

Рудольф фон Шелиа то и дело заглядывал в бумажку, которую держал в руке. Сейчас он порвал ее на мелкие клочки и бросил в пепельницу. Потом вернулся к столу, поднес к пепельнице горящую спичку и стоя ждал, пока бумага не превратится в пепел.

Альта немедленно отправила донесение о разговоре с Рудольфом фон Шелиа.

«Ариец предполагает,— сообщала она,— что в ближайшее время надо ожидать продвижения немецких войск в Голландию. Подтверждением этого служит то, что железнодорожная линия Франкфурт — Крефельд закрыта для пассажирского сообщения. Дирекция военных заводов получила указания перебросить продукцию на западный фронт».

Еще через неделю Альта писала:

«Из разных источников идут сообщения о предстоящих военных действиях на западе... Ариец сказал, что его гувернантка собралась ехать в Голландию. Родственник гувернантки, фельдфебель из полевой полиции, предупредил ее: «Подожди немного, через два дня мы все будем в Голландии...»

Один немецкий инженер из военно-инженерного управления сказал о походе в Бельгию: «Нам нужен только городок Брюгге. Тогда мы сможем обстреливать Лондон из наших дальнобойных орудий. Англичане не имеют подобных пушек. Мы можем выпускать их сериями»».

Вскоре сообщения Рудольфа фон Шелиа подтвердились.

Девятого мая Ильза, как обычно, пришла утром на работу. Она сняла телефонную трубку, чтобы позвонить в министерство пропаганды, но телефон не работал. Зашла в соседнюю комнату — то же самое. Во всем министерстве телефоны были отключены. В полдень сотрудников предупредили: в связи с напряженной обстановкой работники министерства должны оставаться на своих местах вплоть до особого распоряжения. Из здания не выходить! Причины такого приказа стали известны только на следующее утро. Германское радио крикливо передавало о военных действиях, которые начались в Бельгии и Нидерландах. На бельгийский форт Эбен-Эмаэль сброшены отряды немецких парашютистов. Захвачены мосты через Маас! Регулярные германские войска продвигаются в глубь страны!..

Нападение началось в четыре тридцать утра, но только в девятом часу германский посол явился к бельгийскому министру иностранных дел Спааку. Он достал ноту, но Спаак, поморщившись, остановил его движением руки.

— Простите, господин посол,— сказал он,— но я буду говорить первым. Мы уже знаем, что германская армия напала на нашу страну. Для этой агрессии нет никаких оправданий, она глубоко возмутила сознание всего мира...

Рудольф фон Шелиа был прав: немецких дипломатов ставили в известность о предстоящих военных событиях в самый последний момент и поручали им выполнять свои обязанности, установленные международным правом, уже после того, как события эти произошли.

В тот же день, 10 мая 1940 года, Ильза Штёбе передала в Москву:

«Из кругов министерства иностранных дел поступают сведения, что военные действия против России запланированы и готовятся, хотя военное министерство разослало директивы своим военным атташе о необходимости опровергать слухи, что Германия якобы готовит военные действия против России... Ариец заявил мне, что он не верит содержанию

письма военного ведомства. Оно не соответствует фактам, которые свидетельствуют о подготовке Германии к войне с Россией. Эта война стоит уже у дверей. Ариец считает, что письмо написано с целью маскировки истинных намерений...

Альта».

4

Обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен обладал словно гипнотическим влиянием на окружающих. Он завораживал приятелей своим обаянием, остротой мысли, умением видеть явления и факты так, как не все могли их увидеть. Он был незаменим в компании своими рассказами, меткими шутками и удивительной способностью вовлекать в разговор всех собравшихся. Тот же Хорст Хайльманн, почти мальчик, надевший недавно военную форму, не спускал с него восхищенных глаз, когда попадал в одну компанию с Харро. Он ловил каждое его слово. Да и Герберт Гольнов тоже души не чаял в Шульце-Бойзене, хотя в его отношениях с Харро и не было того бескорыстия, которым отличался радист Хорст Хайльманн из функ-абвера *, выполнявший там маленькую, но очень важную и секретную работу.

О таких людях, как Герберт Гольнов, говорят: он сам себя вытянет за волосы из болота... Сын мелкого служащего, Герберт с молодых лет мечтал выйти в люди, был честолюбив, завидовал более удачливым товарищам и считал, что даром тратит время в абвере, протирает штаны в тылу, когда другие загребают чины и награды на фронте. К Шульце-Бойзену он относился несколько заискивающе, был ослеплен его связями в обществе и дорожил дружбой с таким блистательным офицером. Работал Гольнов в абвере, в авиационном отделе, занимался контрразведкой и по делам службы частенько бывал на Лейпцигерштрассе в министерстве военно-воздушного флота. Там и познакомился он с Харро.

* Отдел радиоперехватов германской военной разведки.

Хорст Хайльманн был человеком другого склада. Веселый и непосредственный, до наивности доверчивый, он когда-то считался убежденным нацистом. Впрочем, это «когда-то» исчислялось несколькими годами — ему было всего-навсего девятнадцать лет. Хорста привлекала программа, которую умело прокламировал Гитлер, и, вступая в партию нацистов, уже будучи солдатом, он произнес слова клятвы: «Я клянусь в нерушимой верности Адольфу Гитлеру, клянусь беспрекословно подчиняться ему и тем руководителям, которых он изберет для меня».

И вдруг все его убеждения рассыпались после того, как он познакомился с Шульце-Бойзеном. Харро постепенно раскрывал Хайльманну, что на самом деле представляет нацизм. Он рассказал и о том, что произошло с ним самим в застенках на Принц-Альбрехтштрассе. И Хорст Хайльманн возненавидел Гитлера. Бунт совести, вспыхнувший в его душе, привел молодого солдата на путь Шульце-Бойзена. За ним он и пошел бесповоротно и до конца. Но Хорст продолжал работать в абвере, занимался радиоперехватами и расшифровкой выловленных в эфире радиотелеграмм.

На этот раз они сидели втроем в отеле «Адлон», в ресторане на первом этаже, который давно стал пристанищем эсэсовских офицеров, офицеров гестапо, абвера, где они засиживались до глубокой ночи.

— Я тебе вот что скажу,— говорил Харро Герберту Гольнову,— выбрось ты из головы все эти мысли о фронтовых наградах. Сиди на месте! Если хочешь знать, для твоей карьеры нужно только знание английского языка. С ним не пропадешь. Вот тебе пример — Хорст Хайльманн. Что бы он делал без языка со своими радиоперехватами... А у тебя все впереди. Зная языки, ты смог бы стать военным атташе в тех же Соединенных Штатах. Тебе бы повысили звание. Я тебе мог бы в этом помочь, но ты без языка...— Харро развел руками.

— Я уже думал об этом,— над переносицей Герберта пролегла глубокая складка,— я занимаюсь сам, но у меня нет практики.

— Тогда найди преподавателя, дай объявление в газете. Это окупится.

Лейтенант Гольнов послушал совета Харро и дал объявление. Но предложений оказалось немного. Звонили студенты, желающие подработать. Это не устраивало Герберта. Потом позвонил профессор-языковед. Гольнов к нему поехал, но профессор заломил цену, которая была совсем не по карману.

— Не торопись,— успокаивал Шульце-Бойзен,— подвернется что-нибудь подходящее.

Через несколько дней раздался еще один звонок. Вежливый женский голос. Опытная преподавательница. Просила заехать. Лейтенант растерялся, очутившись в роскошной квартире элегантной женщины Милдрид Харнак. Она помогла Герберту преодолеть смущение, рассказала, что преподает английскую литературу в университете и охотно поможет... Герберт, запинаясь, спросил о финансовой стороне дела, Милдрид отмахнулась:

— Это не главное, господин лейтенант! Мне самой будет приятно поболтать на родном языке... Если вас это устраивает, приезжайте завтра вечером. Я буду вас ждать.

— Ну, Герберт, тебе чертовски повезло! — воскликнул Харро, когда Гольнов позвонил ему по телефону.— Поезжай. Никаких сомнений. Это как раз то, что и требовалось. Поздравляю!

С тех пор лейтенант Гольнов регулярно, два-три раза в неделю, с учебником английского языка приезжал на квартиру к Харнакам. Но дорогу сюда проложил Герберту Гольнову, как это ни странно, сам хозяин дома. В гостиной старшего государственного советника Арвида Харнака всему этому предшествовал такой разговор.

— В моей голове возникла вдруг неплохая идея, господа,— говорил Харро, по привычке потирая руки, будто только что вернулся с мороза.— Есть у меня приятель, который работает в абвере, прекрасно осведомленный обо всем, что касается авиации. Что, если бы вы, Милдрид, взялись заниматься с ним английским языком? Как это сделать, я обдумал. Лейтенант Гольнов может быть нам чрезвычайно полезен.

— А каковы его взгляды? — спросил осторожный Харнак.

— По меньшей мере нейтральные. К Гитлеру относится иронически. Уверен, что очень скоро может стать его убежденным противником.

— В таком случае игра стоит свеч,— согласился Арвид фон Харнак.

В тот вечер разговор шел о привлечении новых людей, через которых можно было бы получить информацию. Харро сделал еще одно, прямо-таки фантастическое предложение.

— Вы не представляете, что я придумал! — и Харро заразительно рассмеялся.— Послушайте, Либертас рассказала мне, что в Берлине объявилась новая гадалка — фрау Краус. Либертас ее хорошо знает. Что, если использовать в нашей работе эту Анну Краус? У нее богатая клиентура. Гадания и всякие гороскопы теперь очень в моде...

— Не шутите, Харро,— остановил его Арвид.— Мы говорим о серьезных вещах. При чем здесь гадалка?!

— Нисколько не шучу! Анна Краус — интеллигентная женщина, в прошлом драматическая актриса. Сначала она занималась оккультными науками просто ради развлечения, а теперь сделала гадание своей профессией. Муж ее был социал-демократом, чуть ли не членом рейхстага, погиб в концлагере... Так вот что предпримем. Будем сами посылать к ней нужных клиентов, предварительно сообщая ей какие-то сведения об этих людях, их профессии, склонностях, какие-то интимные подробности их жизни... А Краус станет рассказывать им это, будто читая по картам, по кофейной гуще и прочей гадательной чепухе. Поверьте, это произведет на ее клиентов ошеломляющее впечатление! Она станет говорить им о прошлом и будущем, выспрашивая о настоящем... Ну, как? Мы сможем великолепно дурачить именитых клиентов фрау Краус!

Арвид Харнак скептически отнесся к идее, но Милдрид поддержала Шульце-Бойзена.

— Почему бы не попытаться, Арвид, это так неожиданно... Надо учитывать психологию обывателей. Ведь занимается же Гиммлер алхимией, ищет философский камень, верит, что в него самого переселилась душа Генриха Птицелова.

— Да, да! Поверьте мне,— Харро все больше вдохновлялся собственной идеей.— К нашей гадалке еще явится и сам Гиммлер, чтобы порасспросить о своей судьбе... Направлять работу Анны Краус мы можем через Грауденца, она живет рядом с ним. Грауденц хорошо ее знает.

— Это смешно, но можно попробовать,— сказал неулыбчивый Арвид Харнак.— Однако меня всетаки куда больше интересуют такие люди, как инженер Куммеров, человек, который в совершенстве знает авиационное производство в рейхе.

— С инженером Куммеровом я уже встречался,— сказал Харро,— он сам предложил свои услуги. И именно от него получена информация о производстве заводов Мессершмитта.

— Я этого не знал,— ответил Харнак.— При всем том главное — не забывать об осторожности...

ГЛАВА V

В СОРОК ПЕРВОМ ГОДУ

1

Связь с Центром шла только через курьеров. Никаких радиопередач из Германии. Это было железным правилом. Политическая обстановка складывалась так, что не могло быть и речи пользоваться радиосвязью. Только наземная связь... Было яснее ясного, что работа коротковолновых передатчиков тотчас же насторожила бы гестапо, подтвердила существование нелегальной сети в Германии. А это в свою очередь осложнило бы отношения между Москвой и Берлином. Уж не такими они были добрососедскими даже и после того, как в августе тридцать девятого года был подписан договор о ненападении. Правда, с подписанием договора в немецкой пропаганде исчезли откровенно враждебные, агрессивные высказывания против Советского Союза. На самом же деле отношения между Москвой и Берлином оставались напряженными, хотя внешне это не проявлялось...

В эфире было спокойно. Радисты станции подслушивания и перехватов в Кранце на дежурствах изнывали от скуки. На всех диапазонах звучала музыка, были слышны голоса дикторов да угрожающие либо хвастливые речи главарей «третьего рейха».

Функ-абвер, отдел по наблюдению за эфиром, в своих каждодневных рапортах начальнику имперской разведки ограничивался одной и той же лаконичной фразой: «За истекшие сутки тайных радиопередатчиков в эфире не обнаружено». Правда, иногда — это было очень редко — где-то на северо-западе, в направлении Брюсселя появлялись и вскоре замолкали неизвестные радиопередатчики, посылав-

шие в эфир какие-то группы цифр. Специалисты из функ-абвера были склонны думать, что, вероятнее всего, эти передатчики принадлежат бельгийским радиолюбителям-коротковолновикам либо сигналы подают друг другу рыболовные суда, плавающие вблизи побережья. Во всяком случае, у бдительных радиоперехватчиков абвера тревоги это не вызывало.

В середине ноября сорокового года на Ангальтский вокзал Берлина прибыла советская правительственная делегация для переговоров с Гитлером. Возглавлял ее нарком иностранных дел Молотов. Делегацию встречали фон Риббентроп и фельдмаршал Кейтель, которых сопровождали официальные лица. В тот день впервые с момента существования фашистской Германии в ее столице прозвучали торжественные звуки «Интернационала»...

На Ангальтском вокзале все соответствовало дипломатическому этикету. На перроне возвышалась огромная корзина цветов, задрапированная тонкой розовой тканью, а над нею — советский и германский флаги.

У подъезда вокзала выстроился почетный караул. Солдаты в касках, печатая шаг, продефилировали «гусиным шагом» перед прибывшими гостями. Автомобили советских представителей сопровождал почетный эскорт мотоциклистов, затянутых с головы до ног в черную, блестящую на дожде искусственную кожу. Перед гостями распахнулись двери дворца Бельвю на Шарлоттенбургштрассе. Их овеял аромат свежих роз, предупредительно расставленных в хрустальных вазах на столиках апартаментов резиденции советской делегации. Встреча осуществлялась на высшем уровне по дипломатическому протоколу. Не хватало только искренности. И это почувствовалось сразу, в первые же часы приезда делегации.

Днем делегаты направились в имперскую канцелярию с визитом вежливости к главе немецкого государства Адольфу Гитлеру. Гитлер принял делегатов в своем огромном, как банкетный зал, кабинете. Он поднялся из-за стола, молча вышел на середину комнаты и, вскинув руку в фашистском приветствии,

поздоровался с советскими делегатами. В этом демонстративном жесте было что-то и театральное, и зловещее...

Гости расположились в креслах и на диване вокруг низенького столика в углу кабинета. Заговорил Гитлер. Он сидел в кресле напротив Молотова, одетый в военную форму серо-зеленого цвета с красной нарукавной повязкой, в белом круге чернело изображение свастики.

Гитлер говорил не меньше часа, останавливаясь лишь для того, чтобы переводчики могли перевести его слова. Он вдруг заговорил о том, что Англия уже разбита, что ее капитуляция — вопрос недалекого будущего.

— По этому поводу,— изрек Гитлер,— я уже обменивался мнениями с представителями Италии и Японии. Теперь мое правительство хотело бы услышать мнение Советского правительства... Как бы вы посмотрели, предположим, на то, чтобы Советскому Союзу расширить свои территории в направлении Индийского океана?

Гитлер выжидающе смотрел в лицо главы советской делегации, пытаясь определить, какое впечатление произвело на Молотова его предложение о разделе мира.

В. М. Молотов сосредоточенно слушал длинные рассуждения Гитлера. На предложения Гитлера он не стал отвечать и сказал, что предпочитает поговорить о более конкретных проблемах. Они касаются отношений между Германией и Советским Союзом. Прежде всего Молотов спросил, с какой целью в Румынию отправилась германская военная миссия. Почему германские войска высадились на юге Финляндии — в непосредственной близости от советских границ...

Гитлер никак не ожидал такого поворота беседы. На какие-то секунды лицо его отразило растерянность. Но он овладел собой и торопливо стал объяснять, что в Бухарест военная миссия отправилась по просьбе маршала Антонеску. В Финляндии германские части долго не задержатся, они предназначены для переброски в Норвегию.

Молотов возразил:

— Но сведения, которыми мы располагаем,— сказал он,— говорят о другом. Немецкие войска не собираются никуда уходить из Финляндии... В Румынию тоже прибывают германские воинские части.

Гитлер сослался на свою неосведомленность и пообещал дать нужные разъяснения при следующей встрече. Он снова начал распространяться по поводу раздела британского наследства, будто не расслышав замечания советского представителя о том, что советская делегация не видит смысла обсуждать подобные проблемы.

Этот монолог тоже занял достаточно много времени. Наконец, взглянув на часы, Гитлер заторопился и предупредил — в это время англичане обычно прилетают бомбить Берлин. Он предложил перенести переговоры на другой день.

Расстались холодно. Молотов, прощаясь, напомнил: вечером в советском посольстве состоится дипломатический прием. Среди гостей он надеется увидеть господина Гитлера... Рейхсканцлер ответил неопределенно: если не отвлекут неотложные дела, приедет.

К подъезду советского посольства на Унтер ден Линден одна за другой в темноте подъезжали машины и, высадив пассажиров, растворялись в холодном осеннем мраке. Берлин был затемнен, и сквозь маскировочные шторы в окна не пробивалось ни единой полоски света. В темноте город выглядел пустым и мертвым.

Стол на пятьсот персон сервировали в мраморном зале посольства. Горели свечи, тускло поблескивало старинное серебро, алели гвоздики в вазах. Гости уже собрались, но прием не начинали. Ждали Гитлера, но он не приехал.

Зато остальные члены правительственного кабинета были представлены достаточно широко. Возглавлял их толстяк рейхсмаршал Геринг, любитель броских нарядов, регалий и драгоценностей. Он непрестанно выдумывал для себя какую-то особую форму одежды. На приеме появился в парадном мундире, сшитом из серебристой, похожей на парчу,

ткани, блестевшей как сервировка на банкетном столе. Грудь его и живот от самых плеч сплошным панцырем закрывали ордена, памятные медали на ярких цветных лентах. На пальцах красовались перстни с драгоценными камнями, кольца с сияющими бриллиантами...

Были здесь заместитель Гитлера по нацистской партии Рудольф Гесс, человек с аскетичным лицом и темными дремучими бровями, бледнолицый министр Риббентроп, Геббельс и многие другие.

Среди гостей, как и положено по рангу, присутствовали Арвид Харнак — старший государственный советник из министерства экономики, Рудольф фон Шелиа — ответственный сотрудник министерства иностранных дел. Именно Шелиа и посвятил Ильзу Штёбе во все события, связанные с пребыванием советской делегации в Берлине.

Уже после возвращения делегации в Москву фон Шелиа пригласил Ильзу на свою новую квартиру. Преуспевающий дипломат жил теперь в аристократическом районе города и гордился своим респектабельным жилищем. Фон Шелиа оставался все таким же снобом-аристократом, как прежде.

— Мне нужно очень многое рассказать, Ильза,— помогая ей раздеться, говорил дипломат.— В Берлине ходит множество политических сплетен вокруг пребывания здесь советской миссии, но кое-что в этом хаосе слухов заслуживает внимания...

Конечно, в Москве известно, как проходили переговоры. Но важно точно знать, как реагировал на них Гитлер. Поэтому и приехала Альта к Рудольфу фон Шелиа.

На Вильгельмштрассе не делают секрета из того, что переговоры с русскими не удались. Все обескуражены твердой позицией, занятой русскими, Гитлер разъярен. В дипломатических кабинетах только об этом и разговоры. Конечно, доверительные, при закрытых дверях...

— Когда узнали, что Гитлера не будет на приеме,— рассказывал фон Шелиа,— все зашушукались, гадая, что бы это могло значить. Я стоял с дипломатами. Они пришли к выводу, что фюрер недоволен переговорами с Молотовым... Нашего ефрейтора

ждали долго, и гостей не приглашали к столу. Но только мы сели, едва взялись за салфетки, как объявили воздушную тревогу. В советском посольстве нет бомбоубежища. Банкет прервали, и гостям предложили быстро покинуть здание... Вы бы только видели эти расстроенные лица! И было от чего — такого луккуллова пира, признаюсь, я давно не видел. И от всего этого пришлось отказаться, уйти от почти не тронутого стола.

Первым уехал Геринг. Рейхсмаршал чувствовал себя неловко. Ведь он кричал не раз, что ни одна бомба не упадет на Германию! Мне кажется, что в Лондоне знали о приезде советской делегации в Берлин и решили продемонстрировать ночные бомбардировки.

— Что же было дальше? — спросила Ильза.

— Дальше? Дальше была еще одна встреча в имперской канцелярии. Фюрер соблазнял русских Индией, Персидским заливом. Говорят, Молотов опять перевел разговор на Финляндию, на нашу военную миссию в Бухаресте. Русские, видно, хорошо осведомлены о наших тайнах. Они потребовали вывести наши войска из Финляндии и отозвать военную миссию из Бухареста. Гитлер ответил, что это сделать невозможно.

Потом он стал объяснять, почему задерживаются немецкие поставки важного оборудования Советскому Союзу, утверждал, что Германия не на жизнь, а на смерть ведет сейчас борьбу с Англией и вынуждена мобилизовать все свои ресурсы для решающей схватки. Молотов на это заметил: «Но мы только что слышали ваши слова, что Англия уже разбита...» Русским нельзя отказать в иронии и остроумии. Говорят, Гитлер побледнел от ярости. Но он сумел сдержаться...

Вечером того же дня была еще одна встреча — с Риббентропом. О ней я знаю подробнее. Она проходила у нас на Вильгельмштрассе, в министерстве иностранных дел. Но вскоре объявили воздушную тревогу, и Риббентроп предложил спуститься в бомбоубежище, в его подземный кабинет.

Там он снова заговорил, что надо подумать о разделе сфер влияния тем более, что Англия фактически

уже разбита. Тогда Молотов спросил: «Если Англия уже разбита, почему же мы сидим в этом убежище? Чьи это бомбы?..» Риббентроп замолчал. Разговор иссяк сам собой, говорить уже было не о чем, а воздушная тревога все продолжалась. Что тут делать? Риббентроп заговорил о пустяках, перешел к излюбленной теме о виноделии, о сортах шампанского... Когда-то он был оптовиком-виноторговцем.

Время тянулось медленно, отбоя тревоги долго не давали. В свою резиденцию на Шарлоттенбургштрассе советские делегаты вернулись только глубокой ночью. А утром они уехали в Москву... Вот и все, что я знаю о последних дипломатических событиях.

— Ну и что же вы думаете о всех этих событиях? Каков будет финал переговоров? — спросила Ильза.

— Мне кажется, что англичане могут считать себя избавленными от германского вторжения на острова. Фюрер все свое внимание сосредоточит теперь на Востоке. Именно там сгущаются тучи...

2

Фон Шелиа был очень близок к истине. В тот самый день, когда Адольф Гитлер первый раз встретился с советскими делегатами, он отдал генеральному штабу секретное распоряжение: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начались. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана».

Все последние месяцы, начиная с майского наступления германских войск на западе, Ильза вела столь напряженную работу, что не оставалось времени ни для сна, ни для отдыха. Она осунулась, похудела, начинали сдавать нервы. А тут еще налеты английских бомбардировщиков... Авиационное наступление англичан нарастало из месяца в месяц. В городе то там, то здесь появлялись все новые

руины. Как часто приходилось Ильзе проводить бессонные ночи в бомбоубежищах, а утром с больной головой начинать трудовой день. И ее болезнь... Острые приступы, разрывавшие тело, посещали ее все чаще. Но Ильза держалась, и никто из окружающих не замечал, какого напряжения воли стоило ей выглядеть спокойной, общительной и веселой.

Только в одном из писем, адресованных Курту Вольфгангу, прорываются несколько фраз о ее физическом состоянии.

«В начале декабря я заболела...— писала она.— Я делаю последние усилия и работаю. Если бы я не была женщиной, вы могли бы получать от меня значительно больше того, что я выполняю сейчас.

У меня началась ангина, тяжелая и противная, которая закончилась тем, что началось кровотечение... Врач, к которому я обратилась, пришел к выводу, что это результат простого истощения, которое можно вылечить отдыхом.

Ничто так не истощает, как кровотечение. Иногда мне становится страшно. Я боюсь, что это может иметь самые неожиданные последствия для нашей работы. Может быть, меня подводят расшатавшиеся нервы, но все же эти месяцы я храбро переносила ужасные боли...»

Дальше она писала, что с первого января вынуждена оставить службу в министерстве иностранных дел. Пришлось встать на учет на бирже труда. А это значит, что в любой момент ее могут заслать куда угодно... Что касается Арийца, то у него дела идут хорошо, он получил назначение в отдел пропаганды — один из секретнейших отделов министерства иностранных дел.

Как всегда, в письме перемежалось личное с делами, которыми была поглощена Ильза: «В среду приезжал в Берлин «X», встречался с Клейстом. Есть важные новости. О них сообщаю отдельно».

«Я все не могу закончить письма, мне еще так много хочется рассказать тебе, милый,— писала она.— Если я тебя встречу, буду рассказывать столько, что ты устанешь слушать... А может, ничего не скажу... Так бывает. Что можно сказать сразу, когда

вдруг встречаются близкие люди, живущие в разных мирах?..

Я только чуточку сержусь на тебя за то, что так мало ты мне пишешь о том, что ты видишь там, чем сейчас живешь. От всего сердца приветствую тебя и все, что тебя окружает, и всех, кого ты видишь. Сердце мое постоянно находится там. Твоя Альта».

Там — это в Стране Советов, куда Ильза непрестанно уносилась в своих мыслях.

Ильза не жаловалась, ее тревожило лишь то, что она может выйти из строя. Но в Москве тоже были обеспокоены ее состоянием. Решили уточнить, выяснить, в чем нуждается разведчица, каково ее состояние. Человек, посланный к ней для связи, передал: «Состояние Альты тяжелое. Дом, в котором она живет, частично разрушен бомбой. Одевается плохо, постоянно дрожит от холода. Ее здоровье настолько плохое, что, по заключению врачей, она вообще не должна работать в течение зимы. Ей необходимо выехать на лечение в Карлсбад... Принимаем меры через наших людей быстрее устроить ее на работу. Формально Альте необходимо создать материальную базу, чтобы расходы ее не вызывали подозрений. Иначе она не сможет ни поехать лечиться, ни тепло одеваться».

Ильзе Штёбе предложили, почти приказали, ехать лечиться. Она уехала в Карлсбад, но вскоре вернулась обратно... Началось обострение болезни, она оказалась запущенной, и врачи запретили продолжать предписанный ей курс лечения.

О своей поездке Альта писала Вольфгангу:

«Ты спрашиваешь о Праге, о городе, в который ты влюблен. Прага затемнена в прямом и переносном смысле слова. Она выглядит, как опустевший дом, как кулисы театра, за которыми идет своя жизнь. Старинные здания, городские ворота и башни продолжают еще стоять. Много переулков еще не получили немецких названий, но все идет к этому... Влтава плещется под сводами Карлова моста, а Пражский Град возвышается над городом восклицательным знаком, точкой над i. Правда, над Градом висят чужие флаги, но издали их не видно, можно и не догадаться. Но то, что о чужих флагах знают, легко

прочитать на лицах пражан. Ветер разносит по улицам через громкоговорители обрывки немецких фраз: «Приказ... распоряжение... циркуляр...» Ветер вызывает на глазах слезы. Ветер или бесправие чехов? Прага без света. Сегодня здесь молчание...»

Ильза продолжала работать. Неимоверными усилиями преодолевала боль. Пила лекарства, но они мало ей помогали. Временами едва поднималась с постели после ночного приступа. А опасная работа требовала напряжения всех сил. Каждая фраза, оброненная случайно в разговоре с людьми, причастными к государственным тайнам, требовала тончайшего анализа, перепроверки, накопления дополнительных сведений, прежде чем можно было отправить по назначению добытую информацию.

Успехи Гитлера во Франции вскружили голову. Германия жила в сладком угаре достигнутых побед. Фюрер все может! Он достигнет всего! И это делало людей болтливыми.

В первые дни наступления на западе один из инженеров военно-инженерного управления бросил фразу о Брюгге — оттуда можно обстреливать Лондон. Значит, у немцев появилось новое оружие... Альта своевременно сообщила об этом. Но слова, неосторожно брошенные военным инженером, привели к новым открытиям,— в районе Пенемюнде существуют подземные заводы, лаборатории, занятые изготовлением сверхдальних снарядов. От Брюгге до Лондона — 240 километров, следовательно, такова максимальная дальность секретного артиллерийского оружия...

Тогда же Ариец сказал:

— Наш ефрейтор закусил удила... Если бы в Бельгии или во Франции этот маньяк столкнулся с настоящим сопротивлением, он не задумываясь применил бы газовые бомбы.

— Не может быть,— воскликнула Ильза, поддразнивая дипломата.— Ведь применение газов запрещено международной конвенцией.

— Не будьте наивны, Ильза!.. В один прекрасный день Геббельс раструбит по всему миру, будто англичане или французы сами сбросили над Германией газовые бомбы. Вот и все! Они «заставили» фюрера

ответить тем же... Старый шулерский прием. Кто станет проверять вымысел Геббельса. Наши военные склады полны химическими бомбами. Мне говорили об этом сведущие люди...

И снова проверка, снова поиски данных, подтверждающих информацию.

Книжный киоск у Бранденбургских ворот, превращенный в «почтовый ящик», действовал надежно и безотказно. Информация Ильзы Штёбе порой приходила в Москву на второй, третий день. Через этот канал Альта и отправила донесение о тайном оружии нацистов, об угрозе химического нападения.

В это тяжелое для Ильзы время ее разведывательная работа приобрела наиболее широкий размах. С помощью своих друзей ей удалось найти новую работу — она стала заведовать рекламным бюро парфюмерной фирмы в Дрездене. Теперь у нее даже стало больше свободного времени. Она могла ездить по стране, была несколько раз за границей: в Бельгии, во Франции, в Италии... Но Ильза с тревогой замечала, что здоровье ее с каждым днем ухудшается.

Альта очень редко выходила на прямую связь с людьми, которые, так же как она, работали в глубоком подполье. Она не встречала их неделями, иногда месяцами и все же постоянно ощущала поддержку, крепкие руки друзей, работавших где-то рядом. Это придавало ей новые силы. В день своего рождения Ильза, как обычно, спустилась в подъезд за почтой. С тихой грустью она подумала: сколько поздравлений бывало в прошлые годы. Кто-то вспомнит ее теперь... Ильза открыла ключиком почтовый ящик. Среди газет лежал небольшой сверток. Ни адреса, ни почтового штемпеля. Она торопливо раскрыла его и задохнулась, зарделась от счастья! В пакетике лежали три свежие гвоздики... Кто-то помнил о ней. Конечно, это Курт! Только он еще знал и помнил день ее рождения... Как, через кого смог он прислать эту весточку любви и внимания?

А события приобретали все более грозный характер. Как мрачные тучи...

Через три недели после отъезда советской делегации полковник Хойзингер из оперативного отдела генерального штаба в присутствии фельдмаршала

Кейтеля, который недавно встречал и приветствовал на Ангальтском вокзале посланцев Москвы, докладывал Гитлеру о плане «Барбаросса».

18 декабря 1940 года план «Барбаросса» был утвержден. Под документом, составлявшим государственную тайну империи, стояли подписи Адольфа Гитлера и фельдмаршала Кейтеля. Гитлер распорядился подготовить в дополнение к плану «Директиву по дезинформации противника». Суть ее сводилась к тому, чтобы сохранить впечатление, что подготовка к высадке в Англии продолжается и представить стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» в виде «величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию».

Но гитлеровским заговорщикам не удалось скрыть своих планов. Архивы сохранили до наших дней сообщения мужественных разведчиков, которые предостерегали нашу страну об опасности. Среди этих донесений имеется много информаций, поступивших из Берлина за подписью «Альта».

В конце февраля 1941 года Ильза Штёбе писала:

«Подготовка к войне против Советского Союза зашла далеко. Руководящие круги, как и прежде, придерживаются точки зрения, что война с Россией начнется еще в этом году. Формируются три армейские группы под командованием фельдмаршалов Бока, Рунштедта и фон Лееба. Армейская группа «Кенигсберг» будет наступать в направлении Ленинграда. Армейская группа «Варшава» — в направлении на Москву. Армейская группа «Познань» — в направлении на Киев. Сроком наступления необходимо считать 20 мая. Запланировано колоссальное сражение на окружение в районе Пинских болот с участием 120 дивизий с немецкой стороны. Уже построены бронепоезда применительно к русской железнодорожной колее».

В первые дни марта Альта сообщает дополнительные сведения о подготовке к войне:

«Имеются,— передает она,— и другие факты, говорящие о том, что выступление против России состоится в ближайшем будущем. Называют сроки —

15 мая — 15 июня, утверждают, что в генерал-губернаторстве — в Польше, сосредоточено 120 дивизий... Ариец указывает, что о предстоящем выступлении против СССР ему передавали те же самые лица, которые в начале 1940 года говорили ему о готовившемся выступлении против Голландии и Бельгии...

В военных кругах возникает тревога — не замечают ли русские, что на них готовится нападение, не собираются ли они упредить германские удары. Сосредоточение советских войск на границе у некоторых военных вызывает удовлетворение. Они считают, что русская армия не сможет быстро отступить в глубину своей территории и германскому командованию удастся осуществить против нее современные Канны».

В апреле Альта вновь подтверждает свою информацию о назревающих военных событиях. Она передает в Москву, что прежние сроки нападения только откладываются в связи с военными действиями на Балканах.

Курту Ильза писала отдельно:

«Тяжело наблюдать всю подготовку к назревающему конфликту. Держите глаза открытыми и не обманывайте себя...»

Последнюю фразу она подчеркнула жирной чертой.

Спустя несколько дней Альта послала в Москву донесение о новой встрече с Рудольфом фон Шелиа. Германский дипломат передал важные сведения, почерпнутые из разговоров с высшими правительственными чиновниками Германии. Их встреча произошла в последних числах апреля.

— Англичанам надо продержаться еще с месяц,— обычно фон Шелиа начинал разговор с положения на западе.— Воздушные налеты вскоре должны прекратиться: фон Кессельринг переводит свою ставку в Познань. Следом за ним на восток перебазируется вся его авиация, занятая бомбардировкой английских городов.

— Что же касается перспективных планов ефрейтора, они грандиозны,— продолжал фон Шелиа.— Речь идет о том, чтобы проложить дорогу в Индию. Он уже подумывает о том, что необходимо обеспе-

чить себя с фланга на тот случай, если Германия устремится к Суэцкому каналу и поведет наступление на Индию.

— А это из каких источников? — спросила Ильза.

— О предстоящих событиях мне рассказывал адъютант фон Риббентропа... Главная проблема ближайшего будущего — Россия. В армию призвано около двух миллионов человек. Не делают исключения даже для рабочих военной промышленности. Сухопутные силы в общей сложности насчитывают сейчас четыре миллиона семьсот тысяч человек, в авиации — больше полутора миллионов. Всего, вместе с мобилизованными за последние месяцы, у нас под ружьем насчитывается больше восьми миллионов солдат и офицеров. Вы запомните эти цифры?

— Да, да... Конечно.

В конце апреля обо всем этом Альта сообщила в Москву. Как всегда, сведения Рудольфа фон Шелиа были точны. Все его прогнозы верны: 30 апреля ставка верховного командования германских войск установила дату нападения на Советскую Россию — 22 июня 1941 года. Конечно, Ильза Штёбе не могла знать точной даты начала войны, но все говорило, что день Икс неотвратимо приближается. Седьмого июня Ильза Штёбе передала из Берлина:

«Вопрос о России стоит здесь в центре внимания. Гитлер лично приказал Гиммлеру установить, кто распространяет слухи о войне с Россией. Такие слухи все чаще просачиваются отовсюду... На восток, как и раньше, ежедневно уходят до пятидесяти эшелонов с войсками и военными грузами... Генералы опасаются затруднений в снабжении горючим, так как война с Россией потребует ежедневной отгрузки 24 составов горючего. В распоряжении военных пока может быть только шестнадцать составов. Возникает опасение, что танковые войска не смогут пройти дальше Киева... Никто из информированных людей не сомневается, что военные действия против России будут предприняты. Альта».

И, наконец, 16 июня, за шесть дней до нападения, Ильза передала еще одно шифрованное сообщение:

«В штабе верховного командования вооруженных сил Германии упорно циркулируют слухи о выступлении против нас в ближайшие дни — 22—25 июня».

...Еще в марте сорокового года Альта направила в Центр коротенькую шифровку в несколько строк:

«Икс получил назначение в посольстве, приказ о его выезде в Москву подписан. Должен прибыть туда десятого марта. Пароль и номер телефона ему передан. Будет звонить между 14 и 14.30 дня. Назовет себя — господин Шмидт. На встречу придет в темно-сером пальто с книгой в руках, в которой будет заложена газета, датированная десятым марта. Альта».

Он так и остался Иксом — неизвестным человеком, хотя и начал работать в германском посольстве в Москве в Леонтьевском переулке. Нацист, успешно продвигавшийся по службе, Икс с помощью Альты через Рудольфа фон Шелиа получил назначение в Москву. Гестаповцам так и не удалось узнать одну деталь в биографии Икса — он два года воевал в Испании, в Интернациональной бригаде... В немецком посольстве Икс занимал ординарную должность, но по роду своей работы соприкасался со всей перепиской германского посла в Москве графа фон Шуленбурга. Он поступил в Москве в подчинение Курта Вольфганга, который по заданию Центра должен был поддерживать с ним постоянную связь.

Икс позвонил по телефону в назначенный час и через три дня приехал на станцию метро «Аэропорт». Он вышел из головного вагона поезда и уселся на деревянной скамье, положив на колени книгу с торчащей из нее газетой... Прошло несколько минут. Икс рассеянно глядел на пассажиров, толпами выходивших из голубых вагонов, на белые стены, словно испещренные расходящимися лучами прожекторов. Он ждал... Рядом с ним сел на скамью худощавый человек, произнес условленные слова пароля. Икс ответил, и они поднялись наверх, на бульвар, только что освободившийся от снега, и пошли назад, в сторону Белорусского вокзала... Был вечер, на улицах неярко светили фонари, и лица двух

пешеходов, шагавших по сырому асфальту, оставались в тени... На мосту у вокзала они расстались. Встреча заняла не более получаса. С тех пор Курт Вольфганг, носивший теперь другую фамилию, регулярно, правда не часто, встречался с Иксом.

Через несколько месяцев после их встречи Икс передал Курту первую информацию. Потом сообщения стали поступать чаще... Весной сорок первого года Икс передал, что граф фон Шуленбург ездил в Берлин и встречался там с Гитлером. Посол заговорил об опасности, которая угрожает Германии в случае войны с Советским Союзом. Гитлер, не дослушав фон Шуленбурга, бросил фразу: «Я не собираюсь воевать с Россией...»

Эта информация расходилась с теми сообщениями, которые шли из Германии. Да и сам Икс не так давно передал донесение, в котором говорилось совсем другое. Икс сообщал:

«В руководящих кругах нацистов господствует мнение, что если в ближайшее время Германия не достигнет решительной победы над Англией, то она должна захватить Украину. Другие считают, что Германии необходимо уже в июне напасть на СССР».

В чем же дело?.. Вскоре обстановка начала проясняться. По словам Икса, немецкому послу фон Шуленбургу приказали сообщить из Москвы, что «русские намерены ударить ножом в спину Германии». Старый дипломат отказался подтасовывать карты. В своих донесениях он постоянно утверждал обратное,— что в Советской России не наблюдается никаких приготовлений к войне с Германией, русские добросовестно выполняют пункты договора о ненападении, подписанного полтора года назад.

Вероятно, в этом и была разгадка фразы Гитлера. Он просто не доверял своему послу в Москве...

Такой вывод подтверждался и другими сообщениями, которые передавал Икс из немецкого посольства в Москве.

Пятого апреля он передал: «В Берлине убеждены в неизбежности предстоящей войны против СССР. Назывались сроки — первое мая 1941 года. Но в связи с событиями на Балканах сроки наступления перенесены на июнь этого года. Немцы собираются вбить

несколько клиньев на юге и на севере, подготовив второе Кутно».

17 апреля: «Война не исключена в самое ближайшее время. На границах с СССР сосредоточено до 100 дивизий...»

29 апреля: «Корреспондент немецких газет в Москве Тим получил задание срочно доложить о состоянии автострады Москва — Минск... Военный атташе посольства полковник Крипс заявил, что всю операцию против СССР, вплоть до занятия Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы, намечено осуществить максимум за четыре недели... Немецкие дипломаты в Москве спешно отправляют ценные вещи в Германию. Вопрос о войне решен окончательно, она начнется в середине июня 1941 года».

Прошла еще одна неделя. Тревожные сообщения продолжали поступать от Икса: «Адъютант Геринга заявил, что германское верховное командование отдало приказ закончить подготовку театра военных действий и сосредоточение войск ко второму июня. Войска будут сосредоточены так: в Восточной Пруссии — два миллиона солдат, в Польше — три миллиона, на Балканах — один миллион. Всего против Советского Союза намечено сосредоточить до семи миллионов человек».

И, наконец, в канун нападения Германии — 21 июня 1941 года — Икс передал последние донесения. Утром он встретился с Куртом Вольфгангом и сказал: «Я убежден, что война начнется в ближайшие сорок восемь часов...»

В семь часов вечера они встретились еще раз. Курт записал сообщение Икса: «Утром посольство получило указание срочно уничтожить все секретные бумаги. Сотрудникам посольства приказано до утра запаковать свои вещи и сдать их в посольство. Эту ночь дипломатические работники обязаны провести в стенах посольства в Леонтьевском переулке. Считают, что наступающей ночью будет принято решение. Это решение — война».

Утром 22 июня 1941 года граф фон Шуленбург явился в Наркомат иностранных дел на Кузнецкий мост. Предварительно позвонил по телефону, сообщив, что ему безотлагательно надо встретиться с

господином Молотовым. Посол фон Шуленбург был подавлен выпавшей на него миссией и, не глядя в глаза, сказал:

— Я выполняю приказание моего правительства... С сегодняшнего дня Германия считает себя в состоянии войны с Советской Россией...

А на западных границах уже в продолжение нескольких часов шла война. Германская авиация бомбила советские города...

4

Станция радиоперехвата функ-абвера располагалась в Кранце, на окраине глухого поселка близ Гамбурга. Окна аппаратной были распахнуты и отсюда, с верхнего этажа, открывался вид на широкие просторы Эльбы. Был виден низкий берег, поросший вереском, рыбачьи хижины, притулившиеся у самой воды... Вверх по Эльбе, преодолевая течение, плыла самоходная баржа, оставляя позади себя пенистые буруны. Баржа проползла над подоконником станции и исчезла за правым переплетом оконной рамы. Солнце давно перешло на запад, близился вечер, но июньская жара не спадала, и дежурный радист, изнемогая от духоты, сидел с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Он лениво, одним большим пальцем ударял по ребристой поверхности верньера, вращая его то в одну, то в другую сторону, прослушивая свой диапазон. Серебристая стрелка, послушная движению пальца, скользила по шкале аппарата, и магнетический глаз то расширял, то суживал свой зеленый зрачок.

Радист знал на память расположение передающих станций и не нуждался в лежавшем перед ним техническом перечне, определяя на глаз, откуда льются радиоволны. Вот Лондон... Гамбург... Берлин... Осло... Но что за черт! На обычной волне скандинавской станции вдруг зазвучали незнакомые позывные... «Пэ-Тэ-Икс... Пэ-Тэ-Икс... Пэ-Тэ-Икс» — принял на слух радист. Затем наступила короткая пауза и следом из эфира донеслась бойкая передача цифр.

Дежурный радист поправил наушники, торопливо нажал кнопку звукозаписи, включил пеленгацион-

ную установку. Но записать удалось только конец передачи: неизвестный передатчик быстро умолк и больше не появлялся. Дежурный сосредоточенно искал его на соседних волнах, но безрезультатно. Радиопеленгатор указывал, что передача велась откуда-то из Германии, из района Берлина. Радист доложил о своих наблюдениях начальнику смены, тот его высмеял: как это может быть, в Берлине и вдруг чужой передатчик...

Той же ночью, в другую смену, снова зарегистрировали работу коротковолновых радиопередатчиков. Наводка пеленгационной установки определила общее направление. Передачи шли из Брюсселя, откуда-то из Франции, снова из района Берлина. На другой день было зафиксировано еще несколько передатчиков. В эфире сквозь атмосферные разряды неслись таинственные позывные: «Пэ-Тэ-Икс... Пэ-Тэ-Икс... Пэ-Тэ-Икс». Передачи шли главным образом ночью.

В управлении связи абвера подняли тревогу. На восточном фронте третьи сутки велись наступательные бои. Германские войска вторглись на территорию России. Шла война — может быть, с этим связана работа коротковолновых радиопередатчиков? Отделу дешифровки приказали срочно расшифровать перехваченные радиограммы. Но знатоки ключей, шифров и всевозможных систем тайных передач стали в тупик: группы цифр расшифровке не поддавались.

Пришлось докладывать начальству о неудаче. Но в штабе абвера у адмирала Канариса, также как и в управлении имперской безопасности, не придали особого значения докладу. Даже если это действительно работают передатчики противника, то русским уже все равно ничто не поможет,— судьба войны решается на фронте, а не в эфире. За две недели боевых действий германские армии заняли Ригу, Псков, Минск, перешагнули Березину, вышли к Днепру. Пройдена половина пути к Москве... Как и планировалось, война должна закончиться через месяц.

Какое же значение могут иметь теперь какие-то вражеские разведчики или неизвестные «пианисты», как окрестили радистов-коротковолновиков. А может быть, это вовсе и не русские, а британские агенты? Пусть себе развлекаются...

Но время шло. Наступление в России замедлилось, а радиокапелла, состоящая из разрозненных и в то же время отлично сыгравшихся «пианистов», продолжала наполнять эфир своей музыкой. Пеленгационная служба засекла работу передатчиков в Праге, в Цюрихе, Брюсселе и других городах Европы... Но больше всего раздражала музыка, звучавшая в самом Берлине. Раздражала как посторонний, непривычный шум, как жужжание назойливой мухи, мешающей спать. Тревожила и перспектива докладывать Гитлеру. Гитлер еще не знал о «капелле», и Гиммлер скрепя сердце решил сообщить об этом фюреру. Тот пришел в ярость, задыхался от бешенства, грозил разогнать, стереть в порошок тех, кто не способен найти врага, оказавшегося в их собственном доме...

Когда Гитлер поостыл и обрел способность слушать, Гиммлер доложил ему о мерах, намеченных для ликвидации подпольных радиоточек. В гестапо создана специальная группа, в которую входят опытнейшие криминалисты, инженеры, знающие технику радиопеленгации, дешифровщики, привлечены сотрудники абвера. Военно-исследовательской фирме «Лёве опта радио АГ» дали задание — сконструировать новые системы пеленгаторов с тончайшей наводкой. Операция начнется с Берлина, как только пеленгаторы будут готовы. Гиммлер докладывал, что, кроме того, приняты меры к тому, чтобы лишить противника какой бы то ни было информации. Население предупреждено: болтливость, разглашение служебной, государственной тайны будут караться строго, вплоть до расстрела.

Гитлер одобрительно кивал головой. Гиммлер наблюдал за выражением лица фюрера. Кажется, пронесло! Фюрер забарабанил пальцами по столу. Верный признак, что настроение восстанавливается. Гиммлер кончил доклад, и Гитлер спросил:

— О чем же сообщают в перехваченных телеграммах? Какими сведениями располагает противник?

— Мой фюрер,— тихо и растерянно произнес Гиммлер,— радиотелеграммы, к сожалению, пока не поддаются расшифровке... Мы принимаем меры.— Он

умолчал, что перехвачено уже больше сотни донесений и что каждая шифрограмма, по-видимому, написана особым шифром.

Гитлер снова вспылил, потом приказал немедленно выполнять намеченный план. Вот когда все забегали!

Конечно, легче всего было выполнить последнюю часть плана — пригрозить болтунам, арестовать десяток, другой, если надо, сотни немцев, не умеющих держать язык за зубами, и отправить их в концлагерь для острастки других... На стенах, заборах, даже на тротуарах немецких городов появилась намалеванная черной несмываемой краской расплывчатая фигура ссутулившегося человека, приложившего к уху сложенную козыречком ладонь. Под фигурой — тенью надпись: «Тсс!.. Шпион подслушивает!!»

Но легионы намалеванных черных теней не лишили, видимо, противника информации,— тайные передачи «пианистов» продолжались. Радиопеленгаторы, установленные на машинах, рыскали по городу. Но «пианисты», словно певчие птицы, все время меняли места, пощелкают где-то, дадут трель, потом исчезнут и щелкают совсем в другой стороне. Только один «пианист» прочно обосновался в районе Матфейкирхеплац, где-то совсем близко от управления абвера. За ним и начали прежде всего охотиться.

Операцию готовили тщательно. Чтобы не спугнуть «пианиста», гестаповцев переодели в форму почтовых работников. Над люками уличных колодцев, ведущих к телефонным подземным кабелям, раскинули брезентовые палатки с почтовой эмблемой — перекрещенные рожки и зубчатые молнии. Гестаповцы делали вид, что ремонтируют линию связи. На задворках стояли наготове машины, набитые вооруженными полицейскими. Матфей-кирхеплац обложили со всех сторон, теперь-то «пианисту» некуда будет деться. Радист выходил на связь в разное время, но в полдень — в двенадцать тридцать — обязательно вел свои передачи. В ремонтных палатках расположились техники-пеленгаторы, снабженные новыми, только что выпущенными портативными аппаратами. Специалисты считали их чудом современной радиотехники. Настроились, ждали, но...

именно в этот день таинственный радист в эфире не появился...

Неудача с поимкой радиста обескуражила руководителей функ-абвера. Начали предполагать самое невероятное: быть может, в какое-то звено немецкой разведки проник агент противника, который предупредил врага? Как иначе все это объяснить? Началась тщательная проверка сотрудников, стали устанавливать: кто, когда с кем разговаривал в этот день по телефону из управления функ-абвера. Телефонных звонков почти не было. В те часы, когда вокруг Матфей-кирхеплац готовилась операция, из управления функ-абвера звонил только лейтенант Хайльманн, вызывал дважды одного и того же абонента. Первый раз к телефону никто не подошел. Затем через четверть часа Хайльманн позвонил снова и разговаривал по служебным делам с сотрудником министерства военно-воздушного флота Харро Шульце-Бойзеном. Оба эти человека были вне всяких подозрений...

Шульце-Бойзен, получив предупреждение о нависшей опасности, в последний момент сумел предупредить радиста Ганса Коппи. В тот же вечер, забрав чемодан с передатчиком, он отправился на квартиру Оды Шоттмюллер, молодой танцовщицы, которая только несколько дней назад вернулась из гастрольной поездки в действующую армию. Это была веселая тонкобровая женщина с худощавым лицом и коротко подстриженными волосами. Она входила в организацию Харро, и с ней было заранее договорено, что в случае нужды к ней принесут коротковолновый передатчик. Ода жила одна, и это было большим преимуществом.

Ода ждала Шульце-Бойзена и открыла дверь тотчас же...

— Я не скомпрометирую тебя, Ода, если останусь до полуночи? — шутливо спросил Харро, опуская чемодан на пол.— Эта штука оттянула мне руки...

— Хочешь сойти за любовника, а приезжаешь без цветов и подарков,— рассмеялась актриса.— Надо было подумать об этом!

— Обязательно!.. В следующий раз... А сегодня я намереваюсь сделать великолепный подарок ефрей-

тору. Но «вручать» его придется ночью. Аппарат недостаточно мощный, к тому же и радист я не очень-то опытный.

Харро раскинул антенну, и Ода Шоттмюллер помогала ему, придерживая провод, пока Шульце-Бойзен прикреплял его под потолком. Потом Ода, покуривая сигарету, рассказывала о поездке на фронт, о настроениях офицеров. В полночь Харро включил передатчик. В комнате мягким металлическим звуком застучала морзянка. На связь с Москвой вышли быстро — там ждали эту передачу. Было начало сентября. В ту ночь Харро Шульце-Бойзен передал в эфир:

«Директору от Коро. Источник Арвид. Гитлер приказал взять Одессу до пятнадцатого сентября. Задержка воздушных операций на юге вызвана изменениями в планах германского командования. На восточном фронте большинство германских дивизий обессилены тяжелыми потерями. Переформированные части насчитывают в своем составе минимальное число людей...

Источник Мориц передает: план два вступил в действие. Вероятная цель наступления — достигнуть линии Архангельск, Москва, Астрахань к концу ноября. Все передвижения войск проводятся в соответствии с этим планом...

Источник Сюзанна: линия для зимовки, установленная генеральным штабом, проходит через Ростов, Изюм, Орел, Брянск, Дорогобуж, Новгород, Ленинград. На эту линию войска должны выйти к началу ноября.

Важнейшей целью, которая должна быть достигнута до наступления зимы, является захват Москвы, также Крыма и донецкого индустриального бассейна. Планируется нарушение подвоза нефти с Кавказа. На севере предполагался захват Ленинграда и соединение с финнами. Гитлер отказался от этого варианта и приказал готовиться к очередной атаке Москвы, используя всю наличную технику. В случае провала наступления на Москву германские войска останутся без технических резервов...

Источник Мария: эшелоны с тяжелой артиллерией проследовали через Кенигсберг и направляются

к Москве. В Пилау производят погрузку тяжелых береговых батарей, направляются в том же направлении...

Источник Жак: имеется бесспорное техническое превосходство советских танков по сравнению с немецкими. Генеральный штаб озабочен постоянными изменениями, которые Гитлер вносит в стратегические планы операций на востоке. В кругах генерального штаба возникают разногласия относительно дальнейшего развития операций. Информация поступила через высшего офицера главного командования вермахта. Относительно Ленинграда принято решение — не занимать, а окружать город. Повторяю: не занимать, а окружать Ленинград».

Харро перешел на прием и начал быстро записывать группы цифр.

«От директора для Коро,— записал он,— источник Шнейдер производит впечатление знающего, хорошо информированного человека. Поручите ему установить общий промышленный потенциал германских химических заводов, производящих боевые отравляющие вещества. Желательно иметь химическую формулу новых отравляющих веществ. Вашей работой удовлетворены. Желаем успеха».

Отвечая на старый запрос, Харро Шульце-Бойзен передал в Москву: «Истинные потери германских войск за первые три недели боевых действий на восточном фронте составляют около ста тысяч человек... За это время германская армия потеряла полторы тысячи танков — половину боевых машин, имевшихся к началу восточной кампании...»

Передача закончилась. Харро устало поднялся... Ода Шоттмюллер дремала на диване.

— Хочешь кофе? — привстав, спросила она.

— Нет, спасибо! Пойду! Скоро рассвет. Напрасно ты не легла.— Он собрал антенну, закрыл чемодан, перенес его в платяной шкаф.— Спокойной ночи!

Он поправил перед зеркалом фуражку и вышел.

Через несколько дней радиопередатчик сумели переправить к Эрике фон Брокдорф в юго-западный район Берлина. Муж ее служил в армии на восточном фронте. Эрика работала в имперском министерстве труда и днем ее никогда не бывало дома. Через

Шульце-Бойзена радист получал ключ и с утра до вечера мог оставаться в квартире, все время меняя часы передач в Москву.

Охота за «пианистами» продолжалась. Команды радиопеленгаторов сбивались с ног, гоняясь за неуловимыми коротковолновыми передатчиками.

Значительная часть информации шла теперь через Герберта Гольнова, лейтенанта из контрразведки военно-воздушных сил, прилежного ученика Милдрид Харнак.

Английский язык легко давался Герберту, произношение стало безупречным. Однажды в конце занятий в комнату зашел Арвид Харнак. Мужчины еще не были знакомы: обычно Гольнов приходил, когда советник уезжал на службу. Лейтенант вскочил, как по команде, и вытянулся у стола.

— Занимайтесь, занимайтесь! — сказал Арвид, протягивая лейтенанту руку.— Садитесь и продолжайте. Я вам не помешаю.

Советник снял очки, протер их кусочком замши и, открыв какой-то журнал, присел в стороне. Занятия вскоре окончились.

— У вас очень хорошее произношение,— похвалил Харнак.— Вы давно изучаете язык?

— Нет, не очень... Начинал в школе, потом пробовал самостоятельно, а вот теперь с фрау Милдрид. Я очень ей признателен.

Милдрид улыбнулась:

— Господин Гольнов — способный ученик, через полгода он будет разговаривать совершенно свободно.

— Где же вы служите? — спросил Харнак.

— Извините, господин Харнак, но я не могу ответить на этот вопрос.

— Почему же — секрет?! — добродушно усмехнулся Харнак.— Я государственный советник в министерстве экономики, меня секретами не удивишь... Впрочем, это не существенно...

Перед Гольновом сидел человек с умным, интеллигентным лицом и приветливо улыбался, щуря близорукие глаза. Лейтенанту почему-то стало неловко перед этим человеком. Ответ Харнаку прозвучал, вероятно, бестактно. В самом деле — подумаешь, какой секрет в том, где он работает.

— Я состою в абвере,— негромко сказал Гольнов.— Но у нас не принято об этом рассказывать.

— Вполне естественно,— согласился Арвид.

Заговорили о положении на фронте, о перспективах войны. Харнак выразил недоумение, почему военные действия, начавшиеся так бурно, вдруг замедлились и наступило затишье.

— Не беспокойтесь, скоро опять все придет в движение,— сказал лейтенант. Он проникался все большей симпатией к своему собеседнику.— Обычная перегруппировка сил перед ударом.

— Сомневаюсь,— возразил Харнак,— если бы готовилось крупное наступление, я несомненно был бы в курсе дела. Война и экономика взаимно связаны...

И вдруг Гольнову нестерпимо захотелось блеснуть своей осведомленностью перед этим высокопоставленным сотрудником министерства экономики.

— Ну, в этой-то области более компетентен я,— возразил он.— Это уж по моей части! Операция «Тайфун» решит судьбу Москвы...

— Значит, наши солдаты действительно к рождеству могут быть дома, как утверждал доктор Геббельс?.. Что-то я не особенно этому верю. Там дело куда серьезнее!

В этом отношении лейтенант Гольнов был согласен с господином Харнаком, также как и с его откровенными высказываниями по поводу неразберихи, царящей в генеральном штабе.

Абвер-офицер Гольнов работал в отделе, занимавшемся планированием диверсионной работы, заброской парашютных десантов в советский тыл. Костяком таких десантов были солдаты из дивизии «Бранденбург-800» диверсионного соединения, полки которой были разбросаны по всему восточному фронту. Это они обычно начинали войны — переодетые в форму противника, бранденбуржцы проникали в тылы врага накануне внезапного удара, захватывали мосты, сеяли панику... Так было на острове Крит, в Голландии, в Дании, да и в России, когда в ночь перед началом войны группы диверсантов из дивизии «Бранденбург-800» проникли в Брестскую крепость, просочились на советскую территорию в районе Августовских лесов...

Действия диверсионных отрядов продолжались и позже. Но многие из диверсионных групп стали терпеть прямо-таки фатальные неудачи. Казалось, будто русские истребительные отряды специально подстерегают парашютистов именно в том районе, где намечено было приземление десантов... А происходило это потому, что Герберт Гольнов не раз передавал сведения по назначению о месте их выброски. Он сообщал также о немецких агентах-разведчиках, которых высаживали с германских подводных лодок на берегах Англии или сбрасывали на парашютах безлунными ночами где-то под Лондоном, в Шотландии, на вересковых пустошах Уэльса. Ни один из этих агентов никогда больше не давал о себе знать: Англия и Россия обменивались данными военной разведки...

Разведчица Альта работала в Берлине самостоятельно, она имела свою связь с Центром, собственный передатчик, своего радиста. До самого последнего мирного дня ей было запрещено пользоваться радиосвязью. Только с началом войны ее передатчик, не подававший признаков жизни, в первую же военную ночь вдруг заговорил полным голосом.

Сначала радист выходил в эфир часто — ночью и днем. Работы было очень много. Но после гестаповской облавы в районе Матфей-кирхеплац пришлось вести себя более осторожно, выход в эфир сократили до минимума.

И вдруг связь оборвалась... В функ-абвере это сразу отметили, но пришли к выводу, что противник хитрит. На самом-то деле было совсем не так.

В установленный день радист не явился на конспиративную квартиру, где его поджидала Альта. Не было его и на запасной явке. Никто не знал, что с ним случилось — арест, несчастный случай... Три дня назад после радиосеанса он ушел, забрав с собой передатчик, и словно провалился сквозь землю. Если радист арестован, не исключено, что он может выдать ее, не выдержав пыток в гестапо. Правда, радист мало что знал об Ильзе Штёбе, только ее кличку.

Со всеми предосторожностями Альта решила выйти на связь с одним из своих товарищей. Но и он ничего не знал, сообщил только, что радист потерял

Москву. Он строго по расписанию выходил в эфир, но Москва не отвечала. И радист не слышал Москву. (В причинах всего этого разобрались много позже — радист перепутал схему месячного расписания связи с Центром. Небольшая ошибка оборачивалась трагедией.)

Вот когда Ильза Штёбе всем своим существом ощутила глубокое одиночество. Одна — и никого рядом! Где-то поблизости были друзья, единомышленники, но Ильза не в праве была их разыскивать. Да и как их найдешь...

В эти же дни на плечи Ильзы Штёбе свалилось еще одно горе — погиб ее старший брат, коммунист-подпольщик, схваченный гестапо во время налета на конспиративную квартиру. Его приговорили к смертной казни, и желтые плакаты, расклеенные по всему городу, извещали берлинцев, что приговор приведен в исполнение. Но брат Ильзы так и не назвал своего настоящего имени. Ильза знала, что это о нем, о ее брате кричат желтые плакаты. А мать ничего не подозревала и все ждала своего Густава.

Теперь Ильза чаще бывала у матери, иногда оставалась у нее ночевать. Мать, не догадываясь о постигшем ее горе, почему-то все вспоминала про отца, много говорила о Густаве. Все это терзало душу, Ильза сдерживалась, как могла, но, если мать замечала, что дочери не по себе, она объясняла свое состояние приступами боли в печени. Ильза действительно тяжело страдала от болезни, не отступавшей от нее вот уже столько месяцев.

И от Курта тоже больше не приходило вестей. Война оборвала последние связующие их нити, даже возможность ожидания писем...

Последнее письмо она послала ему за неделю перед войной, получив перед тем тоже последнее его письмо.

«Дорогой мой! — писала она.— Сейчас я как сумасшедшая от радости... И все потому, что получила от тебя весточку...

Очень счастливой назвать себя не могу, приходится чертовски трудно. Работа начинается в четверть восьмого и приходится вставать в шесть. Официально заканчиваю в половине пятого, но если бы

ты захотел меня найти, застал бы меня на работе и в половине седьмого. Ты же знаешь — хорошая рекомендация обязывает. Начинаю понимать, что такое реклама. Есть ли у вас что-то подобное, там, куда я стремлюсь всем сердцем и мыслями? Напиши мне обо всем, что тебя окружает; как там дышится на нашей земле. Мы все считаем ее своей, нашей землей!

Что тебе сказать о Берлине? Он превратился в столицу самонадеянных посредственностей... Твоя квартира больше не существует. Бомба разрушила дом, где ты жил. Мое новое жилье сохранилось, но войти в него не так просто — разрушен пролет лестницы.

Желаю тебе счастья, милый. Горячий тебе привет от всех. Твоя Альта».

Курт Вольфганг писал ей в последний раз:

«Моя дорогая Альта! Ты написала такое чудесное письмо, что я не могу сказать тебе лишь простое спасибо... Я всегда радуюсь твоим милым письмам, прежде всего их бодрому тону, хотя знаю, как тебе приходится трудно...

Мне нужно дать тебе один совет. Не воспринимай его как официальное указание. Мне и самому грустно, когда я пишу тебе эти строки. Ты как-то писала мне, что долго хранишь мои письма. Не надо, милая, этого делать. Для тебя они источник дополнительной опасности. Не носи их с собой. Тебе известны правила нашей работы. В час надвигающихся испытаний шлю тебе самые наилучшие пожелания. Всегда твой К.»

От Курта больше не было писем, и Альта не могла последовать его печальному, заботливому совету — не хранить долго его писем. Писем не было...

А в Москве тоже забили тревогу — Берлин перестал отвечать на вызовы. Только Брюссель и другие коротковолновые станции, находившиеся за пределами Германии, давали о себе знать. Для восстановления связи с Берлином в немецкий тыл одного за другим засылали парашютистов, но они бесследно исчезали. А информация из Берлина была нужна как воздух.

И вот наконец воскресным утром в квартире Альты раздался звонок. Ильза сняла трубку, но услышала только протяжный гудок, кто-то положил

трубку. Затем телефон зазвонил снова, и незнакомый голос произнес условные слова пароля. Сколько ждала она этой минуты! Ильза ответила на пароль и нетерпеливо, радостная, стала ждать встречи.

Связной явился к ней через два часа. Снова пароль — и мгновенный ответ Ильзы. В дверях стоял невысокий молодой человек.

— Вы Альта? Здравствуйте,— сказал он.— Что произошло со связью?

Ильза смотрела в лицо посланца и мучительно вспоминала, где могла его видеть. Она, несомненно, где-то встречала этого человека. Наконец вспомнила. Ну конечно, это он. В прошлом году ей передали его фотографию для папаши Хюбнера — для «Банкира»... Потом от Хюбнера она получила паспорт, в котором была та же самая фотография.

Курьер, передававший тогда фотографию и все необходимые данные, предупредил Альту: к Эмилю Хюбнеру должна являться только она. Она лично должна и получить паспорт. Никому не передоверяя.

С гравером ее познакомил Оскар перед своим отъездом из Берлина. Оскар несколько раз повторил: с Эмилем Хюбнером поддерживать только личную связь. Он засекречен от всех.

Эмиль Хюбнер, восьмидесятилетний гравер с белой как снег бородой, жил со взрослой дочерью, зятем и внуком в берлинском пригороде, в маленьком домике, стоявшем в глубине захламленного двора. Черный ход домика Хюбнера выходил на соседнюю улицу.

Оскар сказал: «Тебе, Альта, доверяют самую большую тайну — подпольщик Хюбнер делает паспорта и хранит деньги организации. Выходить с ним на связь только по распоряжению Центра...»

Она встречалась дважды с «Банкиром». Еще бы этого не помнить!

Связной рассказал, что для радиосвязи ей выделен новый радист, знаток своего дела и опытный подпольщик. Шифр тоже будет заменен. Им надо пользоваться только для передачи донесений Арийца. Кроме того, связной предупредил, что, если связь с Центром снова нарушится, донесения следует переправлять через курьеров в Брюссель.

Через несколько дней человек, прибывший в Берлин, встретился также с Харнаком и Шульце-Бойзеном. Они разгуливали втроем по опустевшим дорожкам Тиргартена среди голых деревьев и возвышавшихся на постаментах каменных Гогенцоллернов.

В некотором отдалении от мужчин, взявшись под руку, шли две женщины: строгая Милдрид и всегда оживленная Либертас, готовые каждую секунду предупредить подпольщиков в случае опасности.

И опять в Берлине заработали тайные передатчики. Но донесений было так много, что радисты не управлялись передавать их по назначению. Значительную часть информации пришлось отправлять с надежными курьерами в Брюссель, а оттуда по радио переправляли в Москву.

В одной из депеш, переправленных через Брюссель, сообщалось:

«Директору. Источник Коро. План три, касающийся дальнейшего наступления на Кавказ в ноябре, отложен до весны будущего года. Перегруппировка войск должна быть осуществлена к первому мая будущего года. Техническое обеспечение удара — накапливание боеприпасов, резервной техники и прочего — должно быть завершено к первому февраля сорок второго года. Развертывание войск для наступления на Кавказ произойдет на линии Лозовая, Чугуев, Белгород, Ахтырка, Краснодар. Штаб группировки в Харькове. Детали плана будут переданы позже.

Фактические потери германских войск в районе Ростова составляют двадцать тысяч человек».

В этом донесении Шульце-Бойзен впервые упомянул о Сталинграде, раскрывая советскому командованию стратегический замысел германских войск, направление ударов, запланированных в летнюю кампанию сорок второго года.

Сообщение Шульце-Бойзена подтвердил и Арвид Харнак, который получил эти сведения из других источников в министерстве экономики. Харнак изучал перспективы обеспечения страны горючим. Сюда были включены и потребности армии. В разделе «Нефть» внимание советника привлекла одна фраза: «Получение каких-либо новых, крупных источников нефти ожидается не ранее весны, начала лета

1942 года...» Ну конечно, здесь подразумевались кавказские месторождения нефти! Значит, наступление на юге России планируется на лето будущего года!..

По этому поводу в Центр ушло новое донесение. Радиосвязь между Москвой и берлинским подпольем, преодолевая все препятствия, поддерживалась уже полгода после начала войны...

И вдруг снова передатчики с таинственными позывными «Пэ-Тэ-Икс» перестали выходить в эфир.

5

Фрау Мирке прямо-таки распирало от переполнявших ее чувств, вызванных неожиданным событием,— ей предстояло ехать не куда-нибудь, а в Берхтесгаден, в резиденцию самого фюрера... Треволнения хозяйки модного салона передавались и ее сотрудницам-модельершам, закройщицам, портнихам, которые вместе с фрау Мирке озабоченно суетились, делая последние стежки, и без конца нашептывали друг другу по секрету все новые подробности предстоящей поездки: Ева Браун, любовница Гитлера, заказала вечернее платье, в котором она намерена появиться на приеме в Москве... Немецкие войска вот-вот вступят в советскую столицу. Фюрер уже назначил день военного парада и большой прием в Кремлевском дворце. Времени оставалось совсем немного, и фрау Мирке срочно летит в Берхтесгаден, чтобы сделать последнюю примерку. Платье давно могло быть готово, но не нашли французских кружев для его отделки. Посылали специальный самолет в Париж, а кружев-то требовалось всего полметра...

Волнения достигли своей кульминации, когда в день отъезда в ателье явились два дюжих эсэсовца и распорядились при них уложить в чемоданы вещи, предназначенные для Евы Браун. Хозяйка не дыша укладывала туалеты, тщательно расправляя каждую складочку, а когда все было уложено, эсэсовцы заперли чемоданы и унесли их в «Хорьх», стоявший перед входом в заведение фрау Мирке. Разряженная, как на праздник, она уселась в машину и в сопровождении эсэсовцев отбыла на Темпельгофский аэродром.

Модный салон наивысшего класса, называвшийся по имени бывшей владелицы ателье «Анна Мария Кайзер», находился в центре Берлина на Брюккен-аллее вблизи Тиргартена. Заказать здесь платье было мечтой каждой берлинской модницы. Но фрау Мирке обслуживала только привилегированных особ, только сливки, или, как говорили в Берлине,— крем высшего общества во главе с Евой Браун. В ателье «Анна Мария Кайзер» заказывали свои туалеты жены заправил фашистской Германии — рейхсмаршала Геринга, Геббельса, фельдмаршала Кейтеля, министра иностранных дел Риббентропа, фельдмаршала Кессельринга, рейхсфюрера по трудовым вопросам Хирля... Ну и, конечно, только у фрау Мирке шили свои костюмы все немецкие кинозвезды.

Здесь, в модном салоне на Брюккен-аллее, работала манекенщицей красивая молодая женщина Ина Лаутеншлегер. Она обслуживала высокопоставленных клиентов, рекомендовала им фасоны, демонстрируя перед ними новинки, только что входившие в моду. Ева Браун, выбирая фасоны платьев, прибегала к услугам изящной манекенщицы и без конца заставляла Ину прохаживаться перед ней в новых и новых нарядах.

Знатные дамы в ожидании примерки коротали время за разговорами: обменивались светскими новостями, болтали о нарядах, сплетничали.

— Вы знаете,— тоном избалованной девочки говорила Ева Браун,— я даже и представить себе не могу, как только люди могут есть пирожные на маргарине. Я, например...

Дальше шли рассуждения о том, кто что предпочитает, и дамы удивлялись, как это люди живут на продовольственные карточки, стоят в очередях за пайком эрзац-продуктов. Но, слава богу, все это скоро для всех кончится — с Украины уже идут эшелоны с отличнейшим продовольствием.

Фрау Геббельс привозила двусмысленные анекдоты или рассказывала самые последние новости, почему-то переходя на таинственный шепот: «А вы знаете, у Риббентропов...»

Новость заключалась в том, что министр фон Риббентроп построил для дочери купальный бассейн, но

оказалось, что зеленоватый кафель, которым облицевали бассейн, как будто бы бледнит купальщиц. Решили еще раз это проверить. Уже наступила осень, но тем не менее Риббентроп вызвал десяток эсэсовцев, и они в плавках полезли в холодную воду. В бассейне они долго плавали вдоль бортов, пока определяли, бледнит бассейн или не бледнит. Может быть, от холода, но тела эсэсовцев действительно выглядели бледными. Во всяком случае, облицовку решили менять.

Среди праздных разговоров и пересудов случалось и так, что дамы разбалтывали услышанные ими от мужей важные секреты о предстоящих военных действиях.

Обо всем услышанном Ина рассказывала своему приятелю Гансу Коппи. Ганс передавал наиболее важную информацию дальше.

На этот раз они встретились на берегу озера в Леницце. Ганс сел за весла, а Ина негромко рассказывала ему про суету, возникшую в ателье.

— Это важно,— ответил Коппи.— Ну а в Брюссель вы собираетесь ехать?

— Да, но поездка отложена на несколько дней из-за платьев Евы Браун.

Манекенщицы фрау Мирке собирались в Бельгию демонстрировать новые фасоны наступившего осеннего сезона.

— О вашей поездке я говорил с Харро, он заинтересовался и хотел бы с тобой встретиться. Для тебя есть задание.

Ина слышала о Шульце-Бойзене, но никогда с ним не встречалась. В среду после обеда Ганс с Иной зашли в кафе на Лейпцигерштрассе, как раз напротив здания военно-воздушного министерства. Именно здесь Харро назначил встречу.

— Ты слишком красива,— шутливо говорил Ганс.— На тебя все обращают внимание. С тобой опасно ходить на явку... Не завидую я твоему Лаутеншлегеру.

Почти следом за ними в кафе вошел Харро. Он был в штатском. Глазами нашел Коппи и подсел к столику. Харро показался Ине озабоченным и усталым.

— А вот и наш Петер,— представил Ину Ганс. (Так называли в подполье Ину Лаутеншлегер.)

— Ганс мне давно о вас говорил,— сказал Харро,— говорил много хорошего. Вы не боитесь? Задание опасное.

Ина пожала плечами.

— Об этом следовало бы спрашивать меня лет шесть назад...

Ганс заранее подготовил Ину, и она уже знала, о чем пойдет речь. Ее хотят послать курьером в Брюссель, чтобы переправить туда донесения. Задание очень важное, но Коппи умолчал о главном — в Берлине один за другим вышли из строя их передатчики. Связь оборвалась, и вся надежда была на то, что донесения удастся переправить через Брюссель специальным курьером. Выбор пал на Ину Лаутеншлегер. Прежде она уже занималась подобными делами.

— Ну вот и отлично! — воскликнул Харро.— Ваш муж, кажется, в армии?

— Да, на восточном фронте.

— Я же тебе рассказывал,— напомнил Коппи.— Он служит на батарее главного калибра. Такие батареи подчиняются верховному командованию.

— Помню, помню... Ну а какие вообще новости?

— Наци собираются праздновать победу в Москве, их жены уже готовят туалеты...

Он рассказывал о том, что передала ему Ина. Харро помрачнел.

— Наша задача в том и заключается, чтобы не допустить их праздника,— сказал он.— Ваша поездка,— Харро обратился к Ине,— имеет к этому прямое отношение. Коппи передаст вам все, что нужно... Аппарат исправить не удалось? — спросил он у Ганса.

— Нет, ничего не получилось.

— Да, выходит, что вся надежда только на курьерскую связь,— задумчиво сказал Харро.

Сначала из кафе ушел Шульце-Бойзен, следом за ним вышли Коппи и Ина.

Ганс Коппи, Ина и ее муж Лаутеншлегер, Генрих Шелль и другие дружили еще подростками. Мальчики учились в сельскохозяйственной школе в Шарфенберге, которая располагалась на крохотном

островке озера Тегельзее на окраине Берлина. Здесь же был интернат, в котором они жили. Ребята собирались работать в деревне, но получилось иначе. Через год после фашистского переворота новые руководители школы объявили, что все ученики должны записаться в гитлерюгенд. Многие из парней отказались. Всех их исключили из шарфенбергской школы.

Старшим среди шарфенбергских приятелей был Ганс Коппи, но и ему шел тогда всего девятнадцатый год. Ганс уже работал в подпольном берлинском комитете комсомола. Первая листовка, которую они написали, была направлена против угрозы войны. Шел 1933 год...

Вскоре Коппи арестовали, держали в гестапо, но серьезных улик против него не было, и через несколько месяцев его выпустили на свободу. Выждав какое-то время в «карантине», он снова принялся за свое. Незримыми ручейками разрозненные группы сопротивления гитлеровскому режиму искали друг друга, сливались воедино, объединяя свои усилия. Позже Ганс Коппи и его шарфенбергские друзья встретились и объединились с группой Шульце-Бойзена. Коппи стал радистом подпольной организации.

Бывшие комсомольцы оставались верны своим идеалам — они продолжали борьбу с фашизмом всеми доступными для них средствами. Опору в этой борьбе они видели в Советской России. Когда началась гражданская война в Испании, многие из них мечтали попасть в Интернациональную бригаду, чтобы сражаться на стороне испанских республиканцев. Но далеко не всем удалось это сделать. Генриха Шелля и Лаутеншлегера забрали в вермахт. Ганса Коппи оставили, как политически неблагонадежного. Шелль служил в Гатове, недалеко от Потсдама. Здесь комплектовали части экспедиционного корпуса «Кондор» для боевых действий на стороне генерала Франко. Рядовой Шелль работал на вещевом складе, выдавал одежду, обувь и прочую амуницию для солдат, уезжавших в Испанию. У него хранились списки личного состава с указанием, к какому роду оружия относятся солдаты. Но у некоторых не было таких пометок. Почему? Шелль узнал, что это сотрудники гестапо, которые едут в Испанию для агентурной ра-

боты. В Испании воевали многие товарищи Генриха Шелля, и он без колебаний решил предостеречь их об опасности. Он нашел пути, чтобы переправить в Советский Союз списки гитлеровцев, получивших обмундирование в интендантском складе города Гатова.

Что касается Ины, которая также принадлежала к шарфенбергской группе, то она присоединилась к ним значительно позже — уже после того, как Ганс Коппи вышел из тюрьмы. Ей шел семнадцатый год, и она была самой молодой в нелегальной организации. В ее внешности было что-то мальчишеское, задорное и озорное. Может быть, потому ее и прозвали Петер.

Ина распространяла подпольные листовки, разбрасывала их в кино, опускала в почтовые ящики частных квартир и поддерживала связь между отдельными группами, входившими в комсомольскую организацию.

Жила она с матерью в берлинском пригороде. Мать была портнихой и обучила дочь своему ремеслу. Ина обладала отличной спортивной фигурой и привлекательной внешностью. Сначала ей поручили вступить в аристократический яхт-клуб, потом она стала манекенщицей в салоне дамских мод «Анна Мария Кайзер».

И вот теперь Ине предстояло доставить в Брюссель важное донесение.

Перед отъездом Ганс принес ей небольшой пакет, дал пароль и назвал брюссельский адрес, заставив повторить его несколько раз. В Брюсселе, отпросившись у фрау Мирке погулять по городу, она пришла на какую-то тихую улицу, нашла нужный дом и позвонила. Дверь открыла черноволосая девушка. Они обменялись паролем, девушка взяла пакет и захлопнула дверь. С легким сердцем Ина вернулась в гостиницу.

Потом ей пришлось с таким же заданием поехать в Голландию... У себя на берлинской квартире она хранила тайный радиопередатчик, прятала одежду парашютиста, прилетевшего из Москвы... Шли опасные будни привлекательной манекенщицы из модного салона «Анна Мария Кайзер».

6

Карл Гиринг, старейший сотрудник берлинской криминальной полиции, страдал тяжелым неизлечимым недугом — раком горла. Это было видно по его землисто-серому цвету лица с пергаментной, прилипшей к челюстям и скулам кожей, по запавшим, горящим сухим блеском глазам. Его острый большой кадык, выпиравший из-под воротника полицейского кителя, когда Гиринг начинал говорить, ходил вверх и вниз, словно поршень, скрытый под дряблой кожей.

Он был приговорен врачами к смерти, старший криминальный советник Гиринг, служивший в полиции еще при кайзере. Гиринг знал свой приговор и все же продолжал работать с каким-то неистовым ожесточением, словно находя удовлетворение в том, что его жертвы могут уйти в могилу прежде, чем он...

Гиринг говорил уже сиплым, надорванным голосом, и единственные лекарства, которые он признавал, были коньяк и крепкий кофе, неизменно стоявшие на его столе. Так посоветовал ему лекарь, точнее знахарь, крутившийся в свите рейхсфюрера Гиммлера среди его приближенных астрологов.

Именно ему, Карлу Гирингу — крупнейшему криминалисту Германии, поручили возглавить оперативную группу, которая должна была обезвредить неуловимую организацию подпольщиков, действующих в тылу Германии.

Помощником Гиринга сделали Вилли Берга, тоже старого криминалиста, перешедшего в гестапо. В отличие от своего долговязого шефа Берг был невысоким коротконогим здоровяком с круглыми мясистыми руками. В группу кроме них входил криминалсоветник Копкоф, специалист по различным подпольным организациям, представители абвера, специалисты по дешифровке и пеленгации — всего человек двадцать. Группа подчинялась начальнику имперской службы безопасности Гейдриху, ближайшему советнику Гитлера по всем делам, связанным с работой антифашистского подполья.

В Берлине неуловимые передатчики то появлялись в эфире, то надолго исчезали. В Брюсселе же станция работала постоянно и каждый день на

какое-то время выходила в эфир. Действовали еще передатчики в Брюгге, в Амстердаме... Гиринг и решил направить усилия своих людей прежде всего на Бельгию. В бельгийской столице действовали по меньшей мере три коротковолновых станции. Установить точно, где они находятся, не удавалось. Вскоре выяснилось одно досадное обстоятельство: новые пеленгаторы, только что изготовленные на фирме «Лёве опта радио», считавшиеся чудом современной техники, врали в своих показаниях, давали отклонение пеленгационного луча на несколько градусов.

Обнаружить дефект удалось случайно — аппараты навели на брюссельскую радиостанцию, и приборы показали, что станция, которая видна отовсюду, расположена будто бы в другом квартале...

А произошло это совсем не случайно. По меньшей мере трое сотрудников экспериментальной военно-исследовательской фирмы «Лёве опта радио» были связаны с группой Харро Шульце-Бойзена... Среди них находился сорокалетний дипломированный инженер доктор технических наук Ганс Генрих Куммеров, работавший в бюро военных изобретений этой фирмы. Еще в предвоенные годы он связал свою судьбу с Советской Россией. Убежденный противник нацизма, он направлял свои усилия, чтобы способствовать освобождению Германии от ненавистного фашистского режима.

Аппараты отправили обратно в Берлин для регулировки. А время шло... В поисках неизвестной станции использовали даже разведывательный самолет «Шторх», который летал над городом, снабженный исправленным пеленгатором. Но и эти полеты не дали результатов. Передатчик, как заколдованный, продолжал работать. На след таинственного «пианиста» группу Гиринга опять же вывела чистая случайность.

На прямой и пустынной улице Атребаты, что проходит вблизи бульвара Сан-Мишель, стоял дом № 101, в котором жили две одинокие молодые девушки. Обе француженки. Их соседи — чопорные богомольные фламандцы стали замечать, что к девушкам часто наведываются мужчины. Быть может, у них под боком притон разврата? — подумали хан-

жествующие святоши.— Если так, пусть девчонки переселяются на Базарную улицу, там это разрешено полицией.

Сосед-фламандец по настоянию жены пришел в полицию, чтобы все это высказать. Полицейский инспектор взял на заметку слова фламандца и решил проверить, чем занимаются молодые француженки. Во время этого разговора в полиции сидели два гестаповца из группы Гиринга. А почему бы, придравшись к этому случаю, не осмотреть весь дом? Ведь где-то здесь работает злополучный передатчик между бульваром Сан-Мишель и улицей Атребаты.

Ночной налет произвел впечатление грома среди ясного неба.

Софи Познаньска и Рита Арнульд уже спали, когда нагрянула полиция. Комната Познаньской не вызывала подозрений — скромная студенческая комната, книги, разложенные на столе. Такое же жилье у Арнульд, только без книг... Но на втором этаже, открыв тяжелую дверь, гестаповцы увидели широкоплечего молодого парня, который торопливо рвал какие-то бумаги. Чиркнув спичкой, он поджег их прямо на полу. Гестаповцы бросились к бумагам, затоптали огонь, сгрудились посредине комнаты. Воспользовавшись возникшей сумятицей, человек попытался бежать. Его настигли уже на улице. Завязалась борьба, здоровяк отбивался, расшвыривал полицейских, но борьба была слишком неравной. Его схватили, заковали в наручники и немедленно отправили в управление гестапо. Это был Камиль.

Софи Познаньска — невысокая черноволосая девушка — держала себя спокойно, а Рита Арнульд, исполнявшая здесь обязанности домашней хозяйки, была перепугана насмерть. Она дрожала и громко плакала. Когда ее повели наверх, она сказала сопровождавшему ее гестаповцу:

— Я знала, что все этим кончится... Я не хотела!.. Они втянули меня в организацию...

В какую организацию? На этот вопрос Арнульд ответить не могла. Но Камиль, Рита не знала его настоящей фамилии, каждый день появлялся здесь, иногда оставался ночевать и часами просиживал у

передатчика вместе с другим радистом, которого называли Карлос. .

Софи Познаньска показала свой паспорт — француженка из Бордо. Но когда она заговорила, гестаповцы поняли, что это не так...

— Какая же ты француженка! — бросил ей полицейский.— Не можешь связать двух слов...

Тогда Познаньска вообще перестала отвечать на вопросы, стояла с окаменевшим лицом. Во время обыска она только раз порывисто метнулась вперед, когда полицейский, отодвинув ее кровать, принялся выстукивать стену. В стене обнаружили тайник. Узенькая дверца, замаскированная под деревянную панель, вела в каморку, заставленную склянками с химическими препаратами. Горел красный свет, как в фотолаборатории, где проявляют пленку, печатают фотографии.

Софи Познаньской было двадцать пять лет. Из Польши она уехала несколько лет назад после смерти родителей. Во Франции ее нашел дядя, брат матери,— единственный родственник, одинокий старик. Он упрашивал Софи остаться жить у него, стать его приемной дочерью. Он богат, очень богат, и все это достанется ей. Софи отказалась. Уехала в Брюссель. Комфортабельной жизни в собственной вилле на Лазурном берегу предпочла работу, полную опасностей и тревог. Она хотела помогать Советской России, которую тоже, как и другие подпольщики, считала своей второй родиной.

И вот Познаньску арестовали...

Захватив обгоревшие листки, испещренные колонками цифр, фотографии и паспорта, криминальный советник покинул дом на улице Атребаты. Близилось утро. В декабре светает поздно, и на улице было совсем темно.

На улице Атребаты команде гестапо удалось захватить еще одного подпольщика — Карлоса. Он попал в засаду на следующее утро, не зная о налете полиции. Но и он молчал, ограничившись только тем, что подтвердил свое имя, названное Ритой Арнульд.

ГЛАВА VI

ДОНЕСЕНИЯ ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

1

И все же налет на улице Атребаты оказался только ударом хлыста по воде...

Гауптштурмфюрер Карл Гиринг долго не понимал, кого же удалось ему захватить на улице Атребаты в Брюсселе. Кто знает, на кого работали эти люди. На англичан? На французское Сопротивление? Или на русских? Можно было думать по-всякому. Девчонка Софи Познаньска, которая, вероятно, знала больше других, покончила в тюрьме самоубийством. Она вскрыла себе вены куском стекла, боясь, что не выдержит пыток. Да, она слишком много знала, чтобы рисковать, и предпочла смерть... Как это за ней недосмотрели.

Радист Камиль не произнес под пытками ни слова. Даже кличку его узнали только через Риту Арнульдь. Это была единственная из всех арестованных, которая соглашалась отвечать на любой вопрос. Но она действительно ничего не знала. Она только готовила обеды, подметала полы, мыла посуду. Ни в какие дела ее не посвящали.

Настоящей фамилии арестованного Камиля так никто и не узнал. И умер он под фамилией русского лейтенанта Давыдова, хотя в Советской России Камиль никогда не бывал. Он назвал себя так, чтобы в гестапо не могли догадаться, кто он такой. Откуда было знать Гирингу, что Камиль избрал себе кличку по имени подпольщика-большевика Камо, про которого так много слышал и который стал для него примером стойкости и отваги.

Родители Камиля давным-давно эмигрировали из Западной Белоруссии, скитались по свету, поселились во Франции. Камиль женился на француженке,

у него была семья, и он участвовал в движении французского Сопротивления.

Фамилию лейтенанта Давыдова Камиль взял себе для того, чтобы играть роль советского человека — самоотверженного, преданного идее. Именно таким он представлял себе русских.

В тюрьме Камиль распевал советские песни, на допросах твердил, что честь советского офицера не позволяет ему нарушить воинскую присягу. О себе Камиль сказал только, что прибыл из Москвы, жил на конспиративной квартире, но участия в разведывательной работе не принимал, находился в резерве. На другие вопросы отвечать отказался. Его избивали, пытали, но он стоял на своем — к людям, арестованным на улице Атребаты, он, Давыдов, отношения не имеет.

От Камиля Гиринг так ничего и не добился. Правда, чтобы набить себе цену, Гиринг распространял версию, будто его люди запеленговали коротковолновую станцию, захватили ее и разгромили подполье в Брюсселе. В бельгийской столице теперь не работал ни один передатчик. Гиринг и словом нигде не упомянул о доносе святоши-фламандца, из-за которого так случайно удалось наткнуться на организацию подпольщиков.

Сначала могло показаться, что криминальный советник прав, утверждая, будто с бельгийскими «пианистами» покончено. Из Брюсселя никто больше не выходил в эфир. Станция радиоперехвата в Кранце нигде больше не отмечала работы коротковолновой установки с позывными «Пз-Тз-Икс». Разве эти сообщения из Кранца не подтверждали, что Карл Гиринг добился цели?..

Но торжество Гиринга продолжалось недолго. Передатчики вновь стали появляться то в одном, то в другом месте. Они работали на разных частотах, имели различные позывные, которые менялись чуть не каждый день, так же как и длина волн, на которых шли передачи.

Антифашистское подполье Берлина продолжало работать. А через несколько месяцев после налета на улице Атребаты снова заговорил Брюссель. Пришлось все начинать сначала.

Снова вернулись к полуобгорелым листкам шифрограмм, что захватили в Брюсселе. Дешифровщики из функ-абвера заподозрили, что «пианисты» пользовались в качестве ключа какими-то книгами. Но как найти эти книги? Гиринг долго ломал голову и снова начал расспрашивать Риту Арнульд. Она косвенно подтвердила родившуюся догадку: Познаньска постоянно читала какие-то книги. Они обычно лежали на ее рабочем столе. Когда Познаньска садилась за книги, она запиралась в своей комнате, делала какие-то записи. Но что за книги она читала, Рита не знала. Одну из них она хотела однажды взять почитать, но Познаньска не разрешила. Называлась книга «Чудо профессора...». Фамилию этого профессора Арнульд не могла припомнить. Вот если бы она увидела эту книгу, она бы сразу ее узнала.

Гиринг послал своих людей на улицу Атребаты, приказав собрать там все книги. Его ждало еще одно разочарование: никаких книг не оказалось.

Засаду в доме № 101 по улице Атребаты держали несколько дней. В квартиру больше никто не заходил, и оставлять дольше западню не имело смысла. Гестаповцы покинули дом на Атребаты. Домовладелец рассказал, что недели через две, после того как опустела квартира, к нему пришли двое неизвестных в рабочей одежде и сказали, что им приказано забрать из квартиры все книги. Хозяин сам проводил их в дом. Рабочие погрузили книги на тачку и увезли. Кто они, он не спросил. Если бы они брали какие-то ценные вещи, другое дело. А то — старые книги... Кому они нужны!..

След, на который вышли гестаповцы, снова был потерян.

В берлинском пригороде Рудов, на Вокзальной улице под номером восемнадцать, стоял маленький дачный домик, принадлежавший братьям Грабовски. Зимой в нем обычно никто не жил. Но перед войной в домике поселился дальний родственник братьев — наборщик Грассе. Он безвыездно стал жить в поселке Рудов и зимой и летом. Наборщик жил замкнуто, с соседями не общался. Иногда только к нему наведывались знакомые. Чаще всего это были Йон Зиг

и Вильгельм Гуддорф, два антифашиста-подпольщика.

Вильгельм Гуддорф, журналист-международник, знал почти все европейские языки. Вместе с Зигом, который в прошлом был одним из редакторов коммунистической газеты «Ди роте фане», Гуддорф организовал подпольную типографию, в которой печатались листовки, брошюры и даже двухнедельный журнал «Иннере фронт». Журнал переводили на пять языков и распространяли среди иностранных рабочих. Оба они были связаны с группой Шульце-Бойзена.

Пожалуй, точнее всего руководители антифашистского подполья высказали свои взгляды в маленькой брошюрке, отпечатанной на Вокзальной улице в Рудове. В ней было сказано:

«Министр Геббельс напрасно хочет пустить нам пыль в глаза. Факты говорят суровым, предостерегающим языком. Обманут будет лишь тот, кто слишком слаб, чтобы познать истину. Останется бездеятельным лишь тот, кто слишком инертен, чтобы искать правду. Но тот, кто сознает свою национальную ответственность, должен видеть факты: окончательная победа национал-социалистской Германии невозможна. Продолжение войны поведет лишь к новым страданиям и жертвам. Каждый день войны увеличивает счет, по которому в конце концов придется платить всем нам...

Что нас ждет? Уже сегодня можно дать ясный ответ на вопрос о будущем нашей страны. Германии требуется правительство, опирающееся на те слои, которые способны и в силах проводить немецкую политику. Разумеется, речь идет не о тех, кто привел Гитлера к власти и кто богатеет благодаря существующему режиму. Речь идет прежде всего о тех немецких солдатах, которым благо народа дороже, чем долг отстаивать существование государства и вермахта в их нынешней форме. Речь идет о тех трудящихся города и деревни, которые сознают свою историческую миссию и готовы посвятить жизнь служению нации, о той обескровленной гитлеровским режимом интеллигенции, которая готова добиться прогресса революционным путем».

Так думали представители немецкой интеллигенции, «обескровленной гитлеровским режимом», они же солдаты невидимого фронта, для которых благо народа Германии было превыше, дороже «существования государства и вермахта в их нынешней форме». Они писали это в 1942 году. В сорок втором году, когда был особенно силен нацистский угар в Германии.

В подпольных изданиях писали многие. Тот же Йон Зиг писал о доктринах Клаузевица, связывая их с обстановкой на фронте. Харнак излагал свои взгляды о нацизме, Шульце-Бойзен писал об уроках вторжения Наполеона в Россию, поэт Адам Кукхоф обращался к немецкой интеллигенции с посланием, которое начиналось словами:

«Не участвуйте в войне против России!»

Они защищали Россию от клеветы, видя в ней страну надежды, борющуюся против германского фашизма.

Летом 1942 года в Люстгартене, в самом центре Берлина, министерство пропаганды Геббельса устроило крикливую выставку под названием «Советский рай». Организаторы выставки делали все, чтобы подтвердить измышления Геббельса о России. Газеты создали рекламу нацистской выставке, но через несколько дней Берлин заговорил о другом: в разных районах города появились нелегальные листовки. Стены домов запестрели надписями:

«Война, голод, ложь, гестапо!
Постоянная выставка фашистского рая!
Как долго это будет продолжаться?!»

В гестапо на Принц-Альбрехтштрассе листовки эти вызвали недоумение, ярость. Откуда они берутся?! Вслед пришло новое сообщение — той же ночью неизвестные хотели поджечь выставку в Люстгартене... Виновных не обнаружили. В гестапо пока еще не знали, что листовки, так же как и попытка сжечь выставку, имели прямое отношение к таинственным радиограммам, уходившим каждую ночь в эфир. Авторами листовок и шифрограмм были одни и те же люди.

Накануне того дня, когда в имперском управлении тайной полиции поднялся переполох, пачки нелегальных листовок доставили тайно в Берлин. Той же ночью группы подпольщиков вышли на улицы с тюбиками клея и бумажными свертками. Среди них был и Харро Шульце-Бойзен, одетый в форму офицера военно-воздушных сил. С пистолетом в руке он расхаживал по ночным улицам, охраняя товарищей, которые торопливо расклеивали на стенах плакаты.

А поджог выставки готовил студент Герберт Баум, взяв себе в помощь нескольких товарищей из Берлинского университета.

Шел уже второй год войны на востоке. Через линию фронта в Москву продолжали лететь донесения, предназначенные для советского военного командования. Шифровальщики в Москве разбирали сложные группы цифр, раскрывая содержание депеш, направленных из Берлина. Они словно распечатывали секретные пакеты, прошитые и снабженные сургучными печатями.

За минувший год из Берлина или через Брюссель поступили сотни различных донесений. Среди них были сообщения о подготовке германской армии к химической войне, передавали о составе новых отравляющих веществ, над которыми в нацистских лабораториях колдовали немецкие алхимики смерти, сообщали даже формулы боевых отравляющих веществ... Коротковолновые станции передавали о германских кораблях, уходивших на перехват северных караванов союзников, которые везли в Мурманск военные грузы, предназначенные для Советского Союза.

В шифровках говорилось о расположении немецких аэродромов, военных штабов, фронтовых складов, о перебросках германских войск, об истинных потерях на восточном фронте, производстве искусственного бензина, разногласиях среди гитлеровских генералов, первых сомнениях в успехе войны с Советским Союзом... Через фронт уходила информация, касавшаяся самых различных сторон войны, политики, экономического положения гитлеровской Германии:

«Источник Пьер. Численный состав Люфтваффе

превышает миллион человек, включая личный состав наземного обслуживания...»

«Источник Берлин. Среди высших офицеров есть настроения, что на востоке тотальной победы завоевать невозможно. Идея блицкрига провалилась. Существуют настроения повлиять на Гитлера, чтобы вступить в переговоры с Англией. Отдельные генералы, близкие к руководству войной, полагают, что кампания на востоке может продлиться тридцать месяцев. Они рассчитывают только на компромиссный мир».

«Источник Коллет. Прибывший из Рима офицер передает о нарастающих противоречиях между итальянской армией и фашистской партией Муссолини. Произошли серьезные инциденты в Риме и Вероне. Возможность переворота не исключена, но не в ближайшее время. Германские войска сосредоточиваются в районе Мюнхен — Инсбрук на случай возможного вторжения в Италию».

«Источник Нинетта. В болгарских портах идет погрузка германских войск для операции «Кавказ»»...

Летом того же сорок второго года из Франции на восточный фронт прибыла немецкая 23-я танковая дивизия «Эйфель-турм» — Эйфелева башня. Форму танкистов украшали эмблемы — силуэт знаменитой башни. Такие же эмблемы были выведены на бортах боевых машин. Дивизию предназначили для наступления на юге России. Но едва дивизия заняла исходное положение, как той же ночью танкисты услышали ошеломившую их радиопередачу. Мощные громкоговорящие русские установки гремели в ночи:

«Гренадеры двадцать третьей танковой дивизии «Эйфель-турм»! Ваша красивая жизнь во Франции кончилась! В этом вы убедитесь сами... Сегодня на рассвете вы должны атаковать Оскол. Мы знаем об этом. Не рассчитывайте нас окружить. Экономьте бензин и свои пайки. Они вам пригодятся. Скоро вы сами будете в окружении и пожалеете о том, что пришли в Россию. Самыми счастливыми из вас окажутся те, кто сохранил последний патрон в пистолете, чтобы пустить себе пулю в висок... Вы проклянете своих офицеров, которые послушались приказов фельдмаршала Кейтеля...»

Русские знают о готовящемся наступлении! Откуда?.. Как это могло произойти? Вероятно, русские узнали о наступлении из документов, захваченных у майора Райхеля. Офицер связи Райхель вместо штаба танковой дивизии попал в плен к русским. Он летел на «Шторхе», и его сбили над передним краем. Войскам приказали немедленно отбить упавший самолет, но ничего не получилось.

Вскоре начальнику генерального штаба немецких вооруженных сил пришлось, однако, отказаться от предположения, что русские узнали о наступлении через плененного ими майора Райхеля.

2

Гауптштурмфюрер Карл Гиринг снова поехал в Бельгию. Поехал как на охоту во главе полицейских ищеек, уже принимавших участие в налете на улице Атребаты.

Особая группа отбыла в Брюссель в двадцатых числах июня. Время отъезда выбрали не случайно. Впрочем, Карлу Гирингу об этом ничего не было известно, все решали в ставке Гитлера.

Криминалиста вызвал рейхсфюрер Гиммлер и сказал: «До конца месяца с «пианистами» должно быть покончено. Иначе...— Гиммлер холодно посмотрел сквозь пенсне на Гиринга. От такого взгляда всем становилось не по себе.— Иначе,— добавил он,— всю команду ожидает концлагерь. Так сказал фюрер. Передайте это своим подчиненным».

На восточном фронте со дня на день должна была начинаться операция «Бляу» (Синяя) — летнее наступление на юге России. На южном участке фронта, от Таганрога до Курска, сосредоточили восемь армий, укомплектованных по штатам военного времени и оснащенных новой техникой. Из них было пять германских и три принадлежали Италии, Румынии и Венгрии. Всего насчитывалось девяносто дивизий по 14—15 тысяч штыков...

В прошлом году наступление пришлось отложить на весну: помешали затянувшиеся бои в Подмосковье. Затем русские упредили подготовленный удар и

сами перешли в наступление под Харьковом. Хотя советское наступление и не увенчалось успехом, но отвлекло значительные силы. Пришлось еще раз отложить операцию «Бляу». Гитлер негодовал, требовал ускорить перегруппировку войск. Русские не должны ничего знать.

Оперативные приказы передавать только устно! За нарушение приказа — смертная казнь! Гестапо и абвер головой отвечали за сохранение тайны. Поэтому и отправили Гиринга в Брюссель, чтобы покончить там с агентурой противника. Но над южным участком восточного фронта будто тяготел злой рок...

Подпольные коротковолновые станции напоминали Гирингу сверчков — хаусгриле. Стукнешь рядом — умолкнут, потом тут же начинают снова точить мозги, раздражающе стрекочут морзянкой среди ночи. Пока Гирингу удалось установить только одно: «пианисты» работают на Советы.

В Брюсселе машины с пеленгационными установками две ночи подряд ездили по ночным улицам. Наконец засекли — основной передатчик находится за Рюпель-каналом. Доставили пеленгаторы, но, как назло, рядом проходила электрическая железная дорога. Разряды создавали неустранимые помехи, поиск отложили еще на сутки.

Наконец-то удалось выяснить — передатчик скрыт в доме, что стоит рядом с дровяным складом. Операцию назначили на следующую ночь.

Гиринг предусмотрел все, вплоть до шерстяных фламандских носков, которые он приказал полицейским натянуть поверх сапог, чтобы не было слышно топота на мостовой и тротуарах. К выполнению операции привлекли курсантов-летчиков из соседней авиашколы. Район оцепили. Отряд гестаповцев укрылся в дровяном складе.

Ночь была лунная, и это тоже тревожило криминального советника. Его теперь все тревожило — кому охота из-за провала загреметь в концентрационный лагерь! Было за полночь, когда несколько жандармов проникли в дом и заняли первый этаж. Жильцов нижней квартиры держали под арестом. Ждали еще часа полтора. Потом бесшумно поднялись на лестничные площадки и начали обыск в квартирах. Ничего

подозрительного не обнаружили. Тут кто-то крикнул с чердака:

— Он здесь, он здесь!.. Идите сюда!

Все бросились наверх. Гиринг, тяжело задыхаясь, поднялся следом. На чердаке под самой крышей стоял передатчик. Вокруг разбросаны кипы бумаг, почтовые открытки, рядом с передатчиком — башмаки радиста, но его самого не было.

— Проворонили! — зло сказал Гиринг и заглянул в люк, выходивший на крышу. Оттуда раздался выстрел. Пуля разбила черепицу и впилась в балку. Началась погоня. Человек с револьвером в руке уходил по коньку, при луне он был хорошо виден. С улицы в него начали стрелять. Гиринг истошно закричал:

— Не стрелять! Не стрелять!.. Его надо взять только живым!

Человек, отстреливаясь, добежал до конца крыши и куда-то исчез. Переворошили весь дом. Наконец радиста обнаружили в подвале соседнего подъезда, скрутили ему руки и привели. Его отправили в тюрьму, а криминал-советник Гиринг, забрав все документы, поехал в гестапо. Он был так измучен бессонной ночью, что едва стоял на ногах. Гиринг тут же связался с Берлином, просил уточнить личность арестованного. Через полчаса с Принц-Альбрехтштрассе позвонили в Брюссель. Там уже успели по картотеке навести справки об арестованном радисте. Из Берлина приказали немедля доставить арестованного в главное управление имперской безопасности. Спросили о документах, Гиринг пока ничего не мог сказать — только начинает в них разбираться. Несмотря на усталость, Гиринг принялся за документы.

То, что увидел криминальный советник, повергло его в трепет. Среди страниц, исписанных колонками цифр, среди почтовых открыток, полученных из разных городов, вероятно тоже хранивших какие-то секретные данные, лежали две незашифрованные радиограммы... Гиринг ужаснулся прочитанному и решил немедленно ехать в Берлин. В депеше подробно излагался план операции «Бляу» — операции по захвату Кавказа и Сталинграда...

Перед отъездом Гиринг еще раз позвонил в Берлин, сообщил, что арестованный отправлен под

надежной охраной, и доложил о находке. Ему не поверили — этого не может быть! Гиринг сказал, что немедленно выезжает сам в управление для личного доклада.

Всю дорогу он поторапливал шофера и не выпускал из рук папку с захваченными документами. Позади него в машине сидели два вооруженных гестаповца, взятых Гирингом для охраны. Во второй половине дня, совершив почти тысячекилометровое путешествие, криминал-советник Карл Гиринг прибыл в Берлин и приказал шоферу сразу ехать на Крипицштрассе в управление абвера.

Дежурный офицер спросил, по какому вопросу прибыл господин гауптштурмфюрер. Гиринг ответил, что об этом может доложить только лично генералу фон Бентивеньи. После коротких пререканий офицер все же доложил начальнику, и гестаповец вошел в кабинет начальника контрразведки абвера. Он раскрыл перед генералом папку и доложил:

— Эта депеша захвачена сегодня ночью в Брюсселе при аресте советского радиста.

Начальник контрразведки генерал Франц фон Бентивеньи, нахмурившись, принялся читать незашифрованную радиограмму. Вдруг он вскочил, будучи не в силах побороть охватившее его волнение.

— Этого не может быть! — воскликнул он.— Это бедствие!

Карл Гиринг уже не первый раз слышал сегодня такую фразу: не может быть! Но это было, есть — листок бумаги, исписанный неровным, торопливым почерком и очень ясными короткими фразами. Злополучный листок подтверждал, что разведчики противника проникли в самые сокровенные тайны высшего командования. Генерал закрыл дрожащими руками папку и угасшим голосом произнес:

— Идите со мной... Я немедленно доложу фельдмаршалу Кейтелю.

Начальник штаба верховного командования Кейтель, прочитав незашифрованную депешу, тоже был поражен как ударом молнии. В депеше излагался план кавказской операции, хотя она только, только что начиналась. Было от чего остолбенеть! В другой радиограмме говорилось о состоянии германской во-

енной промышленности, о выпуске танков и самолетов, содержались другие совершенно секретные военные сведения.

«Не может быть! — подумал Кейтель.— Как теперь докладывать фюреру?!»...

— Можете быть свободны,— бросил он стоявшему перед ним высокому гестаповцу со страшным лицом покойника и хриплым голосом — такому только и докладывать о постигшем несчастье.— Папку я оставлю у себя, вы ее получите позже...

Документы, захваченные в Брюсселе, вызывали тревогу за успех летнего наступления на восточном фронте. Русским известны стратегические планы верховного командования! Фельдмаршал Кейтель склонялся к тому, чтобы отложить наступление, изменить направление удара. Командующий 6-й армией, недавний замначштаба верховного командования фон Паулюс, возражал: наступление уже началось, русские не успеют ничего предпринять. Доложили Гитлеру. Он смотрел остановившимися глазами на Кейтеля, вскочил, ударил по столу кулаком, забегал по кабинету. Он был вне себя: его предали, что делает абвер, имперская безопасность, где контрразведка?! Припадок ярости продолжался недолго, Гитлер остывал так же быстро, как и взрывался. Он остановился посреди кабинета, резко повернулся к Кейтелю.

— Наступление продолжать! Не давать русским опомниться! И немедленно доложить мне, что в конце концов происходит!..

Потом он вернулся на свое место, положил на стол локти, стиснул рукой подбородок.

— Большевики превосходят нас,— сказал он,— в разведке. Примите меры. Если обычные военные трибуналы неспособны бороться с предательством, я найду средство воздействовать другим оружием. Я не потерплю,— Гитлер снова сорвался на визг,— чтобы мне помешали победоносно закончить войну с большевиками! О действиях противника в нашем тылу докладывать мне как о выполнении военных операций...

Гитлер встал и, не сказав больше ни слова, вышел из кабинета. Разговор происходил в Растенбурге, в

его подземной ставке, сооруженной в непроходимой глуши, среди Мазурских болот.

Через несколько лет, уже после войны, начальник шестого отдела управления имперской безопасности Вальтер фон Шелленберг писал в своих мемуарах:

«Гитлер снова и снова возвращался к нашей работе в контрразведке, постоянно спрашивал, требовал отчета. Он говорил, что русская секретная служба более действенна, чем английская или любой другой страны. Он отдал приказ сосредоточить все силы на борьбе с советской разведкой, которая с невероятной быстротой распространяется в Германии и на оккупированных территориях.

В мае сорок второго года, после убийства Гейдриха, Гиммлер сам занял его место по наблюдению и расследованию действий «Красной капеллы». Вскоре обстановка накалилась, отношения между Гиммлером и начальником гестапо Мюллером стали крайне напряженными. Мюллер, который был намного старше меня, отлично оценивал ситуацию. Обычно, когда ему нужно было докладывать по какому-то щекотливому вопросу, он просил меня сделать это от его имени. Однажды он сказал мне: «Я предпочитаю вашу голову моей, баварской...»

В июле 1942 года Гиммлер потребовал от нас представить доклад, который мы с Мюллером должны были подготовить для ставки главного командования, о «Красной капелле». В нашем распоряжении оставалось всего несколько часов, чтобы подготовить доклад. Когда мы встретились, Мюллер начал убеждать меня, что мои доклады о «Красной капелле» очень ценны, что собранные документы подтверждают мои обширные знания в области русской разведки... Свои льстивые слова Мюллер закончил тем, что попросил меня одного пойти к рейхсфюреру Гиммлеру и представить доклад от нас двоих. Я возражал, ссылался, что отвечаю максимум только за одну треть подготовленного доклада, говорил, что лучше докладывать Гиммлеру вместе.

«Нет,— сказал он,— вас он послушает, а со мной дело будет хуже».

Тогда я еще не отдавал себе отчета, почему Мюллер так ведет себя в этом деле. Я подумывал, что Мюллер намерен отойти от вопросов, связанных с борьбой против советской разведки.

Когда я прибыл в ставку главного командования, я был удивлен, что Гиммлер пригласил также и начальника абвера адмирала Канариса. Тем же вечером Гиммлер намеревался обсудить это дело с Гитлером и хотел иметь нас троих под рукой, чтобы мы могли ответить на любой вопрос фюрера, но Мюллер не явился.

Гиммлер был в плохом настроении. Возможно, он понимал, что начальник гестапо Мюллер избегает встречаться с ним. Он пробежал первые строки доклада и криво усмехнулся. Затем очень грубо стал критиковать доклад.

«Кто отвечает за этот документ,— спросил он,— вы или Мюллер?»

Я ответил, что мы работали вместе.

«Отлично вижу манеру Мюллера принижать работу других и выпячивать собственную роль,— воскликнул Гиммлер.— Отвратительная привычка. Можете передать это Мюллеру».

Гиммлер тут же попросил Канариса представить все материалы, касающиеся роли функ-абвера во всем этом деле.

Потом он пошел на доклад к Гитлеру. Фюрер так расстроился докладом, который раскрывал громадные масштабы разведки противника, что не пожелал больше никого видеть — ни меня, ни Канариса».

Криминальный советник Гиринг не знал о событиях, разыгравшихся в ставке Гитлера после того, как Кейтель получил папку с брюссельскими документами. Гиринг не знал об истерических криках Гитлера, растерянных оправданиях Гиммлера и услужливом поддакивании Кейтеля... Но все это отразилось на криминальном советнике. Гиммлер снова вызвал его, снова грозил концлагерем, если тот не примет надлежащих мер, если то, если другое...

В душе Гиринга сливались и противостояли два чувства: тщеславие и страх. Его бросало то в жар,

то в холод. Криминальный советник считал, что сделал большое дело, захватив документы брюссельского «пианиста». За это его похвалили, обещали награды... Он был счастлив и горд, а теперь снова грозят концлагерем. Казалось бы, чего робеть человеку, приговоренному к неизбежному концу тяжелым и прогрессирующим недугом. Но Гиринг боялся. Кто-кто, а он то уж знал, что жить в концлагере куда страшнее, чем умирать от иссушающей болезни...

Оперативную группу подкрепили новыми людьми, привлекли новых специалистов. Это были прежде всего криминальные советники полиции Копкоф, Панцингер и Паннвиц, люди многоопытные, не уступавшие в сыске Гирингу. Для общего руководства Гитлер приказал создать особый штаб, облеченный неограниченной властью. В него вошли начальник абвера адмирал Канарис, начальник его контрразведки генерал фон Бентивеньи, генерал Тиле, руководитель отдела дешифровки из функ-абвера, начальник гестапо Мюллер и еще Вальтер фон Шелленберг, который возглавлял контрразведку в управлении имперской безопасности.

Контроль, наблюдение, а стало быть, и полную ответственность за исполнением приказа Гитлер возложил на рейхсфюрера Гиммлера. В борьбу вступала тяжелая артиллерия главных калибров нацистской Германии...

Теперь центр тяжести операции по борьбе с советскими разведчиками переместился в функ-абвер, в отдел дешифровки перехваченных радиограмм. Над непонятными текстами трудились десятки специалистов, математиков, филологов, знавших в совершенстве иностранные языки. Они корпели часами, работали до головной боли, и все без толку. Шифры не поддавались.

Выяснилось, что каждый радист имел свой особый шифр, совсем непохожий на те, которыми пользовались другие «пианисты». Они постоянно меняли позывные — в эфир выходили то «Пэ-Тэ-Икс», то «Ка-Эл-Эс», то слышались какие-то иные трехзначные сочетания букв, которыми радисты пользовались тоже по определенной и нераскрываемой системе. А длина волн менялась по нескольку раз в продол-

жение одной и той же передачи. «Пианист» вызывал свой Центр на одной волне, передавал на другой, а задания получал на третьей...

Полицейский криминалист Карл Гиринг ходил будто по острию ножа, не зная, где судьба вознесет его, где сбросит в пропасть. Он понятия не имел о принципах дешифровки, но чувствовал, что надо делать. Прежде всего нужно собрать все, что за долгое время удалось подслушать и записать станциям перехвата. И он начал это делать по собственной инициативе, но пришел в ужас, когда узнал, что радиограммы, перехваченные еще год назад,.. уничтожены. Их долго хранили, а потом выбросили как ненужный хлам, как макулатуру. Этого еще недоставало!

А генерал Тиле уже сам требовал доставить ему старые радиоперехваты. Для него они были сырьем, может быть, даже пустой породой, из которой его ученые-старатели попробуют добыть золотые крупицы. Он начинал покрикивать на криминального советника, будто Карл Гиринг сам занимался радиоперехватами. Но что он мог сделать? Куда Гиринг ни посылал своих людей, те возвращались с пустыми руками. В Брюсселе депеши просто выбросили за ненадобностью, а на станциях радиоперехвата архивы хранили тоже всего-навсего три месяца... Только случайно в Готеборге обнаружили двенадцать радиограмм, остальные использовали на обертку или превратили в туалетную бумагу... На острове Лангеланн в Дании вообще ничего не оказалось. Кто-то вспомнил, что старые копии отправили в Штутгарт, в школу дешифровальщиков, для практики курсантам, для демонстрации радиограмм, недоступных расшифровке. Конечно, бросились в Штутгарт и там нашли еще несколько листков, испещренных пятизначными группами цифр...

В Ганновере вообще ничего не нашли, и только на станции радиоперехвата в Кранце гестаповцам сопутствовала хоть какая-то удача. Начальник станции сказал, что в подвале среди мешков с бумажной макулатурой, возможно, кое-что сохранилось. Агенты гестапо копались в мешках, как мусорщики. После долгих поисков нашли около трехсот нерасшифро-

ванных депеш. Конечно, это была малая доля того, что когда-то было записано при радиоперехвате, но триста телеграмм уже что-то значили...

Добычу привезли в Берлин. Оказалось, что из трехсот радиограмм десятка два депеш было зашифровано с помощью книги, про которую говорила Рита Арнульд,— «Чудо профессора Вольмара». Книгу удалось найти. Для этого обшарили все библиотеки. Она оказалась редкой, никогда не поступавшей в продажу,— ее напечатали как приложение к журналу, давно прекратившему свое существование. Находка книги послужила тонкой и непрочной ниточкой в дальнейших поисках. Как узнать, какими страницами, строчками детективного романа пользовались разведчики? Гестаповцы так и не смогли дознаться, что книга «Чудо профессора Вольмара» была далеко не единственная, служившая ключом к шифру. Одни радиограммы шифровали с помощью романа Бальзака «Тридцатилетняя женщина», для других пользовались пьесой Адама Кукхофа о Тиле Уленшпигеле; Ламме Гудзак и очаровательная француженка Жюли д'Эглемон — герои классических произведений — сохраняли тайны радистов.

В стремлении раскрыть тайну шифрованных донесений участвовали не только ученые мужи, знатоки теории средних чисел, лингвисты-криптографы, языковеды. Им помогали другие «специалисты» — мастера пыток, умевшие выколачивать признания от людей, попавших к ним в руки. «У меня заговорит камень, если его прокалить на огне»,— хвастливо говорил один. Другой вторил ему: «Семьдесят килограммов живого мяса, прошедшие через мои руки,— это уже не человек, он не соображает, что рассказывает мне правду...»

Через шесть недель непрестанных пыток радист, арестованный в Брюсселе, превратился в такой кусок окровавленного мяса. Он заговорил, назвал свою кличку — Профессор, хотя его кличка в первый же день ареста была уже известна в гестапо из полицейских архивов. Для следователя было важно другое — арестованный заговорил. Казалось, он сломлен и готов делать все, что ему прикажут. Радист согласился даже передать фальшивое донесение в Москву под

диктовку агентов гестапо. Но он знал только свой шифр, с которым начал работать не так давно.

Его увезли обратно в Брюссель, поселили в той же квартире, где жил, дали тот же передатчик и заставили послать в эфир ложную радиограмму. Радиоперехват фальшивой шифровки сверили с оригиналом — все было правильно. Из Центра даже пришел ответ — в Москве интересовались, почему радист так долго молчал, не откликался на вызов. Но опытнейший радист, действительно профессор своего дела, обучивший многих «пианистов», нашел возможность в первой же радиограмме передать условный сигнал тревоги. В Центре сигнал приняли и сделали вид, что игру немецкой разведки принимают за чистую монету.

Это продолжалось долго, многие месяцы. Профессор вошел в доверие, он продолжал играть роль сломленного человека.

3

Писатель Гюнтер Вайзенборн работал в берлинском радиоцентре. Шел первый год войны на востоке, и Геббельс упражнялся в измышлениях о фантастических потерях Красной Армии. Однажды, просматривая материалы, Вайзенборн прочитал нелепую информацию, полученную из министерства пропаганды. Как всегда, ссылаясь на «достоверные источники», ведомство Геббельса сообщало: на восточном фронте погибло... тридцать две тысячи советских врачей, Красная Армия осталась без медицинского персонала, раненых лечить некому, в военных госпиталях катастрофическое положение...

«Какая нелепая и абсурдная выдумка! Тридцать две тысячи! Это без малого три полных дивизии! Три дивизии погибших врачей. Вот чушь-то!» — усмехнулся Вайзенборн. Он улыбнулся собственной озорной мысли: а почему бы не поддержать доктора Геббельса в его лжи?.. И вот вместо тридцати двух тысяч появилась другая цифра — триста двадцать тысяч! Добавился всего один ноль... Пусть будет не

три, а тридцать три дивизии советских врачей, уничтоженных на востоке. Врать так врать, как учит доктор Геббельс.

Гюнтер продиктовал информацию, и она ушла в эфир. Скандал разразился в тот же день. Даже самые тупые немецкие обыватели поняли, что им втирают очки. А московское и британское радио не преминули использовать возможность поиздеваться над Геббельсом.

Для Гюнтера Вайзенборна его проделка обошлась благополучно: сослались на чью-то невнимательность,— оригинал информации он предусмотрительно уничтожил.

Именно об этой смешной истории зашла речь в веселой компании, собравшейся душным июльским вечером на Альтенбургаллее в особняке Шульце-Бойзенов. Было еще светло, и гости расположились на открытой веранде, выходившей окнами во фруктовый сад.

Идея вечера принадлежала выдумщице Либертас. Она и предложила устроить встречу под видом веселого маскарада.

Когда стемнело, гости перешли в дом, задрапировали окна, чтобы свет не просачивался наружу. Ночные патрули, бродившие по улицам, строго следили за комендантским приказом о затемнении города. Британские самолеты теперь постоянно совершали налеты на германскую столицу.

На месте разрушенных зданий в Берлине все чаще появлялись глухие заборы с надписью: «Строительные работы». По этому поводу Хорст Хайльманн, самый молодой из компании, собравшейся в доме на Альтенбургаллее, сказал:

— А вы знаете, что я сегодня видел? На Унтер ден Линден, рядом с университетом, загородили новые развалины и на заборе сделали надпись: «Ведутся строительные работы»... Кто-то дописал большими буквами: «Производитель работ Уинстон Черчилль»... Настоящее эрзац-строительство!

Все рассмеялись. Хайльманн едва ли знал, что такие надписи делал по ночам кто-то из собравшихся здесь, на Альтенбургаллее. Улучив удобную минуту, Хорст сказал Шульце-Бойзену:

— У нас в функ-абвере горячая пора. Нашли какие-то шифрованные радиограммы. Весь отдел с утра до вечера занимается их расшифровкой.

— Ну и что? — спросил Харро.

— Не знаю... Пока результатов не видно.

— Им придется расшифровывать до конца войны,— беззаботно ответил Шульце-Бойзен.— Но все же скажи, если будут какие-то новости.

Среди гостей, собравшихся в тот вечер на Альтенбургаллее, было много участников берлинского подполья. Ради того они и собрались на веселый маскарадный вечер, чтобы кое о чем поговорить. Именно этот вечер и попытался позже использовать прокурор Редер, чтобы ханжески обвинить подпольщиков в «аморальности» и прочих смертных грехах.

Гости и сам хозяин не могли себе представить, какая угроза нависла над ними в тот вечер. Теперь уже невозможно сказать, за кем из гостей увязался «хвост». Под видом ночного патруля, наблюдавшего за светомаскировкой, агенты гестапо разгуливали по улице, не упуская из виду дом, который привлек их внимание. Они крутились вблизи, заглядывали во дворы, в сады, окружавшие грюнвальдские особняки.

В одиннадцать часов вечера начальник такого «патруля» позвонил криминал-советнику Панцингеру, который в тот вечер дежурил по управлению. Осведомитель доложил, что человек, за которым велось наблюдение, пришел на Альтенбургаллее, к дому офицера военно-воздушных сил Харро Шульце-Бойзена. Это установлено точно. В доме собралось много гостей, и, если нужно установить за ними слежку, требуется подкрепление. Панцингер распорядился продолжать наблюдение и просил еще раз позвонить ему через полчаса.

За это время Панцингер хотел познакомиться с секретным досье на Харро Шульце-Бойзена, если такое существует в архиве гестапо. Сыскное дело в германском рейхе было поставлено на широкую ногу. Осведомительная картотека содержала сотни и сотни тысяч фамилий «подозрительных» немцев. Через несколько минут Ганс Панцингер держал в руках карточку на Харро Шульце-Бойзена. Он даже присвистнул от удивления. С одной стороны в карточке

значилось, что Х. Шульце-Бойзен — потомок знаменитого адмирала фон Тирпица, что ему протежирует сам рейхсмаршал Геринг, но несколькими строками ниже было сказано, что десять лет назад Шульце-Бойзен был арестован гестапо по обвинению в антинацистской деятельности. Освободили его по распоряжению все того же Геринга. Здесь было над чем призадуматься... Вступать в конфликт с рейхсмаршалом Панцингер никак не хотел, можно свернуть себе шею, но... И криминальный советник решил пойти на риск. Он даст указание наблюдать за всеми, кто собрался в особняке Шульце-Бойзена. Если надзор не принесет результатов, приказ можно сохранить в тайне, господин Геринг ничего не узнает.

Когда осведомитель снова позвонил, Панцингер передал ему, что группа секретных агентов уже выехала. Они вскоре должны прибыть на место.

Через несколько дней после вечеринки на Альтенбург-аллее сотрудник функ-абвера Хорст Хайльманн узнал, какая опасность грозит его другу Харро,— расшифрованные радиограммы касались работы группы Шульце-Бойзена. Хайльманн позвонил по телефону Харро, но не застал его дома. К телефону подошла экономка. Хорст оставил телефон и просил, чтобы Харро немедленно позвонил ему на работу. Звонка не последовало: в тот вечер Шульце-Бойзен поздно вернулся домой. Экономка запамятовала фамилию Хайльманна, записала только номер его телефона. Харро позвонил утром следующего дня.

— Говорит Шульце-Бойзен,— сказал он.— Меня просили позвонить по этому телефону...

Начальник группы дешифровщиков Фаук сидел над опостылевшей шифрограммой, обалдевший, утомленный бессонными ночами. Он снял трубку. Для подпольщиков в тот день все складывалось до нелепости трагично. Накануне отдел, где работал Хайльманн, переселился на другой этаж. Поэтому работал только один телефон, другие не успели еще подключить. Трубку взял начальник группы дешифровщиков доктор математических наук Фаук. В расшифровке радиограмм он применял сложнейшие расчеты. После бессонной ночи он сразу не сообразил, почему звонит ему Шульце-Бойзен. Все мысли были

сосредоточены именно на этой фамилии, и вдруг — звонок! Подчиняясь своим мыслям, Фаук спросил:

— Скажите, как правильно пишется ваша фамилия, через «игрек» или просто «и»... Скажите по буквам...

— Ну, конечно, через «игрек»... Шульце-Бойзен,— раздельно произнес Харро и повесил трубку. Он не понял, почему говорившего с ним заинтересовало написание его фамилии.

А Фаук, поняв, какую промашку допустил, сразу позвонил в управление имперской безопасности.

Харро Шульце-Бойзена арестовали 30 августа 1942 года на работе в министерстве военно-воздушного флота.

Хорст Хайльманн не находил себе места. Он тщетно искал повсюду Харро и наконец решился поехать к нему домой. На Альтенбург-аллее его встретила ничего не подозревавшая Либертас. Хорст показал ей копию расшифрованной радиограммы, которую ему удалось раздобыть в функ-абвере.

— Этого не может быть! — воскликнула Либертас.— Харро звонил мне утром, он на работе...

Она набрала номер служебного телефона мужа, услышала незнакомый голос:

— Господин обер-лейтенант срочно уехал в командировку...

Либертас бессильно опустила телефонную трубку. Подтверждались худшие предположения: Харро, видимо, арестовали. Хайльманн сказал:

— Надо предупредить всех, кому грозит арест... И прежде всего убрать, спрятать компрометирующие материалы... Вам нужно срочно покинуть Берлин, Либертас.

Они торопливо начали собирать рукописи, оригиналы донесений, листовок — все, что могло послужить уликой против подпольщиков. Здесь же была и рукопись Хайльманна «Крестовый поход против Москвы» — курсовая работа в университете, которую помогали ему писать Харро и Либертас.

Все это сложили в чемодан, и Хайльманн собрался уходить.

— Вам надо немедленно уезжать,— повторил Хорст.

— А вы, Хайльманн? Вам тоже нужно исчезнуть...

— Да, да. Я это сделаю, как только предупрежу остальных.

Но предупредить почти никого не удалось.

Через несколько дней арестовали Либертас. Гестаповцы выследили ее, когда она садилась в поезд, уходивший в Стокгольм. Супругов Харнак взяли на побережье Балтийского моря, в рыбачьем поселке, где они проводили свой отпуск. Арестовали Хайльманна, Кукхофа, Эрику фон Брокдорф, Ганса Коппи, а потом и его жену... Люди исчезали внезапно, о каждом сообщали: уехал в служебную командировку, заболел, вызвали к больной матери, поехал отдыхать... В министерстве экономики Арвиду Харнаку продолжали выписывать жалованье, официально он числился в длительной командировке.

Ильза Штёбе возвращалась домой после встречи с фон Шелиа. Было уже поздно, но она решила немного пройтись. Молодая женщина не обратила внимания на патруль — двух солдат из противовоздушной обороны, шагавших ей навстречу. Она не ответила на плоскую шутку солдата-балагура по поводу ее позднего появления на улице. Ночь была чудесная, теплая, и молодая женщина долго шла пешком, перед тем как села в ночной трамвай. В ее сумочке лежала краткая, одной ей понятная запись того, что ей рассказал фон Шелиа.

Шел 1942 год, и сведения касались наступления германской армии на юге России. Это донесение она завтра же переправит радисту. Ильза не могла и подозревать, что гестапо напало на ее след.

Ночной трамвай был почти пуст. Под потолком тускло синела электрическая лампа. В синем мраке все выглядело, как под водой,—расплывчато и неясно. Это сравнение пришло на ум, вызванное далеким воспоминанием. Они отдыхали с Куртом на горном озере. Ильза бросилась со скалы в глубокую синеву, и солнечный свет вдруг померк в толще воды... Когда она вынырнула, Курт встревоженно искал ее глазами, готовый броситься на помощь. Где

он сейчас, Курт? Как долго нет от него вестей — больше года, с начала войны... Почему-то мысли перекинулись на Рудольфа фон Шелиа, последнее время дипломат чем-то озабочен, нервничает. Так много сил приходится тратить на то, чтобы его успокоить, убедить, что все в порядке и нет никаких оснований к тревоге.

Погруженная в свои мысли, Ильза не заметила, что, как только трамвай тронулся, его обогнала машина с погашенными фарами. Впрочем, она и не могла этого видеть: в синих отсветах не разглядеть, что происходит на улице... Машина прошла вперед и замедлила ход у следующей трамвайной остановки. Потом двинулась дальше... На Виляндштрассе, там, где Ильза сошла с трамвая, из машины выскользнул человек и в отдалении пошел следом по другой стороне улицы.

Утром на столе начальника следственного отдела гестапо лежало донесение осведомителя об Ильзе Штёбе. Сообщалось, что она работает в рекламном бюро дрезденской парфюмерной фирмы, живет на Виляндштрассе. За этим домом установили наблюдение.

Еще через несколько дней осведомитель сообщил: Ильза Штёбе встречается с дипломатом, сотрудником министерства иностранных дел Рудольфом фон Шелиа...

Во время этих событий Гитлер был в полевой ставке под Винницей. Летнее наступление на Сталинград и Кавказ находилось в разгаре. И тем не менее, когда ему доложили об арестах, о невероятных масштабах работы «Красной капеллы», Гитлер бросил все дела и полетел в Берлин. Здесь его ждали другие ошеломляющие вести: организация, связанная с Москвой, проникла в самые высокие инстанции государственного, экономического, военного аппарата... Арестованные отказываются давать показания — это больше всего выводило из себя Гитлера. Он отдал приказ: аресты держать в тайне, ни единого слова о «Красной капелле» в печати или по радио. Нахт унд небель — мрак и туман — должны окружать все, что

происходит в гестапо. За разглашение любых материалов следствия может быть только одно наказание — смертная казнь. Арестованных заставить говорить. Как это сделать — пусть думает Гиммлер...

Во исполнение указаний Гитлера шеф главного управления имперской безопасности Генрих Гиммлер подписал приказ: арестованных подвергать пыткам, даже если это приведет к их смерти... Но заключенные молчат, молчат почти все...

Вальтер фон Шелленберг записал в своем дневнике:

«В итоге сотни людей оказались втянуты в этот водоворот и попали за тюремную решетку. Некоторые из них, возможно, были только сочувствующими, но во время войны мы придерживались жесткого принципа: «Пойманы вместе, повешены вместе...»»

Двенадцатого сентября арестовали Ильзу Штёбе. За дипломатом Рудольфом фон Шелиа продолжали наблюдение. Прямых улик против него не было, но каждый день приносил новые подтверждения его связей с антигитлеровским подпольем.

Слежка привела к старому граверу Эмилю Хюбнеру. Полицейские архивы подтвердили, что Хюбнер еще сорок лет назад участвовал в революционной работе. Еще в кайзеровские времена! Среди ночи в дом Хюбнера ворвался отряд тайной полиции. Обыском руководил Панцингер. Осмотрели все, что возможно, все перевернули вверх дном и не нашли ничего. Но Панцингер будто чуял — что-то здесь должно быть. И на этот раз нюх ищейки не изменил Панцингеру. Уж слишком спокойно вели себя жильцы ветхого домика, поднятые с постелей. Их настороженные глаза говорили Панцингеру многое. «Я их заставлю поволноваться!» — злорадно подумал криминальный советник. Панцингер догадывался, но еще не вполне был уверен, что Хюбнер и Банкир — одно и то же лицо. Уж не белобородый ли этот старик скрывается под такой кличкой? Что она означает? От старика вряд ли чего можно добиться. Свое внимание криминал-советник остановил на его дочери. Теперь она Везолек, Фрида Везолек. У нее сын Иоганнес и муж Станислав. Все они стоят перед ним.

Поэт и борец против гитлеризма, коммунист Адам Кукхоф

Берлинский токарь, коммунист Ганс Коппи; ведал подпольной радиостанцией

Эмиль Хюбнер, 80-летний ветеран революционной борьбы в Германии

Инженер-изобретатель Ганс-Генрих Куммеров, активный подпольщик-антифашист

Студент Хорст Хайльманн. Перед казнью ему было всего 19 лет

Курт Шумахер, скульптор. Призванный в вермахт, он вел антигитлеровскую пропаганду

Эрика фон Брокдорф; выполняла ответственные поручения подпольной антифашистской организации

Женщина должна заговорить, если ее припугнуть. Для самки детеныш дороже жизни...

Панцингер вытащил из кобуры пистолет.

— Вот что,— сказал он с подчеркнутой решимостью и неумолимо свирепым выражением лица.— Не хотите говорить — пеняйте на себя. Ты слышишь? — Панцингер посмотрел на женщину, стоявшую у стены в ночном халатике.— Слышишь меня? Если будешь молчать, на твоих глазах застрелю мальчишку.— Панцингер вскинул пистолет и навел его на подростка.— Молчишь?.. Говори, где все это спрятано?

Женщина молчала. Смертельная бледность покрыла ее лицо. Панцингер опустил пистолет.

— Ищите! — приказал он своим подчиненным.

Обыск продолжался. Обратили внимание на картину, висевшую на стене.

Картину сорвали, вытащили из рамы. Там между полотном и картоном лежали деньги. Много денег — марки, доллары, английские фунты, но больше всего немецких марок.

— Так вот почему ты Банкир! — торжествующе воскликнул Панцингер.

Но это было еще не все: в тайнике лежали чистые бланки правительственных учреждений, заготовленные справки, иностранные паспорта...

Криминал-советник приказал заново начать обыск. Гестаповцы срывали обои, вскрывали полы, сдирали обивку с диванов, стульев, выворачивали массивные ножки стола, в которых тоже обнаружились выдолбленные тайники. Полицейские складывали в кучу все новые трофеи — образцы подписей, поддельные печати, штампы, фотографии, всевозможные инструменты, разные приспособления для изготовления паспортов и других документов.

Семья Хюбнера — отец, дочь, зять, внук снабжали паспортами всех, кто приходил в их жилище и произносил определенный пароль. Сюда приходили подпольщики, солдаты, бежавшие из армии, евреи, скрывавшиеся от нацистского разгула, иностранные рабочие, советские военнопленные, беглецы из концентрационных и трудовых лагерей — все, кого преследовало гестапо. Эмиль Хюбнер давал им деньги,

продовольственные карточки, ничем не отличавшиеся от настоящих, готовил для них маршрутные карты, отпечатанные на платках, чтобы беглецам не сбиться с пути... Теперь эти вещественные доказательства лежали навалом в углу комнаты, на столе, в кухне, повсюду. Полицейские агенты складывали добычу в мешки, чтобы отправить ее на Принц-Альбрехтштрассе. Туда же увезли и семью Хюбнеров.

Замыкалось кольцо и вокруг Рудольфа фон Шелиа. Он оставался еще на свободе, продолжая работать в министерстве иностранных дел, в секретном «бюро Риббентропа», но его обложили со всех сторон и следили за каждым его шагом.

Ильзу Штёбе допрашивали каждый день, и следователь, как бы невзначай, возвращался к связям Ильзы с фон Шелиа. Он, как в пасьянсе, раскладывал перед ней десятки фотокарточек, настойчиво выспрашивал, кого она знает из этих людей. Здесь было много незнакомых, но были и те, кого Ильза хорошо знала.

Фотография дипломата особенно тревожила Ильзу Штёбе. Фон Шелиа ни с кем не был связан, кроме нее, но почему же его фотография находится здесь среди других подпольщиков?

Ильза чувствовала, что у следователя нет прямых улик против нее. Иначе он вел бы себя по-иному. Ильза отрицала свою вину, не признавалась ни в чем. Фотографии, которые лежали на столе следователя, ей в большинстве неизвестны. Отрицать свое знакомство со всеми она не хотела. Надо признавать то, что они уже знают... Рудольфа фон Шелиа она знает. Это его фотография. Познакомилась с ним в Варшаве. Позже встречалась в министерстве иностранных дел. Интересный собеседник. Но какое отношение это имеет к ее аресту?

Следователь сказал:

— Пока здесь я задаю вопросы... Потрудитесь на них отвечать.

Расспрашивал ее о других.

Нет, Ильза больше никого не знает, лица на фотографиях ей незнакомы. Близорукого человека в очках не узнает. Может быть, и встречалась где-то, но незнакома с ним. Бородатого старика тоже не

знает... Больше она никого не знает из тех людей, фотографии которых ей показывает господин следователь...

Так продолжалось неделями. Тянулись изнурительные допросы. Ильза Штёбе стояла на своем: она ничего не знает, с ее арестом произошла какая-то ошибка. Она ни в чем не виновата...

Рудольфа фон Шелиа арестовали в конце октября. Перед его арестом Панцингеру пришлось изрядно поволноваться. Все это едва не стоило ему головы.

Осведомители изо дня в день сообщали, что дипломат фон Шелиа ведет себя спокойно. Он не подозревает, что за ним ведут наблюдение. И вдруг фон Шелиа неожиданно уехал в Женеву, воспользовавшись постоянным служебным паспортом. Исчез! У Панцингера упало сердце. Пришлось докладывать о происшествии Гиммлеру. Но Панцингер сделал вид, что он давно знал о предстоящем отъезде дипломата в Швейцарию.

— Вы уверены, что он не сбежит? — спросил рейхсфюрер.— Может быть, он что-то уже почувствовал?

— Надо полагать, нет... Его поездка раскроет нам его связи в Швейцарии.

— Ну, а если он нас одурачит и не вернется из-за границы? — спросил Гиммлер.

— Этого не может быть...— Панцингер внутренне похолодел от страха. Криминал-советник думал только о том, чтобы не выдать своего волнения. Он сказал: — Шелиа не подозревает, что за ним наблюдают.

— Хорошо. Если вы так уверены... Но имейте в виду — побег дипломата может стоить вам головы...

Проходили дни, а фон Шелиа не возвращался. Панцингер не находил себе места. Он сам выехал на швейцарскую границу, торчал в Базеле на вокзале и, теряя надежду, начинал уже сам подумывать,— не скрыться ли ему на ту сторону, чтобы избежать расправы.

И вдруг Рудольф фон Шелиа объявился. Элегантный, самоуверенный, он вышел из вагона, чтобы купить немецкие газеты... Его арестовали на перроне немецкой стороны базельского вокзала. К этому

времени тайная полиция уже имела неоспоримые доказательства связи Рудольфа фон Шелиа с Ильзой Штёбе.

После ареста Ильзы на ее квартире в Шарлоттенбурге устроили засаду, засаду необычную — без вооруженной полиции. В квартире поселилась сотрудница гестапо Гертруда Брайер. Это была идея хитрого Карла Гиринга. Он исходил из предположения, что аресты все же удалось осуществить втайне. Если это так, то через какое-то время подпольщики захотят восстановить связь с Ильзой Штёбе. Вот тогда подставная Штёбе и должна сыграть свою роль... Как подсадная утка на охоте.

Гестаповка-провокатор никуда не выходила из квартиры, ждала. Иногда раздавались телефонные звонки, но она не брала трубку. Это тоже предусмотрел Гиринг: Штёбе могут позвонить родственники, предположим мать, и тогда все раскроется. Если же мать сама явится к дочери, можно сказать, что Ильза уехала из города, скоро вернется, а в квартире поселилась ее подруга.

Карл Гиринг был чертовски терпелив. Прошел весь сентябрь, был на исходе октябрь, но в расставленную ловушку никто не лез. Только через полтора месяца под вечер кто-то позвонил в дверь. Брайер открыла. Перед ней стоял человек средних лет, неопределенной наружности.

— Мне нужно увидеть Альту,— сказал он.

— Проходите! — По инструкции Гертруде Брайер следовало как можно дольше задержать посетителя, чтобы полицейские агенты, дежурившие в доме напротив, успели спуститься на улицу и начать слежку. Но этого не получилось.

— Это вам,— сказал неизвестный и протянул записку.— Здесь все сказано.— Он исчез, не заходя в квартиру.

В записке было всего несколько слов: «Кестер, возможно, прибудет двадцатого. Подготовьте его встречу с Арийцем».

Конечно, о появлении курьера стало тут же известно криминал-советнику Гирингу. Он торжество-

вал и не стал даже отчитывать полицейских за медлительность. Дело оборачивалось как нельзя лучше. Гиринг продолжал терпеливо ждать. Но прошло двадцатое, двадцать первое октября... В квартире на Виляндштрассе никто не появлялся. И вот из контрразведки министерства военно-воздушного флота пришло сообщение:

«В ночь на 23 октября самолет противника пересек линию фронта, проник в Восточную Пруссию до Остерроде и возвратился обратно. Предположительно произошла выброска парашютистов».

Гиринг прочитал разведсводку. «Не связано ли это с недавней запиской?» — прикинул человек-мумия. Он приказал усилить пост наблюдения на Виляндштрассе. Проверил расписание поездов, прибывающих из Восточной Пруссии. Криминал-советник умел охотиться на людей.

На другой день ему доложили с поста наблюдения: в дом 37 прошел человек в солдатской форме, с рюкзаком и чемоданом. Через пять минут он вышел из подъезда без чемодана. Наблюдение установлено.

Вскоре позвонила Гертруда Брайер.

— Кестер прибыл,— сказала она.— Оставил чемодан с передатчиком. Как приказано, встречу с Арийцем назначила ему в кафе «Адлер» на Виттенбергплац...

Человека, скрывавшегося под фамилией Кестер, арестовали вечером того же дня в кафе «Адлер».

Гиринг удовлетворенно потирал руки. Ему сопутствует удача! Из жизненного опыта старый полицейский вывел одно заключение — промахи и неудачи в работе подобны бездомным сиротам, у них не бывает родителей. Иное дело успех: тут каждый норовит стать его прямым и ближайшим родственником... Так получилось и на этот раз. Прежде всего заслугу разоблачения Рудольфа фон Шелиа приписал себе Гиммлер. Именно так он докладывал Гитлеру, упирая на то, что арестованный дипломат являлся ближайшим, доверенным сотрудником фон Риббентропа. Вот ведь что происходит в его министерстве! Теперь дело только в том, раздумывал Гиммлер, чтобы раздуть пожар, вызвать неприязнь фюрера к Риббентропу. Министр иностранных дел — давний и

недружелюбный соперник Гиммлера — попал в трудное положение. Так и надо! Это он наговаривал Гитлеру, что управление имперской безопасности будто бы неспособно обнаружить подпольных радистов.

Перед Гиммлером раскрылась возможность свести также счеты с Германом Герингом. В его Люфтминистериум оказалась целая обойма противников режима. Но Геринг поумнее фон Риббентропа, с ним надо быть осторожнее...

В окружении Гитлера плелись самые хитроумные интриги, взаимные козни. Каждый стремился выслужиться перед Гитлером и утопить своего соперника. Гиммлер был мастером в таких делах, и он не преминул использовать ситуацию, чтобы отпихнуть своих недоброжелателей. Он приказал своим людям не стесняться с дальнейшими арестами. Чем больше, тем лучше: надо показать фюреру, от какой опасности он избавил правительство, государство.

Берлинские тюрьмы были переполнены, но многие заключенные не имели никакого отношения к делам организации Харнака и Шульце-Бойзена.

На совещании в управлении безопасности Гиммлер сказал:

— Я хотел бы отметить, что дело Ильзы Штёбе особенно удачно проведено следователем Хабеккером. Оно является одним из наиболее важных среди дел, которыми последнее время занималось гестапо.

Ободренный словами рейхсфюрера, Хабеккер чувствовал себя на седьмом небе. Он тоже считал себя родителем успеха, выпавшего на его долю. Снова вызвал Ильзу Штёбе в свой кабинет для допроса.

— Ну, что вы теперь скажете, Альта? Вас ведь так называли в подполье?! Не отпирайтесь, вам это не поможет.

Следователь рассчитывал ошеломить заключенную. «Откуда они это знают?» — пронеслось в голове Ильзы. Но она продолжала молчать.

На этот раз следователь был благодушно настроен и даже предложил ей сесть. Обычно в продолжение многочасовых допросов Ильза должна была стоять перед столом криминального комиссара Хабеккера.

— Давайте договоримся с вами так,— продолжал следователь, перекатывая между пальцами остро зачиненный карандаш.— Больше я не стану задавать вам никаких вопросов. Мы все знаем. Узнали не от вас. Я должен сделать вам комплимент, вы отлично себя держали на допросах. Вы умная и мужественная женщина. Но дальше вести себя так просто бессмысленно. Рудольф фон Шелиа сразу понял, что молчать на допросах невыгодно. Не верите?.. Его кличка была Ариец, ваша — Альта. Правильно?

Следователь наслаждался успехом, победой, которую он одержал над этой упорной женщиной. С ней можно не играть больше в прятки. Надо сломить ее, убедить, что игра проиграна, заставить говорить о других...

Ильза думала о том же самом. Чего добивается следователь? Почему этот сухой и жестокий человек, который хвалится, что за десять лет у него не бывало случаев, чтобы он не добился своего на допросах, почему он сейчас так откровенен и почти доброжелателен? Что кроется за его снисходительной улыбкой? Ильза молчала. Так лучше — может быть, следователь болтнет что-то лишнее.

— Послушайте меня, Ильза Штёбе. Мне хочется помочь вам. Хотите, я расскажу, что мы знали и чего не знали о вас? Так вот, некоторое время назад мы арестовали радиста, который поддерживал связь с Москвой. Сначала он молчал, как вы, но его заставили говорить... С его помощью нам удалось расшифровать некоторые радиограммы. Мы даже не были уверены, что связь с Рудольфом фон Шелиа идет через вас. Мы бродили где-то рядом, в том числе я, брели в потемках. А вы полтора месяца лгали, делая это так искусно, что и я начинал верить... С точки зрения собственной защиты, вы вели себя великолепно. Но вы недоучли одного: кроме вас в организации были другие люди, которых мы еще не могли взять. Они начали искать Ильзу Штёбе, чтобы восстановить с ней связь. Психологически это понятно. Курьер пришел на Виляндштрассе, встретился с «Альтой». Но то была не настоящая Альта, не вы, а наш человек, игравший роль Ильзы Штёбе... Остальное, надеюсь, вам понятно? Курьера мы арестовали,

так же как и дипломата Рудольфа фон Шелиа. Вот и все. Как видите, я откровенен с вами.

Перед Ильзой Штёбе точно разверзлась бездна... Где правда, где ложь в словах Хабеккера? Впрочем, какое это имеет значение, они знают о ней все... Об Альте, но о других — нет. Так вот в чем дело! Им нужны мои показания о других. Значит, надо менять тактику, принимать всю вину только на себя, спасать остальных...

Ильза попробовала вести старую игру.

— Боже мой, боже мой! — воскликнула она.— Господин криминальный комиссар, но я уже много раз говорила, что произошла какая-то трагическая ошибка... Я ни в чем не виновата!

Улыбка сошла с лица Хабеккера. Он яростно взглянул на женщину и вдруг неистово раскрытой ладонью ударил по столу. Ильза вздрогнула от неожиданности.

— Встать! — закричал он.— Ты признаешь свою кличку Альта?

— Да, признаю...

Ильза хорошо знала, что это признание для нее смертный приговор, но она не могла поступить иначе. А следователю показалось, что ему удалось сломить заключенную.

— Где твой радист?

— У меня не было радиста.

— То есть как не было?

— Я передавала в Москву сама.

— Ложь!

— Я говорю так, как есть... Я была радисткой фон Шелиа.

— А передатчик?.. Где передатчик, шифры?

— Не знаю. Все осталось на Виляндштрассе. Теперь, вероятно, у вас...

— Откуда велись передачи?

— Я же сказала, с Виляндштрассе. Там был передатчик, шифры.

Хабеккер снова повысил голос. Он начал понимать, что арестованная опять дурит ему голову.

— На Виляндштрассе не было передатчиков. В районе Виляндштрассе пеленгаторы не отмечали работы коротковолновой станции. Говори правду!

— Напрасно вы не сказали мне раньше о пеленгаторах, я бы не призналась, что передачи велись из моей квартиры...— ответила Ильза.

Она говорила спокойно, тихо, с едва заметным оттенком иронии. Но следователь уловил это. Снова вспылил, прекратил допрос... Вызвал вахтмана, стоявшего за дверью.

— Увести! — в ярости крикнул он.— Завтра ты заговоришь у меня иначе!..

ГЛАВА VII

В ЗАСТЕНКАХ ГЕСТАПО

Вернемся к людям, живущим в наши дни, которые стремятся проникнуть в прошлое, восстановить былые события. Это не только историки, избравшие прошлое своей профессией, не только ученые-археологи, посвятившие жизнь раскопкам древних городов, изучению скальных рисунков или поселений древнего человека. Есть много и других искателей прошлого, которые обращаются к минувшему, стремясь раскрыть судьбы людей, давно или недавно ушедших из жизни. Они делают это по зову сердца и благородного долга перед павшими борцами с фашизмом.

Одним из таких искателей прошлого был адвокат Крум, с которым мы встретились на берлинском кладбище у мемориальной доски, установленной в память героев антифашистского подполья. На камне были высечены их имена — все, что осталось материальным от их земного существования. Но живы в человеческой памяти дела героев...

Много лет я ничего не слышал о Круме, не знал о его судьбе, и вот неожиданная встреча, уже в наши дни в Москве, на международной конференции юристов, посвященной проблеме давности нацистских преступлений. Он приехал из Западной Германии наблюдателем от демократического общества свободных юристов. Мы сразу узнали друг друга, хотя не виделись почти десять лет, и в продолжение всей конференции много говорили о прошлом.

За обедом он как-то сказал:

— Вы знаете, я и сейчас не коммунист, но мне очень близки их взгляды. Харро Шульце-Бойзен тоже не был коммунистом, но перед смертью он сказал: «Я умираю убежденным коммунистом и ни о чем

не жалею, что совершил в жизни...» Харро для меня образец немецкого интеллигента — мятежный и честный, сумевший познать истину. Я не сразу понял, не сразу пришел к убеждению, что по долгу профессиональной ответственности перед обществом должен поднять голос в защиту павших борцов с фашизмом. Помните, я начал с того, что взялся вести дело о правах наследования имущества, принадлежавшего осужденным на казнь супругам Герцель. Но вскоре я занялся совсем другим — поиском материалов о других подпольщиках. Признаюсь, я еще находился в плену воззрений, осуждавших «измену» и «предательство интересов» Германии, Германии вообще, вне зависимости от того, кто ею управляет. Разве до сих пор низкие клеветники не обвиняют патриотов-антифашистов в измене немецкому народу?! Но я очень скоро постиг чистоту их помыслов, преисполнился к ним уважением и был потрясен трагизмом судьбы этих людей. Клевета, беззаконие — вот что отличало следователей и инспираторов военно-полевых судов над антифашистами. Я в корне изменил свои взгляды и, если хотите, мировоззрение...

Адвокат Крум говорил долго, размышляя вслух о своем пути. Я его не перебивал...

— Вскоре,— продолжал Крум,— я отказался вести дело о наследстве, считая это святотатством, предательством по отношению к гильотинированным, повешенным антифашистам в тюрьме Плетцензее. Больше того, я встал на защиту женщины, против которой мой клиент Штайнберг затевал судебный процесс. Тогда он подал на меня в суд за то, что я своими действиями причинил ему материальный ущерб. Я выиграл дело, но мне это стоило большого труда, денег и времени. Я столкнулся с удивительным явлением западногерманской действительности послевоенных лет. Судьи, прикрываясь формальными юридическими канонами, пытались обвинить меня в разглашении профессиональной тайны. Они видели во мне политического противника. Может быть, вам известно, что в министерстве юстиции Боннской республики сохранилось больше тысячи судей — бывших нацистов, которые возглавляли судебные процессы при Гитлере. Они снова надели

судейские мантии. Нелегко было с ними сражаться... Жаль, что я не захватил свои записи, материалы своих поисков, протоколы судебных заседаний, которые мне удалось собрать. Но если они вас интересуют, я могу их прислать.

Адвокат Крум выполнил свое обещание. Через три недели после завершения международной конференции юристов я получил от него пакет, которого ждал с нетерпением.

2

Аресты в Берлине, последовавшие вслед за сенсационным разоблачением так называемой «Красной капеллы», вызвали в окружении Гитлера злорадное удовлетворение — наконец-то сверчки-музыканты попались! Раздражение, накипавшее месяцами, искало выхода при расправе с теми, кто сидел теперь в камерах внутренней тюрьмы гестапо на Принц-Альбрехтштрассе.

Гиммлер специально полетел в Берхтесгаден, лично доложил фюреру об успехах. Он хотел это сделать один, но Геринг раскусил маневр Гиммлера и поспешил в резиденцию фюрера. Иоахим фон Риббентроп тоже хотел приехать в Берхтесгаден, но рассерженный фюрер через адъютанта передал ему: сейчас в такой встрече нет никакого смысла...

Гитлер был раздражен тем, что именно в министерстве иностранных дел оказался человек, который посвящал русских в дипломатические тайны рейха. А Гиммлер в деле Рудольфа фон Шелиа постарался всю вину свалить на беспечность фон Риббентропа. С Герингом было труднее, этот изворачивался, как угорь. Берлинские аресты обострили внутреннюю борьбу среди приближенных Гитлера. Интриги нарастали и ширились. Набивая себе цену, Гиммлер всячески раздувал масштабы раскрытой им организации. Он приказал причислять к «Красной капелле» чуть ли не всех обвиняемых в «измене рейху».

Разговор в резиденции Гитлера вели вчетвером, если не считать адъютанта Шмундта, который стенографировал беседу,— в рейхе существовало железное правило записывать каждое слово, произнесенное

фюрером. Кроме рейхсмаршала Геринга, Гиммлера был еще фельдмаршал Кейтель, начальник штаба верховного командования вооруженными силами рейха. Гитлер был раздражен сообщением Гиммлера, но вскоре заговорил спокойно. Он все еще был уверен в победоносном исходе восточной кампании. Геринг поддакивал фюреру.

Расположились в круглой чайной комнате, венчавшей «Адлерс-хорст» — Орлиное гнездо — замок, построенный в средневековом стиле на вершине угрюмой, недоступной скалы. Замок построили перед самой войной. Отсюда Адольф Гитлер намеревался управлять миром. Из окон чайной комнаты на все четыре стороны открывались необъятные горные дали. Погода стояла ясная — ни дымки, ни облаков. С высоты «Адлерс-хорста» видны были австрийские, итальянские, швейцарские Альпы. Утверждали, что в ясную погоду отсюда можно увидеть и французские Альпы.

— Я должен вновь повторить,— говорил Гитлер,— что русские превзошли нас в организации разведки. Но Сталину уже ничто не поможет! Россия скоро перестанет существовать! Музыка «Красной капеллы» умолкнет сама по себе, когда в Москву, в Сталинград вступят мои войска. Скоро некому будет слушать зашифрованные радиоконцерты. Их заглушат звуки фанфар, которые возвестят миру о нашей победе. Да, да! Я обещаю в этом году поставить Россию на колени. И тем не менее надо раздавить это гнездо, уничтожить всех, кто осмелился поднять нож, чтобы ударить в спину Великой Германии...

Казалось бы, Гитлер имел все основания для таких утверждений. На восточном фронте немецкие войска заняли Майкоп, танковые колонны достигли Моздока на северных склонах Кавказского хребта. Армия Паулюса вышла к Сталинграду на берега Волги, а горные стрелки-альпинисты водрузили немецкий флаг на вершине Эльбруса. Почти два миллиона квадратных километров советской земли с населением в восемьдесят миллионов человек было занято германскими войсками. Казалось бы... Но советские разведчики за девять месяцев до событий предупредили свое командование о предстоящем

наступлении на Сталинград и Кавказ... И уже через месяц после встречи в Берхтесгадене все обернулось иначе: советские войска перешли в наступление. Стратегические планы врага, раскрытые бойцами невидимого фронта, помогли советскому командованию сосредоточить силы для нанесения ответного удара.

Слушая доклад Генриха Гиммлера, Гитлер сделал вид, будто он забыл, как ранней весной он неистовствовал по поводу бессилия службы имперской безопасности в борьбе с советской разведкой. А в то время он не знал и сотой доли того, что раскрылось теперь.

Гитлер потребовал судить арестованных в военно-полевых судах. Они должны действовать быстро и беспощадно. Обычные суды не годятся. К тому же следствие нужно вести в тайне. Здесь Геринг и ввернул предложение, ради которого прилетел в Берхтесгаден. Поддакивая фюреру, он сказал:

— Мой фюрер, поручите это дело военным трибуналам военно-воздушных сил. Главным обвинителем мог бы стать старший прокурор Манфред Редер. Я уверен, что он оправдает ваше доверие...

Гитлер согласился и приказал о ходе следствия докладывать ему каждый вечер, независимо от того, где он будет находиться — в Берлине, в Берхтесгадене или в главной ставке «Вольфшанце» среди Мазурских озер.

Гитлер вдруг вскочил, словно наэлектризованный, и быстро заходил по комнате. Он бросал исподлобья злобные взгляды и рубил короткие фразы. Остальные, не отрывая глаз, следили за каждым его движением.

— Я надеюсь на тебя, Герман,— сказал он и, обращаясь к другим, добавил: — Не забывайте, где начинается гестапо — кончается гуманность... Мужчин вешать, для женщин оставить гильотину. С жизнью должен распрощаться каждый, на которого упадет хотя бы тень подозрения.

На допросах заключенные подвергались самым изощренным пыткам. Как ни следили за арестованными, Йон Зиг нашел возможность покончить самоубийством. То же сделал и Герберт Грассе.

Многие стремились уйти из жизни, предпочитая смерть мучениям средневековых пыток. Вальтер Хуземан твердил одно — не знаю! Его зверски избивали в продолжение многих часов. Следователь прервал допрос.

— Подумайте,— сказал он,— минуту-другую, может быть, вспомните и назовете соучастников. Иначе все начнется сначала...

Следователь знал: ожидание пыток действует куда сильнее, чем сами пытки. Утомленный допросом, следователь отошел к окну. В этот момент Хуземан бросился к нему и вместе с ним пытался выброситься из окна. Ударом плеча он вышиб стекло, осколки брызгами разлетелись в стороны. Разверглась спасительная бездна, еще мгновенье, и он утянет туда своего мучителя. Криминальный комиссар закричал, вырываясь из железных объятий узника. И вдруг Хуземан потерял силы: осколок, торчавший из рамы, впился в плечо, повредил нерв, рука безжизненно повисла. Вбежавшие охранники успели схватить заключенного...

Трижды пытался покончить с собой доктор Куммеров, тот, что работал инженером научно-исследовательской фирмы «Лёве опта радио», и трижды это ему не удавалось сделать. Сначала он разбил очки, пытался проглотить стеклянное крошево. Ему сделали промывание и спасли. Ради чего? В слове «спасли» звучала жестокая ирония. Потом он пробовал вскрыть вены концом иголки. Тоже заметили. А мысль заключенного упорно работала; он перетянул ниткой пальцы на ногах, чтобы вызвать гангрену. Его спасли в третий раз, чтобы продолжать пытки.

Но вдруг, без видимых причин, пытки на Принц-Альбрехтштрассе прекратились. Почему? Об этом в записках адвоката Крума говорилось:

«Мне рассказал Гюнтер Вайзенборн, писатель и драматург, один из немногих членов организации, оставшихся в живых, как Харро Шульце-Бойзен, находясь в застенках гестапо, заставил трепетать тех, кто его бросил в тюрьму. Кратко дело обстояло так:

Следствие по делу Шульца-Бойзена вели два криминальных советника: начальник следственного

отдела гестапо — оберштурмбанфюрер СС Панцингер и его помощник Копкоф, «специалист» по коммунистическим подпольным организациям. Как ни строга была охрана, заключенным все же удавалось обмениваться тюремными новостями. Харро Шульце-Бойзена пытали особенно жестоко — зажимали руки в тиски, применяли «испанские сапоги» времен инквизиции, обжигали глаза ультрафиолетовыми лучами, сочетая средневековую и современную технику пыток. Харро молчал, и было ясно, что он ничего не скажет. Но вдруг на одном из допросов Харро заговорил. Следователь Копкоф записал в протокол его показания.

Он, обер-лейтенант Шульце-Бойзен, утверждал, что, работая в министерстве военно-воздушного флота, похитил, сфотографировал и положил обратно в сейф некоторые совершенно секретные документы, составлявшие исключительно важные государственные тайны. Фотокопии документов он переправил в Стокгольм, где они и находятся сейчас у надежных людей. В любой момент они могут быть переданы представителям Англии или Советской России. Несомненно, что опубликование документов подорвет престиж германского правительства, вызовет негодование внутри страны. Шульце-Бойзен сказал следователю: если власти не хотят, чтобы компрометирующие их материалы попали в руки военных противников Германии, он готов содействовать этому при выполнении двух непременных условий. Первое. Следователи должны немедленно прекратить пытки всех арестованных. Второе. В случае, если военный суд вынесет смертный приговор кому-нибудь из заключенных, то приговор этот не должен приводиться в исполнение в течение года, то есть не ранее первого января сорок четвертого года...

«О каких документах вы говорите? — спросил обеспокоенный следователь.— У кого они находятся?»

Шульце-Бойзен отказался отвечать на вопросы Копкофа. Он объяснил, что копии документов остаются единственным средством защитить арестованных от произвола гестапо. Харро добавил, и Копкоф тоже записал это в протокол допроса: «Если господин

рейхсмаршал Геринг желает узнать, о каких именно документах идет речь, пусть он лично посмотрит и вспомнит наиболее секретные материалы, лежащие в сейфах архива его министерства».

Конечно, следователь Копкоф немедленно доложил обо всем своему прямому начальнику Панцингеру. Ошеломляющее заявление тут же стало известно начальнику гестапо Мюллеру, от него — Гиммлеру, дальше Герингу и в тот же день было доложено Гитлеру.

«Возможно, это умный шантаж: Шульце-Бойзен хочет избавиться от неприятных допросов»,— предположил Гиммлер, когда Геринг позвонил ему в управление безопасности.

«А если он действительно располагает секретными документами и способен осуществить угрозу? — спросил Геринг.— От него всего можно ожидать! Не решив этого вопроса, мы не можем начинать судебный процесс».

Рейхсмаршал Геринг больше других опасался разоблачений. Его сейфы хранили такие тайны, из которых любая могла стать в руках противника бомбой замедленного действия. Ярость и тревога охватили рейхсмаршала.

«Я предлагаю нещадно сечь этого мальчишку! Бить до тех пор, пока он не скажет, где документы. Бить, бить, и никаких условий!» — гремел он.

Гиммлер согласился. Харро Шульце-Бойзена повели в камеру пыток, сорвали с него куртку, бросили на скамью и принялись сечь плетью из бегемотовой кожи. Когда экзекуция прекратилась, он с трудом поднялся со скамьи и, прислонившись к стене, сказал:

«Этим вы ничего не добьетесь... Но имейте в виду — Гитлер рискует многим. Так и скажите ему. Это говорит Харро Шульце-Бойзен...»

Узника били плетью еще несколько раз. Он твердил свое: «Берегитесь, даже из ваших застенков я имею возможность передать на волю сигнал, по которому раскроются самые грязные дела фашистской Германии...»

О какой же тайне тайн гитлеровской Германии могла идти речь? Их было много: поджог рейхстага,

истребление евреев, расстрелы военнопленных, лагеря смерти... Возможно, главарей рейха пугало разоблачение другой тайны, которую прознал Шульце-Бойзен и к которой был непосредственно причастен рейхсмаршал Герман Геринг.

Это случилось на рассвете десятого мая 1940 года. Немецкие бомбардировщики 51-й эскадрильи специального назначения «Эдельвейс» поднялись по приказу Геринга в воздух и разбомбили свой немецкий город Фрейбург, расположенный в Северной Германии. В это же время германские войска начали наступление,— Гитлеру требовался повод для того, чтобы начать боевые действия на западе. В налете обвинили англичан. В тот же день берлинское радио опубликовало сообщение о налете британской авиации на Фрейбург, клеймило вероломных англичан, диктор призывал к возмездию и сообщил о начавшихся боевых действиях на западе.

Нацистских провокаций было много, и у Геринга были все основания опасаться разоблачений Харро Шульце-Бойзена.

Пытками ничего не достигли, и криминал-советник Панцингер предложил иной способ «размягчить» Шульце-Бойзена. Он предложил использовать для этого отца Харро, морского офицера Эриха Шульце, который давно добивался встречи с сыном.

В материалах, присланных адвокатом Крумом, лежала вырезка из немецкого журнала, в котором много лет спустя были напечатаны грустные воспоминания Эриха Шульце.

«В конце сентября я получил из дома телеграмму,— рассказывал он.— В ней было сказано: «Немедленно позвони в Берлин в связи с плохими вестями о сыне». Жена срочно вызывала меня по какому-то неотложному делу.

30 сентября 1942 года я приехал в Берлин из Голландии, где состоял на военной службе, и в тот же день отправился в управление гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, чтобы встретиться с сыном. Просьбы родственников о свиданиях с заключенными тогда категорически отвергались. Я думал — мне посчастливилось, потому что были приняты во внимание мои военные заслуги...

Комиссар Копкоф, сотрудник Панцингера, ввел меня в комнату, которая, скорее всего, обычно никем не занималась. Голый стол в углу, напротив диван, два кресла и еще маленький курительный столик. Вот и вся обстановка.

Я остался один и ждал одну-две минуты. Вошел Харро в сопровождении того же Копкофа и какого-то другого сотрудника гестапо. Харро шел тяжелым шагом, словно отвык за это время ходить. Держался он прямо, руки держал за спиной, но они не были закованы в наручники. Лицо его было больше чем бледное, ужасно похудевшее, с провалами вокруг глаз.

На нем был серый костюм и голубая сорочка. Я взял его за руку и повел к креслу. Мы сели, я взял обе его руки и держал их в своих в продолжение всей встречи. Я повернул свое кресло так, чтобы они не могли видеть моего лица.

Гестаповцы сидели напротив за столом и наблюдали за нами. Один из них писал протокол. Я сказал Харро, что преисполнен отцовских чувств и пришел к нему, чтобы помочь ему, чтобы бороться за него, и спросил, как могу я ему помочь. Сказал о матери и его брате, которым не разрешили свидания. Харро ответил спокойно и твердо:

«Помочь невозможно, зто безнадежная битва».

Он сказал, что в продолжение многих лет сознательно боролся против существующего режима, как только мог, где только мог, и делал зто с полным сознанием опасности, которой подвергался. Он полностью сознает последствия этого и готов их стойко перенести.

Один из комиссаров, писал далее Эрих Шульце, задал мне вопрос, касавшийся дела, о котором мне уже говорил Панцингер и которое вызывало серьезную озабоченность в гестапо. Они предполагали, что Харро перед своим арестом передал за границу секретные документы чрезвычайной важности. Возможно, речь шла о разоблачении нацизма, может быть, он хотел спасти жизнь арестованных вместе с ним людей. Харро отказался дать показания по этому поводу. Может быть, Харро будет расположен поговорить об этом со мной? Но сын решительно отверг предложение Копкофа вести со мной разговор на эту

тему. Конец нашей беседы был посвящен личным делам. Меня охватила боль. Я поднялся и сказал:

«Дорога, которую ты выбрал, Харро, тяжелая дорога. Я не хочу утяжелять ее. Я уйду...»

Он тоже поднялся. Он стоял передо мной, смотрел на меня с гордостью, и слезы появились у него на глазах. Я сказал:

«Я всегда любил тебя, Харро».

Он нежно ответил:

«Я знаю».

Я протянул ему руку и пошел. У дверей обернулся, взглянул на него еще раз и кивнул ему головой. У нас обоих было такое чувство, что мы видимся в последний раз...»

Но сын и отец Бойзены встретились снова. Упорство Харро сломить не удалось. Гиммлер приказал своим людям: «Дайте ему любое обещание. А там будет видно, когда возьмем документы...» Но Шульце-Бойзен требовал гарантий. Он согласен сказать правду. Пусть только начальник следственного отдела даст клятвенное обещание, что условие будет соблюдено: приговоренных к смерти не казнят раньше сорок четвертого года. Пусть в новогоднюю ночь, но сорок четвертого года! Харро верил в победу, он стремился отвести смерть от друзей, отсрочить ее хотя бы на год, убежденный, что к тому времени фашистская Германия проиграет войну. Советские войска вели большое сражение под Сталинградом, на берегах Волги. Слухи об этом проникли даже сквозь тюремные стены, озарив надеждой души людей, брошенных в одиночные камеры.

Шульце-Бойзен сказал: «Я потомок адмирала фон Тирпица, основателя германского военно-морского флота, он был моим крестным отцом. Так пусть господин Панцингер подтвердит обещание в присутствии офицера флота, созданного моим дедом. Я говорю о моем отце — Эрихе Шульце, капитане второго ранга...»

Пошли и на это, надеясь вырвать тайну у строптивого заключенного.

Церемония клятвенного обещания произошла в той же комнате, где Эрих Шульце встречался с сыном в первый раз. Он писал в своих воспоминаниях:

«Харро вошел в комнату с улыбкой, осветившей его лицо. Он выглядел лучше, чем в первую встречу. Оберштурмбанфюрер СС Панцингер торжественно подтвердил, что соглашение вступит в силу, как только Харро расскажет правду, где скрыты документы, где бы они ни находились.

Тогда сын, выдержав некоторую паузу, чтобы усилить эффект своих слов, сказал:

«Я получил клятвенное заверение, что смертные приговоры мне и моим товарищам, если их вынесет военно-полевой суд, не будут приведены в исполнение в течение года при условии, если я скажу правду, где находятся документы, компрометирующие высшее нацистское руководство Германии. Заявляю: документы, о которых идет речь, находятся в архиве министерства военно-воздушного флота. Их никто не похищал, никто не делал с них фотокопий, они лежат на своем месте... Своей версией я намеренно вызывал сомнения гестапо, вводил в заблуждение следователей, чтобы иметь возможность оказать на них давление и защитить себя и своих арестованных товарищей от тюремного произвола...»

Растерянность и удивление, вызванные словами Харро, были неописуемы.

Когда Панцингер пришел в себя, он объявил, что условия соглашения с этого момента вступают в силу».

«Несомненно,— писал Эрих Шульце,— Харро был убежден, что война за этот год кончится и Гитлер будет устранен».

Однако честное слово гестаповцев сразу же было нарушено. Когда Гитлер, Геринг и Гиммлер узнали, какую злую шутку сыграл с ними Шульце-Бойзен, они снова пришли в ярость. Как он смел! Геринг требовал жестоко наказать его, как следует проучить... Но дважды нельзя было приговорить Харро к смерти! К тому же следствие закончилось и тридцать томов с допросами, уликами, донесениями лежали в сейфах следственного отдела гестапо. После того как отпала угроза разоблачений, дело немедля можно было передавать в военно-полевой суд.

К ответу привлекли многих людей. Из них отобрали человек семьдесят — главных виновников, ко-

торых должны были судить в первую очередь. Но и этих, заранее обреченных, людей Гитлер приказал разделить на более мелкие группы и судить каждую отдельно, чтобы ускорить процессы.

Дело сотрудника министерства иностранных дел Рудольфа фон Шелиа и журналистки Ильзы Штёбе передали на рассмотрение особого военного трибунала. В зале заседаний, кроме судей, усиленной охраны и двух обвиняемых, никого не было.

Поддерживать обвинение во всех процессах, в том числе и на процессе Ильзы Штёбе и Рудольфа фон Шелиа, Гитлер поручил главному советнику, военному прокурору доктору Манфреду Редеру.

3

Следствие по делу «Красной капеллы» было закончено. Но следователям гестапо так и не удалось добиться признаний, а тем более раскаяния от арестованных членов подпольной организации.

Единственным исключением в какой-то степени была жена Харро Шульце-Бойзена Либертас. Гестаповцы сыграли с ней злую шутку.

Еще на воле, в разгар подпольной работы, Либертас как-то сказала Адаму Кукхофу:

— Послушайте, Адам, что я хочу вам сказать. Может случиться всякое. Я мучительно боюсь, что не выдержу допросов в гестапо. То, что перенес Харро, мне никогда не вынести. Я просто боюсь, что подведу других...

— Но откуда у вас такие сомнения, Либертас? Почему вы думаете, что нас раскроет гестапо?

— Не знаю, Адам, не знаю... Но это так ужасно, когда люди теряют сознание от физической боли.

Кукхоф старался успокоить молодую женщину, но в ближайшую встречу с Харнаком и Шульце-Бойзеном рассказал им о разговоре с Либертас.

Харро был мрачен и молчалив. Говорил Арвид.

— Но что же нам делать? Либертас — одна из немногих, кто может проникать в высшие круги. Мы не можем отстранить ее от работы. Заменить ее некем. Как ни рискованно, она должна оставаться на месте.

На том и решили.

И вот Либертас Шульце-Бойзен в тюрьме. Она боялась смерти, боялась пыток. И не с кем перемолвиться словом, не у кого попросить совета. В камере появилась еще одна узница — рыжеволосая Гертруда Брайер. После ареста Ильзы Штёбе именно она, Брайер, поселилась в ее квартире и выдавала себя за Ильзу.

Началось с того, что Гертруда со слезами на глазах бросилась на шею к Либертас и стала рассказывать о себе, умоляла ее не проговориться гестаповцам. Гертруда сказала, что она уже полгода в тюрьме, ей грозит смертная казнь, но удалось кое-что сделать и опасность, кажется, миновала. Брайер давала Либертас советы. Если потребуется, она сможет передать на волю письмо. Но делать это надо осторожно, чтобы не подвести нужных людей. Либертас написала матери и, действительно, вскоре получила ответ. Снова написала матери, и мать ей снова ответила.

Конечно, эти письма сфотографировали, и следователь держал их в ящике своего стола. Наивная узница делилась с матерью сведениями, которые тотчас же становились известны следователям гестапо.

— Имейте в виду,— сказал ей Паннвиц, начальник следственного отдела гестапо,— мы знаем все. Не стройте из себя героиню, подумайте лучше, как сохранить себе жизнь.

В подтверждение он приводил ей факты, вычитанные из ее писем к матери.

Первый закрытый процесс начался 14 декабря 1942 года. В здании имперского военного суда в Берлине судили Ильзу Штёбе и Рудольфа фон Шелиа. Сквозь окна и двери не проникало ни звука, ни единого слова подсудимых или обвинителей. Но в пустом зале, где находились только судьи, охрана и подсудимые, продолжалась борьба, исход которой был известен заранее — только смерть.

Материалов этого процесса в архивах гестапо не сохранилось.

До нас дошли только обрывки сведений о трагических событиях, происходивших в те дни в судебном зале и в тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе.

За два дня до процесса Ильзе Штёбе разрешили свидание с братом и матерью. Последнее свидание. Ильза утешала мать и разговаривала с братом о том главном, что было для нее выше жизни. Тихим, как дыхание, голосом она назвала пароль и адрес, по которому нужно пойти и сказать, что Ильза никого не выдала, ничего не рассказала. Пусть будут спокойны. Через брата Ильза восстанавливала разорванную связь между звеньями ее подпольной группы. Группа должна работать! Как эстафету, как факел, зажженный от пылающего сердца, Ильза передавала брату завет — продолжать борьбу. Эрвин принял наказ сестры, выполнил все, что она просила. Он стал работать в подполье. Через полтора года его тоже арестовали и приговорили к смерти. Это было в конце сорок четвертого года, когда фашизм вместе с Гитлером доживал последние месяцы...

До нас дошли слова Альты, сказанные в тюрьме соседке по камере Клерхен Тухола. Избитая, в кровоподтеках, возвращалась она с допросов, на лицо ее нельзя было смотреть без содрогания. Но она находила в себе силы улыбнуться коммунистке Клерхен Тухола: «Сегодня они опять ничего от меня не добились».

Несколько раньше, когда Ильза услышала от соседки, что Красная Армия окружила под Сталинградом гитлеровское трехсоттысячное войско, глаза ее засветились радостным светом. Она сжала руку Тухола и прошептала: «Значит, и наша работа не пропала даром...»

Вероятно, заседание военно-полевого суда длилось всего один день. Вечером четырнадцатого декабря — Клерхен Тухола хорошо запомнила этот мрачный, пасмурный зимний день — Альта вечером пришла в камеру, легла ничком на тюремную койку и долго лежала, стиснув ладонями голову. Потом встала со строгим, отрешенным взглядом и сказала соседке: «Ну вот и все кончено — меня приговорили к смерти...» И снова умолкла. Тухола ни о чем ее не расспрашивала. Помолчав, Ильза заговорила снова: «В последнем слове я им сказала: «Я не совершила ничего несправедливого... Вы незаконно приговариваете меня к смерти...»»

Еще она сказала: «Я выдержала, Клерхен! Теперь можно сказать, что выдержала,— все позади... Своим молчанием я спасла жизнь по меньшей мере трем мужчинам и одной женщине...»

Одним из трех мужчин, о которых говорила Ильза Штёбе за несколько дней до казни, был человек, работавший в Москве, в германском посольстве. Он был рядом с ее Куртом, которому только в мыслях Ильза могла послать последнее слово привета.

Через несколько дней начался следующий процесс, тоже закрытый, но о нем удалось узнать больше. В пакете, присланном адвокатом Крумом, лежало несколько гестаповских донесений, которые вошли в обвинительное заключение. В одном из них давалась общая оценка подпольной организации. Это было секретное донесение в ставку Гитлера из отдела контрразведки имперского управления безопасности. В нем, в частности, значилось:

«О том, как опасна была эта группа, говорит то, что она имела связи в имперском министерстве авиации, верховном главнокомандовании вооруженных сил, в главном морском штабе, в министерствах экономики, пропаганды и иностранных дел, в Берлинском университете, в расовом политическом ведомстве, в берлинском городском управлении, в имперском ведомстве распределения рабочей силы... Арестованные были готовы всеми имевшимися в их распоряжении средствами поддерживать Советский Союз в его борьбе против Германии».

Второй процесс «Красной капеллы» начался сразу же, как только Ильзу Штёбе и Рудольфа фон Шелиа приговорили к смерти. Он происходил в том же доме на Шарлоттенбургштрассе, в том же зале с двойными звуконепроницаемыми дверями, и обвинение поддерживал все тот же прокурор Манфред Редер. Он буйствовал и кричал на подсудимых, и его голос, похожий на крик ночной птицы, переходивший вдруг в визгливые ноты, разносился в мрачной тишине зала.

Он обвинял людей в предательстве, в измене фюреру и народу, называл их действия ударом ножа в спину доблестным солдатам, которые осуществляют историческую миссию борьбы с большевиками...

— Кто они, эти люди, сидящие на скамье подсудимых? — патетически вопрошал Редер, обводя злым взглядом сидящих перед ним подсудимых. Манфред Редер изощрялся в непристойных инсинуациях, обливал подсудимых грязью, бессовестно клеветал на них, потому что таковы были указания Геринга — представить дело так, будто побуждающими мотивами их поступков были низменные чувства.

— Что он там говорит, этот человек?! Вы только послушайте! — Арвид Харнак возмущенно повернулся в сторону, где сидел Харро. Но полицейский приказал замолчать — подсудимым не полагается разговаривать.

На скамье подсудимых было двенадцать человек. Среди них три супружеских пары — Шульце-Бойзены, Харнаки и Шумахеры. Из женщин была еще Эрика фон Брокдорф. Это в их адрес бросал Редер грязные обвинения. Эрика фон Брокдорф сидела на передней скамье, вызывающе глядя на прокурора, порой улыбалась и бросала ему иронические реплики. Это была уничтожающая, разящая улыбка, в ней сквозило пренебрежение, гадливость, насмешка над прокурором — мелким и ничтожным человечишкой, злым, как скорпион. Подсудимая Эрика фон Брокдорф выводила Редера из себя своей улыбкой. В нем накапливалось раздражение...

— Что вы улыбаетесь?! — зло выкрикнул он.— Погодите! Скоро вам будет не до смеха!..

— Я буду смеяться, пока вижу вас, господин прокурор! — Эрика вскинула голову и снова рассмеялась.

Обвиняемую фон Брокдорф удалили из зала заседаний суда за оскорбление прокурора. Она шла под охраной двух полицейских, и на ее красивом лице не гасла уничтожающая улыбка.

Арвид Харнак тоном профессора, читающего студентам лекции, говорил в последнем слове о побуждающих мотивах своих поступков, о своем отношении к нацистской государственной системе.

— Да,— говорил он тихим, усталым голосом,— я признаю себя противником национал-социалистской системы Германии и не раскаиваюсь, что вел борьбу с этой системой всеми доступными мне средствами...

Борьба с гитлеровским режимом и сейчас остается главной целью моей жизни. Я считаю, что только идеалы Советского Союза могут спасти мир, я не отказываюсь от своих коммунистических взглядов...

Этими словами Арвид Харнак закончил свою защитительную речь.

Харро Шульце-Бойзену не позволили закончить его последнее слово. Но он успел высказать сожаление, что слишком поздно понял, как близки ему идеи коммунистов, сказал, что сейчас он с полной убежденностью признает и подтверждает свои коммунистические убеждения. Затем он заговорил о Гитлере, о бездонной пропасти, в которую тот толкает Германию. На этом судья Крелль и оборвал подсудимого. Харро продолжал говорить, но полицейские по сигналу судьи выволокли его из зала заседаний.

После Харро Шульце-Бойзена говорил Хорст Хайльманн, почти мальчик. Он волновался и очень хотел, чтобы его поняли.

— Если меня приговорят к смерти, я бы хотел умереть вместе с Харро,— сказал он.— И пусть меня похоронят с ним рядом... Я сожалею, что Харро не слышит этих моих последних слов... Благодарю судьбу, которая свела меня с таким прекрасным, самоотверженным человеком...

В юношеской непосредственности Хорст Хайльманн до последнего дыхания оставался верен и предан своему наставнику.

Суд удалился на совещание, и вскоре председатель доктор Крелль в сопровождении Муссхофа и вице-адмирала Арндса — членов военно-полевого суда — возвратился в зал заседаний. Доктор Крелль предупредил, что он огласит только заключительную часть приговора. Что касается полного текста, обвиняемые получат его позже. Председатель Крелль стоял в судейской мантии на возвышении, заслоняя своей фигурой высокое резное судейское кресло с изображением орла и свастики. Объявление приговора заняло всего две-три минуты:

«Обвиняемых обер-лейтенанта Харро Шульце-Бойзена, стрелка Курта Шумахера, солдата Хорста Хайльманна и лейтенанта Герберта Гольнова за попытку совершить государственную и военную измену, за подрыв военной мощи и шпионаж приговорить к смертной казни, к лишению прав служить в вооруженных силах, а также к бессрочному лишению гражданских прав.

Обвиняемых доктора Арвида Харнака, Либертас Шульце-Бойзен, Элизабет Шумахер, Ганса Коппи, Иоханнеса Грауденца и Курта Шульце за попытку к совершению государственной измены, за пособничество врагу и шпионаж приговорить к смертной казни и бессрочному лишению гражданских прав. Ганс Коппи, кроме того, лишается права служить в вооруженных силах.

Эрика фон Брокдорф приговаривается к тюремному заключению сроком на десять лет.

Милдрид Харнак приговаривается к тому же наказанию сроком на шесть лет...»

Либертас, услышав о смертном приговоре, вскочила с расширенными глазами, пытаясь что-то сказать, и упала, потеряв сознание... Остальные выслушали приговор молча. Ганс Коппи, усмехнувшись, громко сказал:

— Больше всего я огорчен тем, что мне запретили служить в армии фюрера...

Послышался смех.

Доктор Крелль растерянно повернулся к коменданту суда:

— Очистить зал от осужденных... Приговор вынесен! — произнес он.

Сразу после заседания доктор Крелль, как было приказано, поехал к рейхсмаршалу Герингу. Рейхсмаршал нетерпеливо ждал исхода процесса и встретил доктора Крелля возгласом:

— Где же это вы так долго пропадали? Ну как?..

Председатель суда положил на стол перед Герингом приговор.

— Это все?..— спросил Геринг.

— Пока все... Я огласил только приговор военно-полевого суда, все обоснования будут даны позже... Приказано было поторопиться.

— В общем-то сейчас это не так уж важно,— согласился Геринг и принялся читать приговор. Вдруг он вскочил:

— Что такое?! Жен преступников не приговорили к смерти!.. Имейте в виду, фюрер не утвердит такой приговор.

— Не было достаточных оснований, господин рейхсмаршал...

— Какие вам нужны основания!.. Фюрер ясно сказал — каждый должен умереть, если на него ляжет хотя бы тень подозрения... Будете расхлебывать сами...

Доктор Крелль уехал огорченный. Надо бы действительно осудить всех этих крикунов,— думал он.

Приговор отправили в имперскую канцелярию, и адъютант Гитлера полетел в Регенсбург, в ставку фюрера, чтобы доложить лично об исходе процесса. Геринг был прав — Гитлер отказался утвердить приговор в части, касавшейся Милдрид Харнак и Эрики фон Брокдорф. Он вызвал секретаршу и продиктовал свое решение. Оно звучало как оперативный военный приказ.

«Резиденция фюрера. 21 декабря 1942 года.

I

Я утверждаю приговор имперского верховного военного суда от 14 декабря 1942 года

бывшему государственному советнику Рудольфу фон Шелиа и редактору Ильзе Штёбе,

а также приговор имперского верховного военного суда от 19 декабря 1942 года обер-лейтенанту Харро Шульце-Бойзену и другим, за исключением части, касающейся Милдрид Харнак и графини Эрики фон Брокдорф.

II

Прошения о помиловании отклоняю.

III

Приговоры Рудольфу фон Шелиа, Харро Шульце-Бойзену, Арвиду Харнаку, Курту Шумахеру и Иоганнесу Грауденцу привести в исполнение через повешение. Остальные смертные приговоры привести в исполнение через обезглавливание.

Приказ о проведении в исполнение приговора Герберту Гольнову будет отдан мною особо.

IV

Приговор имперского верховного военного суда от 19 декабря 1942 года госпоже Милдрид Харнак и графине Эрике фон Брокдорф отменяю. Пересмотр дела поручить другой коллегии имперского верховного военного суда.

Подлинник подписал: Адольф Гитлер.

Начальник штаба верховного командования вооруженных сил Кейтель».

В немецких архивах удалось найти и сам приговор военно-полевого суда по делу первой группы подпольщиков-антифашистов во главе с Харро Шульце-Бойзеном и Арвидом Харнаком. Судя по дате, он был оформлен и подписан только 5 января 1943 года — через две недели после казни осужденных по этому приговору. Палачи торопились. Сначала казнили, потом оформили приговор. Он был отпечатан всего в пяти экземплярах. Один из них и сохранился до наших дней.

Нет нужды приводить его полностью, я опускаю второстепенные места, ссылки на всевозможные параграфы германского уголовного кодекса, тем более что они повторяются в отношении каждого из осужденных.

Судила антифашистов вторая коллегия имперского верховного военного суда в составе генерала Мусхофа, вице-адмирала Арндса и генерал-майора Штрутцера под председательством доктора Крелля. Обвинителем был прокурор Манфред Редер.

Вот что было записано в приговоре военного суда:

«Существо дела:

часть обвиняемых принадлежала к запрещенной КПГ, что привело их в 1933 году в ряды оппозиции к национал-социалистскому государству... Сначала они печатали небольшие статьи, затем перешли к печатанию и распространению листовок с ярко выраженной коммунистической направленностью.

Когда в 1939 году был заключен пакт о ненападении между Германией и Россией, их деятельность была временно прекращена. Однако с началом похода против России обвиняемые возобновили активную деятельность... Был издан и распространен ряд подстрекательских брошюр. Расчет делался на то, что эти брошюры дойдут до широких слоев населения — рабочих, интеллигенции, полиции и вооруженных сил. Наряду с этим группой была установлена непосредственная связь с Москвой.

Вина отдельных обвиняемых:

обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, тридцати трех лет, родился в Киле. Отец его капитан второго ранга Эрих Шульце, мать Мария Луиза, урожденная Бойзен. Дед обвиняемого и его крестный отец был гросс-адмирал фон Тирпиц.

Харро Шульце-Бойзен никогда не служил честно национал-социалистскому государству... Он нашел себе единомышленников в лице супругов Шумахер, а также девицы Пельпиц и бывшего коммуниста Кюхенмайстера.

В начале 1938 года деятельность кружка расширилась, в него были вовлечены балерина Ода Шоттмюллер, писатель Кукхоф, доктор Пауль. В начале 1938 года, во время войны в Испании, обвиняемый узнал из служебных источников о подготовлявшемся при участии германской секретной службы восстании против местного правительства красных в районе Барселоны. Эти сведения с помощью фон Пельпиц он передал советскому посольству в Париже.

Весной 1941 года обвиняемый написал листовку «Наполеон Бонапарт», подрывная сущность которой заключалась в изощренном противопоставлении высказываний и поступков Наполеона и фюрера Адольфа Гитлера...

Наиболее резкой и злобной была листовка «Будущее Германии в опасности». Война называлась здесь

проигранной, будущее сомнительным. Делался призыв к неповиновению и открытому восстанию.

Перед началом войны обвиняемый установил связь с Москвой и получил радиопередатчик. Он собирал секретную информацию, которую передавал доктору Арвиду Харнаку. Среди переданных им сведений, составлявших военную и государственную тайну, была информация о состоянии германской авиации перед началом войны с Россией.

В течение 1942 года он передал в Москву, что следует ожидать германского наступления на Кавказ в направлении на Майкоп, о раскрытии на Балканах английской разведывательной организации, о захвате советского радиошифра при взятии Петсамо на советско-финском фронте, о сроке и месте приземления немецких парашютистов-десантников под Ленинградом, о предстоящем использовании в войне отравляющих веществ, о составе военно-воздушных сил и производстве вооружения.

Кроме этого обвиняемый Харро Шульце-Бойзен передавал в Москву другие сведения через радиста Ганса Коппи, привлеченного по данному делу.

Когда обвиняемому стало известно, что германская контрразведка раскрыла английский шифр, с помощью которого британское морское ведомство сообщало об отправке морских конвоев в Мурманск, Шульце-Бойзен передал эти сведения через обвиняемого Грауденца советскому агенту разведывательной службы.

Обвиняемый утверждал, что он всегда был сторонником взаимопонимания между Германией и Россией, хотел служить делу установления мира и не имел намерения совершать государственную измену.

Исходя из всего вышеизложенного, обвиняемый обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен должен быть осужден по статье 57 уголовного кодекса, которая в военное время предусматривает единственную меру наказания — смертную казнь.

Либертас Шульце-Бойзен, двадцати девяти лет. Отец — профессор Хаас-Хайе, мать — графиня Тора Ойленбург. С 1933 года работала ассистентом по печати в кинокомпании «Метро Голдвин Мейер», затем проходила трудовую повинность в продолжение по-

лугода. В это время обручилась с Харро Шульце-Бойзеном. В 1940 году обвиняемая поступила сотрудницей газеты «Эссенер националь-цайтунг», затем перешла в германское управление культуры. Либертас Шульце-Бойзен знала о попытках ее мужа установить связь с Москвой, подыскивала квартиры для радиопередач.

Арвид Харнак, сорока одного года. Родился в Дармштадте. С 1926 по 1928 год учился в Соединенных Штатах, в Медиссонском университете, где познакомился с Милдрид Фиш. В апреле 1935 года поступил в имперское министерство экономики, где ему было присвоено звание старшего государственного советника.

Обвиняемый привлек к подпольной работе лейтенанта Герберта Гольнова. Он еще до войны установил радиосвязь с Москвой. В его доме одно время находился действующий радиопередатчик. В середине текущего года доктор Арвид Харнак сообщил в Москву, что германское наступление на восточном фронте следует ожидать в направлении на Баку...

Герберт Гольнов, тридцати одного года, родился в Берлине, железнодорожный служащий. В 1940 году призван в армию. При содействии Харро Шульце-Бойзена переведен во второе управление заграничной службы контрразведки. Работал референтом по саботажу и диверсиям на восточном фронте.

По личному умыслу подсудимый Гольнов избавлял от наказания русских военнопленных, переводя их в другой лагерь. Пленные должны были подвергнуться расстрелу за участие в организации подпольных коммунистических ячеек...

Хорст Хайльманн, девятнадцати лет. Учился в Галле. Отец был городским советником по строительству. В 1940 году обвиняемый Хайльманн сдал на аттестат зрелости в Берлине и стал учиться в университете на факультете страноведения. В августе 1941 года добровольно вступил в армию, в запасный батальон связи в Штансдорфе, и направлен в школу переводчиков контрразведки. В начале марта следующего года переведен в отдел дешифровки службы контрразведки.

Практическими занятиями на факультете стра-

новедения руководил обвиняемый Харро Шульце-Бойзен, который ввел студента Хайльманна в свою семью. Жена Шульце-Бойзена — Либертас предложила Хайльманну писать курсовую работу «Крестовый поход против Москвы». Под влиянием Шульце-Бойзенов обвиняемый изменил свои нацистские убеждения.

Курт Шумахер, тридцати семи лет, родился в Штутгарте. Отец — редактор, социал-демократ. Обвиняемый четыре года учился в школе изобразительного искусства, занимался резьбой по дереву.

7 июня 1941 года Курт Шумахер был призван в армию, служил в Познани, оттуда переведен в Берлин. С Харро Шульце-Бойзеном знаком еще с 1929 года, состоял в его группе. Будучи призванным в армию, распространял нелегальные листовки среди солдат. Дал согласие передавать в Москву секретную информацию, имел передатчик. Скрывал на своей квартире советского парашютиста Хесслера. Что особенно предосудительно — встречался с парашютистом у своей военной казармы...

Элизабет Шумахер. Тридцати восьми лет. Отец — главный инженер электрокомпании АЕГ. Обвиняемая помогала мужу в его нелегальной работе. Пересылала ему в армию листовки, написанные тайнописью. Весной 1941 года от советского агента получила радиокод и передала его своему мужу. Элизабет Шумахер скрывала и кормила прибывшего советского парашютиста Хесслера в своей квартире. Хранила в доме его радиопередатчик почти до своего ареста. В августе 1942 года передала Хесслеру чемодан для военной одежды, в которой радист прыгал с советского самолета на парашюте в немецкий тыл...

Ганс Коппи. Двадцати шести лет, родился в Берлине. Отец — художник. Обвиняемый занимался разными работами — был батраком, подсобным рабочим на машиностроительном заводе Макса Эмке в Тегеле, затем стал шофером. В 1934 году, в возрасте восемнадцати лет, арестовывался за принадлежность к запрещенной коммунистической партии. Был приговорен к одному году тюрьмы. После выхода из тюрьмы снова арестовывался за распространение нелегальных листовок.

Весной 1939 года обвиняемый восстановил свои старые связи по комсомолу. Ганс Коппи входил в группу Шульце-Бойзена в качестве радиста, занимался распространением листовок. Так, весной 1942 года он с женой расклеил 35 листовок в районе Веддинг в Берлине.

За день до войны в квартире Курта Шумахера обвиняемому Гансу Коппи передали радиопередатчик. В то же время на станции Дейчландхалле Коппи получил второй передатчик. Через арестованного Хуземана Коппи познакомился с шофером Шульце и получил от него еще один передатчик, с помощью которого установили связь с Москвой. В августе 1942 года советский парашютист доставил ему еще один, четвертый радиопередатчик...

Курт Шульце, сорока восьми лет. Он был седьмым из десяти детей пекаря из Померании Германа Шульце. В мае 1916 года призван в армию, служил в морском флоте в Киле на крейсере «Штутгарт» радиотелеграфистом.

После войны в 1920 году работал шофером, владел собственным гаражом и продолжал работать шофером вплоть до ареста.

В 1941 году обвиняемый встретился с Гансом Коппи, которого обучал работать на передатчике. Встречались они на квартире Эрики фон Брокдорф. В 1941 году арестованный по настоящему делу Хуземан получил и передал Коппи сведения о производстве трассирующих боеприпасов на фирме «Бергман» в Бернау, о военном заводе в Саксонии, изготовлявшем бронебойные противотанковые патроны.

В 1942 году Ганс Коппи передал сообщение о том, что под Севастополем установлены тяжелые береговые орудия для штурма советской крепости.

Эрика фон Брокдорф. Тридцати одного года, родилась в Кольберге. В 1941 году Ганс Коппи принес в квартиру Эрики фон Брокдорф передатчик, который ремонтировал в ее присутствии вместе с арестованным Беме. В начале сентября 1942 года Ганс Коппи привел в ее квартиру советского парашютиста Хесслера. Хесслер просил обвиняемую разбудить его в 4 часа 30 минут для того, чтобы установить радио-

связь с Москвой. Это поручение обвиняемая выполнила.

9 сентября 1942 года, незадолго до своего ареста, обвиняемая фон Брокдорф вынесла в своем портфеле передатчик и на углу Лейбницштрассе передала его жене Ганса Коппи...

Иоханнес Грауденц. Пятидесяти шести лет. Родился в Данциге в семье шорника. Девятнадцати лет уехал в Англию, работал кельнером в Англии, затем во Франции и Швеции. В 1908 году вернулся в Германию. В 1916 году стал работать в телеграфном агентстве «Юнайтед пресс оф Америка». Впоследствии работал руководителем отделения этого агентства, затем был корреспондентом в Москве...

Предоставлял свою квартиру для Ганса Коппи, который поддерживал радиосвязь с Москвой.

Обвиняемый передавал разведывательные данные Шульце-Бойзену. В частности, сообщил ему о мерах противовоздушной защиты Берлина, о продукции одного из военных заводов Баварии, о производстве завода синтетического каучука в Ганновере и Харбурге, данные о выпуске самолетов германской авиационной промышленностью. Сведения получал через архитектора Хеннигера, работавшего в министерстве военно-воздушного флота.

Обвиняемый через промышленника Меллана намеревался передать в Англию сообщение о том, что британский код для связи с морскими транспортами, идущими в Россию, расшифрован германской секретной службой».

В тот день, когда на Шарлоттенбургштрассе только начались заседания верховного военного суда, в тюрьме Плетцензее стали готовиться к казням. Участь подсудимых была уже предрешена, твердо и бесповоротно. Суд являлся только юридической формальностью. Но в Плетцензее никому, даже начальнику тюрьмы, не было известно, для кого ведутся эти мрачные поспешные приготовления.

Во дворе тюрьмы, между главным зданием и высокими коваными воротами, выходившими на улицу, стоял одноэтажный кирпичный дом, предназначав-

шийся когда-то для спортивных занятий солдат тюремной охраны. Здесь и оборудовали место казни.

Когда Геринг восстановил в Германии средневековые методы казни и осужденным стали рубить топором головы, ввели еще одно новшество — гильотину. «Новшество», взятое из времен позапрошлого века! Казнь под ножом гильотины происходила молниеносно — в одиннадцать секунд. Адольфу Гитлеру такая смерть показалась слишком легкой карой. Охваченный мстительным чувством, он назначил для осужденных другую, более мучительную смерть: осужденные должны были погибать на виселице, задыхаться в петле. Фюрер приказал исключение сделать только для женщин — им рубить головы на гильотине.

Во исполнение секретного приказа начальник тюрьмы Плетцензее и распорядился оборудовать в бывшем спортивном зале все, что необходимо для казни. Делалось это обстоятельно и деловито. В тюремный флигель пришли рабочие с инструментами, с бутербродами, завернутыми в бумагу, чтобы поесть, не отрываясь надолго от работы. Привезли материалы — длинный рельс, крючья, болты, скобы, сделанные строго по чертежам. Доставили тес, рулоны черной бумаги... Мастеровые закрепили рельс под потолком, приладили крючья, как в мясной лавке,— восемь крюков, каждый в центре кабины, сколоченной из струганых тесин, повесили черные шторы, отделяющие кабины от зала, в центре которого стояла гильотина. Через три дня все было готово.

ГЛАВА VIII

РЕКВИЕМ

Давным-давно, вскоре после войны, когда мы еще очень мало знали о подпольщиках группы Шульце-Бойзена — Харнака, судьба свела меня с тюремным священником Гарольдом Пельхау. Вероятно, он был единственным доступным свидетелем последних часов жизни этих людей, приговоренных к смерти.

Я пришел в дом священника, недалеко от тюрьмы Плетцензее. Ждать его пришлось довольно долго. Женщина, которая встретила меня у входа, сказала, что священник ушел куда-то по делам и обещал вскоре вернуться. Она предложила пройти в комнаты или посидеть в саду. Я предпочел побыть на воздухе, чтобы собраться с мыслями, подготовиться к разговору, который меня так волновал.

Священник Пельхау встретил меня радушно, пригласил подняться в его кабинет, заставленный полками с очень старыми книгами в кожаных тисненых переплетах. У Гарольда Пельхау были добрые печальные глаза, тихий голос, и он как-то сразу располагал к себе собеседника. Мы говорили с ним долго. Чтобы не нарушать течения беседы, не отвлекать его внимания, я почти не вел записи. Сделал это позже, вернувшись домой. Просидев до рассвета, я восстанавливал детали, стиль рассказа священника Гарольда Пельхау. Вот что рассказал мне тогда тюремный священник из Плетцензее:

«Я хорошо помню тот мрачный холодный день перед рождеством Христовым, когда в тюрьме Плетцензее начались первые казни приговоренных к смерти по делу «Красной капеллы»... После этого

было еще много таких же процессов, военно-полевые суды в продолжение долгих месяцев разбирали дела подпольщиков, а смертные приговоры приводились в исполнение до самого конца 1943 года. Последний суд, если мне не изменяет память, происходил в октябре. Сейчас никто не может сказать точно, сколько несчастных погибло под ножом гильотины, сколько было повешено, сколько покончило жизнь самоубийством. Законы христианской морали осуждают самоубийц, нарушивших единовластное право всевышнего распоряжаться человеческой жизнью. Но я не вправе их строго судить за то, что они ускорили неминуемый приговор, чтобы избавиться от адских мучений или из боязни ослабеть духом и сделать признания, которые не должны были услышать их судьи. Потому я причисляю и этих несчастных к осужденным на смерть.

По моим сведениям, по главным процессам казнено больше семидесяти человек. Но какая разница между главными и второстепенными военно-полевыми судами? И там, и здесь людей приговаривали к смерти. Я знаю одно и могу свидетельствовать перед богом, что берлинские тюрьмы были переполнены. Потом заключенных оставалось все меньше. Может быть, не всех уводили на казнь, может быть, иных посылали в концентрационные лагеря, но и оттуда мало кто возвращался к семьям, к своим очагам.

В моей памяти сохранилось много тяжелого, я проводил с обреченными последние часы их жизни и, по зову собственной совести, по своему долгу священнослужителя, обязан написать книгу о величии человеческого духа, которую назову «Последние часы» А сейчас я расскажу вам то, что глубже всего запало в мою память.

Перед рождеством 1942 года в Плетцензее казнили одиннадцать человек, среди них было три женщины. Предстоящая казнь была окружена непроницаемой тайной Власти не предупредили даже меня, тюремного священника, которому надлежит выполнить христианский долг и напутствовать уходящих из жизни. Я случайно узнал о предстоящем печальном событии и поспешил в тюрьму Плетцензее. Был пасмурный, унылый день, дул холодный ветер, и на

улицах мела поземка. Я подошел к безобразному зданию тюрьмы, окруженному высокими стенами, и увидел, как осужденных выводили из машин и под охраной вели в камеру смертников. Было около двух часов дня. С этого времени и до момента казни в продолжение почти семи часов я находился среди обреченных.

Их провели в третье отделение тюрьмы и каждого поместили в одиночную камеру смертников. На улице было так сумрачно, что в коридоре и камерах раньше времени зажгли свет. Двери камер оставались распахнутыми, чтобы охране легче было наблюдать за осужденными. Каждому разрешили написать последнее перед смертью письмо, раздали бумагу — тюремные бланки, принесли чернила. Я ходил из камеры в камеру, тихо здоровался, спрашивал, могу ли быть чем полезен, не хотят ли узники сообщить что-то своим родным. Мой духовный сан позволял мне оставаться с ними наедине, и я стремился влить в их души смирение и бодрость перед ожидавшим их испытанием. Но мои слова оказались ненужными. Осужденные держались спокойно, вступив уже в состояние отрешенности, готовые перешагнуть границу между жизнью и смертью.

Может быть, единственное исключение составляла Либертас Шульце-Бойзен, которая, не находя себе места, беззвучно рыдала, заламывая руки. Ее я посетил первой. Мои слова долго не достигали ее слуха. Либертас что-то шептала, принималась писать письмо, потом снова начинала рыдать, уронив голову на руки. Потом она стала прислушиваться к моим словам и вдруг заговорила сама... Кроме близости смерти ее угнетало еще что-то другое. В порыве отчаяния она призналась мне, что тревожило ее душу. «Кому, кому можно верить?! Сегодня мне сказали, что Гертруда Брайер, с которой я подружилась, которой доверилась в тюрьме,— сотрудница гестапо... Зачем они сказали мне об этом!»

Да, это было жестоко — сказать Либертас перед смертью, сказать, чтобы окончательно добить, поразить ее в самое сердце. Об этом написала она матери в предсмертном письме и дала прочитать мне. Позже мне удалось собрать почти все письма, написанные

осужденными в тот беспросветный декабрьский день...»

Священник Пельхау достал из кармана ключ, отпер ящик письменного стола, достал из него пачку писем и нашел среди них письмо Либертас. Позже с разрешения тюремного священника я переписал многие из писем.

«Мне пришлось до конца испить чашу страданий,— писала Либертас,— и узнать, что человек, которому я так доверяла,— Гертруда Брайер предала нас — тебя и меня».

«В моих воспоминаниях,— говорил священник Пельхау,— доктор Арвид Харнак встает как живой. С ним, как и со многими другими узниками, я встречался раньше, еще в то время, когда он находился под следствием, и поэтому нам легче было разговаривать в его последнем пристанище, в камере смертника. Он встретил меня мягкой задумчивой улыбкой, как доброго знакомого. Доктор Харнак начал с того, что попросил меня прочитать ему стихи Гёте. «Лучше из «Фауста»,— сказал он,— из «Посвящения», если вы помните...» Я помнил начало:

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О будь, что суждено!

Арвид Харнак задумчиво слушал, и на его лице блуждала улыбка далеких воспоминаний... Он сказал мне, что всегда был готов умереть за свои убеждения, но, к сожалению, этой жертвой Германия не будет спасена, режим не будет сломлен. Он считал, что душа немецкого народа опустошена Гитлером и его приспешниками... Он сказал, что последней книгой, которую еще утром читал в тюрьме, была книга Платона «Защита Сократа». До последнего часа Арвид Харнак оставался ученым, исследователем. Он просил меня позаботиться о судьбе его записок, которые делал в тюрьме. Они были посвящены проблемам плановой экономики.

Затем он понизил свой голос до едва слышного шепота и попросил оказать ему последнюю услугу.

«Во время допросов,— сказал он,— меня часто спрашивали о моем брате Эрнсте. Я прошу вас, передайте ему, что жизнь его находится под угрозой, посоветуйте ему скрыться за границу, если он знает за собой какую-то вину».

Позже я выполнил просьбу доктора Харнака. Эрнст не был связан с процессом «Красной капеллы» и не послушался совета брата. Это было его роковой ошибкой. Через полтора года Эрнста Харнака тоже арестовали, и его постигла та же участь, что и Арвида и его жену Милдрид.

Я покинул камеру Харнака, чтобы оставить его наедине с письмом, которое он начал писать родным. В этом письме он повторил мысли, которыми делился со мной в ту последнюю встречу. Он писал:

«Мои дорогие! Через несколько часов я распрощаюсь с жизнью. Хочу поблагодарить вас за любовь, проявленную вами, особенно в последнее время. Мысль об этой любви помогла мне перенести много тяжелого. Я спокоен и счастлив... Я думаю о величии природы, с которой мы связаны. Сегодня утром я громко прочитал стихи «Солнце сияет, как всегда...» Но я, конечно, прежде всего думаю о том, что человечество находится на подъеме. Все это придает мне силы... Сегодня вечером я еще устрою небольшой предрождественский праздник и прочитаю сам себе лекцию по истории рождества. Потом наступит расставание с жизнью... Мне бы хотелось повидать вас, но, к сожалению, это невозможно сделать. Мысли же мои постоянно со всеми вами, я никого из вас не забываю. Вы должны это чувствовать, особенно мать. Я обнимаю вас и целую. Ваш Арвид.

Рождество вы должны отпраздновать по-настоящему. Это мое последнее желание».

К Харро Шульце-Бойзену я вошел в тот момент, когда он заканчивал письмо к родным. Несомненно, он был вдохновителем «Красной капеллы», ее руководителем. У меня сложилось впечатление, что в последние часы своей жизни он не думал ни о помиловании, ни об отмене приговора. Он держался удивительно спокойно, но чувствовалось по всему, что внутренне был крайне ожесточен тем, что его самого и то движение, которое он возглавлял, постигла такая

судьба. Харро сдержанно рассказал, что свое последнее слово на суде он начал резким протестом против методов допроса, применявшихся против него и его товарищей. За это его лишили слова, и он не смог сказать судьям того, что он о них думал. Свои последние мысли, свою необычайную стойкость Харро выразил в своем письме, написанном на тюремном бланке.

«Вот скоро и все. Через несколько часов покину собственное «я». Я совершенно спокоен и прошу стойко принять это известие. Сейчас в мире происходят такие события, что одна угасшая человеческая жизнь не так уж много значит. О том, что́ было, что́ я думал, не хочу писать. Все, что я делал, делал по велению своего разума, сердца, по своему убеждению...

Такая смерть мне подходит. Я как-то всегда предчувствовал, что она будет именно такой... Уверен, что время смягчит ваши страдания. Я только передовой боец в моих еще не всегда ясных стремлениях. Верьте вместе со мной в справедливое время, которое наступит.

Я думаю о последнем взгляде отца и буду помнить его до последней минуты. Думаю о слезах моей дорогой маленькой мамы, которая прольет их на рождество...

Если бы вы были здесь со мной, вы бы увидели, как я с улыбкой гляжу в лицо смерти. Я уже давно ее преодолел. В Европе стало обычным поливать кровью духовные посевы. Может быть, мы были только чудаками в жизни, но перед лицом смерти имеем право высказывать какие-то свои личные иллюзии.

Ну, а теперь я жму всем вам руки и здесь роняю одну-единственную слезу, как знак и символ моей любви к вам. Ваш Харро».

До конца дней своих,— продолжал священник,— я не перестану поражаться величию духа людей, с которыми я провел последние часы их жизни в тюрьме Плетцензее. В то утро Харро Шульце-Бойзен написал стихи и спрятал их в камере, перед тем как его увели на казнь. Он завещал их соседу по камере, который, уходя на казнь, передал их другому узнику. Последний узник, знавший о стихах Шульце-Бой-

зена, вернулся после войны в Берлин и среди развалин тюрьмы на Принц-Альбрехтштрассе нашел стихи-завещание Шульце-Бойзена.

Вот несколько строф из его предсмертных стихов:

Сирены вой в тумане
И стук дождя в стекло —
Все призрачно в Германии,
А время истекло...
Да, жизнь была прекрасна...
За горло смерть берет,
Но смерти неподвластно,
Что нас влекло вперед.
Не убеждают правых
Топор, петля и кнут.
А вы, слепые судьи,—
Вы не всевышний суд!

Если мне не изменяет память, рядом с камерой Харро Шульце-Бойзена ждала своей участи Ильза Штёбе. Я хорошо ее помню. Это была красивая, умная молодая женщина, умевшая логически мыслить. К сожалению, ее предсмертное письмо не сохранилось полностью. Ильза Штёбе писала матери, которую в наказание за дела дочери послали в Равенсбрюк, в концентрационный лагерь. Там письмо затерялось, остался только обрывок, который дошел до нас. Письмо ее тоже датировано последним днем жизни — 22 декабря 1942 года.

«Моя дорогая мама! — писала Ильза.— Благодарю тебя, мамочка, за исполнение моих последних желаний. Не печалься, в таких случаях не место трауру... И не носи, пожалуйста, никакого черного платья!»

Ганса Коппи я почти не помню, но он тоже был среди приговоренных к смерти. У меня осталось больше впечатлений о его жене Хильде, которую также приговорили к смерти. В тюрьме у нее родился ребенок, и ей разрешили его кормить, потом тоже казнили. Она умерла через полгода после смерти мужа.

Хильду Коппи арестовали, когда она ждала ребенка. Ее содержали в женской тюрьме на Барнимштрассе, и в ноябре 1942 года у нее родился сын, она назвала его по имени отца Гансом. Я часто навещал ее в тюрьме и хорошо знал ее жизнь. Два раза в ме-

сяц супруги могли обмениваться письмами, как это предусмотрено тюремными правилами, но Ганс Коппи написал всего три письма. Что касается Хильды, то она писала чаще, писала мужу, когда его уже не было в живых. Ей ничего не сказали о смерти мужа. У меня сохранилось несколько ее писем, полных трагических переживаний за свою судьбу, судьбу сына и мужа, которого она считала живым. Вот что написал Ганс Коппи вскоре после своего ареста:

«Я с ужасом думал о твоем состоянии, когда узнал, что ты тоже должна разделить мою участь... Тогда я подумал, что ты такого не переживешь. Но все сложилось иначе. Твоя беременность сделала тебя более спокойной, и это распространилось на меня, тоже внушило мне спокойствие, которое было так нужно нам обоим. Я не представлял себе, что забота о будущем может придавать человеку столько силы».

Хильда знала, что должна умереть, но перед смертью ей предстояло дать жизнь другому существу, она должна была родить здорового ребенка. Одно сознание этого поднимало мужа и жену над тягостным и мучительным настоящим. «Разве не следует нам воспользоваться мгновеньями счастья, которое нам подарила судьба»,— написал Ганс Коппи. Это было последнее его письмо, последние минуты счастья в жизни, когда он узнал о рождении своего ребенка. Через десять дней он предстал перед военно-полевым судом, и еще через несколько дней, в канун рождества, приговор был приведен в исполнение.

А Хильда с нетерпением считала дни, ждала часа, когда сможет сесть за письмо к любимому человеку. 20 января 1943 года Хильду вызвали в военно-полевой суд и приговорили к смерти. А женщину тревожило, что заседание суда затягивается и она не может вовремя покормить сына... Возвратившись в тюремную камеру, она написала мужу:

«Ты можешь себе представить, что я пережила в эти часы! Какое счастье, что со мной маленький Гансик, и ради него я должна держать себя в руках! Но мысль о разлуке с моим сыном повергает меня в отчаяние. Я думаю, что для матери нет более страшной пытки, чем разлука ее с ребенком».

Она подала ходатайство о помиловании, ждала, что в судьях заговорит человечность, но этого не случилось: ее казнь была только отсрочена. Но и такое известие Хильда восприняла как дар неба. Она вся была поглощена заботами о ребенке. В марте ее постиг еще один удар: ей сообщили, что мужа уже давно казнили. Теперь она пишет матери, тревожится за судьбу сына: мать написала, что гестапо по приговору суда конфисковало их маленький домик в Борзигвальде. «А мне так хотелось, чтобы мой ребенок рос там, где его родители были так счастливы...»

Родные узницы заботятся о ребенке, присылают ей детскую одежду, но отсрочка казни подходит к концу. «Не присылайте мне больше ничего,— пишет она,— я не знаю, как долго еще останется со мной Ганс. А потом, потом... И все же я рада, даже здесь, в тюрьме, радуюсь каждому дню, который могу провести с моим мальчиком. Малыш тоже рад этому, он много смеется, так почему же мне плакать...»

А вот последнее ее письмо:

«Мама моя, дорогая, любимая моя мамочка! Вот скоро нам и придется проститься навсегда. Самое тяжелое — расставание с моим маленьким Гансиком — позади. Сколько счастья он мне принес! Я знаю — он в твоих любящих, надежных материнских руках, и я могу быть за него спокойна... Ради него, мамочка, обещай сохранить мужество... Маленький Ганс, таково мое желание, пусть будет сильным и стойким, с открытым, добрым, готовым всегда помогать людям сердцем и таким же честным, как его отец. «Лишь устремленному вперед наградой может быть свобода!» — говорил Гёте...»

Хильду Коппи казнили летним солнечным днем в Плетцензее, и я сопровождал ее до места казни, стремясь помочь ей сохранить мужество души. Она умерла спокойно и гордо...»

Помолчав, Гарольд Пельхау продолжал:

— Но вернемся к тому холодному декабрьскому дню... Мне запомнились еще две прощальные встречи в камерах смертников. Двери, как я говорил, были во всех камерах распахнуты, но я стучал костяшками пальцев о косяк, прежде чем войти в камеру. Точно так же я вошел в художнику Курту Шумахеру, вы-

сокому блондину с приятным открытым лицом. Он всегда производил на меня впечатление своим жизнелюбием и чувством юмора, которое, казалось, никогда его не покидало. Он не терпел насилия над своим духовным «я» и отказался писать последнее письмо, не желая, чтобы оно попало в руки людей, которых презирал. Но письмо свое он все же написал и спрятал в камере на Принц-Альбрехтштрассе в гестаповской тюрьме. Оно сохранилось и тоже дошло до наших дней.

«У меня отобрали большой, написанный на двух сторонах листок — мое единственное достояние. Я писал там о моих последних безрадостных днях, о том, что меня поддерживает, и почему я боролся против политики национал-социалистов, почему я очутился здесь. Я видел один только выход — жизнь в условиях благоденствия, свободы и человеческого достоинства может быть создана только социалистами-интернационалистами в Европе социалистической. Поэтому я до последнего вздоха боролся в их рядах. Ридель Шнайдер, Хайт Штос, Йорк Раскин, павшие во время крестьянской войны, были моими друзьями-предшественниками. Я сделал все, что мог, и умираю за свою, но не за чужую, враждебную мне идею...

Люди трудом своим могут создать достойную их жизнь. Используя огромные технические возможности современности, организующее начало, они за пределами варварства, именуемого войной, могут достичь великого благосостояния, означающего мир. Я не бездушен, у меня было достаточно горячее сердце, чтобы стремиться к достижению той же цели. Потому я здесь. Человек тем и отличается от животного, что он мыслит и поступает в соответствии со своей волей. Ужасен жребий людей, которых, как стадо баранов, гонят на бойню во имя неизвестных им целей...

Это я пишу со скованными руками, под почти непрестанным наблюдением. Я верю, мои дорогие, наша идея победит, даже если мы, передовой отряд бойцов, все погибнем... Наша маленькая группа боролась честно и смело. Мы сражались за свободу и не могли быть трусами. О, дай мне силы до последнего часа! Дорогая Элизабет, моя любимая! Курт».

Так писал солдат Курт Шумахер, который в ка-

зарме и тюрьме носил солдатскую куртку и в приговоре назывался солдатом. Призванный в армию, он продолжал бороться против варварства войны... И арестован он был в военной казарме. У него были свои убеждения, с которыми я не соглашался, но я не вступал с ним в споры — я был только тюремным священником. Но я уважал его мысли, уважал мысли тех, кто страдал, кто уходил на казнь во имя идеи. Я вспоминал Христа, Голгофу, крест, который он нес на своих плечах... Курт Шумахер до службы в армии был резчиком по дереву — скульптором — талантливым или второстепенным, сказать не могу, но вылепленный им собственный духовный образ представляется мне совершенством человеческой красоты...

Его жена Элизабет Шумахер, к которой он обращает последние слова любви в своем предсмертном письме, зная, что она не прочтет этого письма, находилась рядом, в нескольких шагах от мужа, в соседней камере, но их уже разделяла вечность.

А часы неумолимо отсчитывали время. Служители тюрьмы начали готовить их в последний путь. Мужчинам постригли волосы, переодели в холщовую одежду, в которой они должны были предстать перед богом. Приехал прокурор Манфред Редер — глашатай смерти. Я спросил его, почему меня не известили о предстоящей казни, он ответил холодно и равнодушно: «Участие священника не предусмотрено».

Среди осужденных в тюрьме Плетцензее был старший государственный советник Рудольф фон Шелиа. Вероятно, слух о предстоящей казни дошел до его друзей. Вечером в тюрьму явился незнакомый мне человек из министерства иностранных дел. Он спросил у прокурора, что он может сказать по поводу отсрочки казни Рудольфа фон Шелиа. Редер пожал плечами,— ему ничего не известно. Чиновник из министерства стал убеждать прокурора, что фон Шелиа обязан передать числящиеся за ним служебные дела и поэтому следует отсрочить казнь. «Закон есть закон»,— ответил Редер и отвернулся.

Я не знаю, кем был посланец из министерства, может быть, другом Рудольфа фон Шелиа, но возможно, что этот человек был послан самим фон Риб-

бентропом, который пытался спасти жизнь ненавистного ему сотрудника, чтобы не допустить компрометации своего министерства казнью ведущего дипломата. Не знаю, могло быть по-всякому...

Прежде чем закончить рассказ о событиях тех дней в тюрьме Плетцензее, я хочу сказать несколько слов о других людях из группы Шульце-Бойзена. Суды и казни, как мне казалось, шли бесконечно. Осужденные писали строки последних писем и печальной чередой уходили на казнь. Один за одним, один за одним... Умирающие не лгут, они молчат или говорят правду. Эрику фон Брокдорф, приговор которой не утвердил Гитлер, судили снова через две недели и на этот раз приговорили к смерти. Она старалась не дрогнуть перед казнью, не проявить слабости. В последний час своей жизни она написала: «Пусть никто, не солгав, не посмеет сказать обо мне, что я плакала и дрожала за свою жизнь. С улыбкой я закончу ее — ведь я всю жизнь любила смех и продолжаю его любить...»

Милдрид Харнак вторично судили вместе с Эрикой фон Брокдорф, и в один час они погибли под ножом гильотины. За пять месяцев до казни ее привели в тюрьму цветущую, полную жизни. Последний путь она прошла седой, согбенной женщиной. Что пережила она за эти месяцы, никто никогда не узнает.

Мне запомнились ее густые светлые волосы, которые она скромно зачесывала назад. Она вела скромную трудовую жизнь. Харнаки не имели детей, и все ее привязанности были обращены к мужу. Она глубоко верила в его ум и способности. Сначала Милдрид оставалась только спутницей в борьбе, которую вел Арвид. Она разделяла его треволнения, в страхе ждала его по ночам или бежала ему навстречу по темным улицам. Она вела себя так, как поступают женщины, стараясь сохранить счастье. Но, по мере того как Германия все больше погружалась во мрак, возрастали ее воля, мужество, стремление к истине. Милдрид стала активной участницей Сопротивления.

Милдрид прожила в Германии пятнадцать лет с того дня, когда Арвид привез ее из Соединенных Штатов и назвал своей женой. Милдрид полюбила свою вторую родину, хотя и оставалась американской под-

данной. Перед казнью я долго разговаривал с ней в ее камере. Последние слова ее были: «А я так любила Германию...» Утром в день смерти она перевела на английский язык стихотворение Гёте. У нее не было бумаги, и она написала стихи на полях книги.

Адам Кукхоф, поэт и драматург, был самым старшим в руководящей группе подпольщиков, ему шел пятьдесят шестой год. Я мысленно вижу последнюю встречу с ним. Он сидел за столом, повернувшись спиной к раскрытой двери тюремной камеры. У него были широкие крестьянские плечи и большая голова мыслителя. Склонившись над листком бумаги, он дописывал последние строки прощального письма. Я подождал, пока он закончит письмо. Он положил на него свою широкую ладонь и сказал: «Ну вот, теперь все расчеты с жизнью покончены...»

С Кукхофом мы встречались не раз. Он относился ко мне с доверием, и мы часто говорили с ним о литературе, поэзии, в которую Адам был влюблен с юношеской страстностью. Даже в тюрьме, со скованными руками, он писал заметки о диалектической эстетике. Записи его тоже не сохранились, как и экономические труды его друга Арвида Харнака.

Письмо свое Кукхоф адресовал пятилетнему сыну. Имя мальчика было Уле, родители назвали его так в честь Уленшпигеля, о котором поэт написал пьесу. Адам дал мне ее прочитать (позже я узнал, что его книга служила шифром для секретных радиопередач).

«Мой дорогой маленький и уже большой сын Уле! — так начиналось письмо Адама Кукхофа.— Как бы мне хотелось пройти с тобой перед домом, когда уже станет темно, или, еще лучше, выйти в сад и вместе с тобой посмотреть на звезды, которые ты, малыш, так любишь! Я здесь много писал в большой книге о звездах, много думал о тебе. Помнишь, как тебе захотелось еще раз посмотреть на звезды после воздушной тревоги? Среди этих звезд были две прекрасные, светлые звезды, стоявшие рядом. А потом была еще одна большая звезда, про которую ты спрашивал, как она называется. Помнишь? Или уже позабыл? Это царь звезд — Юпитер. Подумай, у него восемь лун, таких же, как наша луна...

Мы оба любим звезды и давай условимся: в час твоего рождения — между половиной пятого и пятью часами — посмотрим из окна на небо и подумаем в эту минуту друг о друге. А если небо будет хмурым, то подумаем о том, что оно было таким же, когда ты появился на свет и едва не умер, что те же самые звезды скрывались тогда за облаками...»

Покидая камеру, он написал еще несколько стихотворных строк сыну: «Уле, мой дорогой сын, ты громадное мое позднее счастье, и я оставляю тебя сиротой. Но весь народ, нет — все человечество будет отныне твоим отцом!»

Я понимаю,— продолжал священник,— что мои воспоминания далеко не полны. Я не мог встретиться со всеми арестованными, осужденными, их было так много — называли шестьсот человек. К тому же я далеко не всегда знал, что узники, которых мне приходилось посещать в тюрьмах, принадлежали к одной организации. Они никогда не говорили об этом и были правы.

Среди подсудимых находились представители разных социальных слоев немецкого общества, люди разных профессий и разного возраста. Их объединяло сопротивление фашистскому режиму. Старый, как патриарх, Эмиль Хюбнер погиб в один день со своей дочерью и ее мужем. Это произошло в августе 1943 года. Вместе с семьей восьмидесятилетнего Хюбнера были обезглавлены студентки Урзула Гетце и Ева Мария Бух. Обе умерли как святые. Перед смертью, пытаясь спасти других, они обвиняли во всем себя, только себя. Но их жертвенный порыв уже не имел значения — казнили всех приговоренных к смерти.

Вспоминается мне Йон Риттмайстер, образованнейший человек, родом из Гамбурга. Я хорошо знал его еще задолго до ареста. Он был психиатром-невропатологом, его называли фанатиком правды и справедливости. В тюремной камере он продолжал вести научные исследования, изучал философию, и мне казалось, что одержимость наукой захватывала его так, что он меньше других страдал от тюремных невзгод и лишений.

В прощальном письме Риттмайстера проявился

его характер, его нравственный облик, как и у всех других:

«Жизнь в камере для меня не была такой трудной, как могла бы показаться со стороны,— писал он.— У меня не хватало времени, чтобы успеть сделать все, что я наметил себе,— почитать, подумать. Я даже не начал читать Канта «Критику чистого разума», не говоря о Бергсоне — «Материя и память». Книгу Конрада я получил только несколько дней назад, на нее не хватило времени...

Может быть, такой жизненный финал и является для меня естественным, если учесть, что с пятнадцатилетнего возраста я находился под впечатлением судьбы и смерти Джордано Бруно. И моя жизнь была прежде всего борьбой за познание, за познание и за идею. Для другого часто не оставалось времени.

Будь здорова, моя Меки. Я не боюсь. Прекрасные стихи Гельдерлина, которые ты мне прислала, которые я любил еще в юности, согревают меня, поддерживают во время последнего пути... Мне больше нечего бояться».

...Вы обратили внимание? Даже судя только по письмам, можно понять, что осужденные были высокоинтеллектуальными людьми, любили литературу, поэзию, в которой, как в роднике, черпали силы.

Трудно забыть предсмертное послание Ганса-Генриха Куммерова — талантливого инженера и человека чистой, прекрасной души. Его казнили одним из последних, спустя много месяцев после того, как Харнак, Шульце-Бойзен и многие другие уже лежали в могиле. Инженер Куммеров пережил и жену свою Ингу, которая умерла раньше его. Он писал свое письмо долго — с рассвета до вечера, хотя у него оставалось так мало времени... Письмо Куммерова озарило для меня особенным светом истинные цели, ради которых эти люди шли на смерть.

...Сейчас нет нужды подробно говорить о содержании послания Ганса-Генриха Куммерова, полного раздумий над жизнью и горячего стремления рассказать правду о себе и своих единомышленниках. И невольно думается: два немецких инженера — Ганс-Генрих Куммеров и ракетчик Вернер фон Браун были одного возраста, работали тогда в одной обла-

сти военных изобретений, но пути их резко разошлись. Один служил агрессии, вооружал армию Гитлера, другой противодействовал агрессии. Я мало что понимаю в технике, но знаю, что Куммеров был чрезвычайно разносторонним и образованным человеком. Он читал лекции в высшей технической школе, в институте физической химии, работал в бюро изобретений экспериментальной фирмы «Лёве опта радио» и испытывал горячий интерес к тому, что получило потом название «русского чуда».

Вот что он писал матери, когда были уже покончены все счеты с жизнью.

«Не знаю, буду ли я иметь возможность еще раз написать тебе, поэтому хочу сказать сейчас все — все, даже если это будет повторением того, что было когда-то сказано... Возьми, к примеру, слово, понятие — шпион, шпионаж. Но ведь обычный смысл, вложенный в это слово, никак не передает сущности ни моего поведения в продолжение многих лет, начиная с 1918 года, ни поведения тысяч других людей, думающих, как я. Наш образ мыслей, диктовавший нам действия, порождался симпатией к новой России, становившейся нашей второй родиной. Надо было помочь этой России в ее оснащении техникой, вооружить ее для защиты от нападения других государств. И мы стремились помогать нашим единомышленникам и друзьям, передавали им свои знания. С чистой совестью, по идейным соображениям мы экспортировали в Россию технические тайны военных фирм. Так поступал и я, касалось ли это моих собственных изобретений, или принадлежало негодяям-директорам из акционерных обществ, либо германскому государству, которое в тайне все больше вооружалось и все больше косилось на восток, в сторону Советской России. Все, что я знал, что имел, я передавал бескорыстно. Мы же знали, что все это никогда не будет направлено против мирных народов.

Здесь я только хочу объяснить тебе, что руководило мной, повторить еще раз: поступки мои и помыслы всегда были честны... Потом, ты знаешь, русские вынуждены были обороняться, и я горжусь тем, как мужественно они это делали». Мне осталось, сказал

далее Пельхау, рассказать вам о самом трагическом часе предрождественского дня... В коридоре третьего блока тюрьмы тускло горел свет, поблескивала зеленая линолеумовая дорожка, на которую заключенные не смели ступать. Всюду была казарменная чистота, все выглядело безрадостно и печально. В тюрьме царила гнетущая тишина склепа... Осужденных по одному уводили из камер во флигель; у дверей, прислоненные к стене, стояли одиннадцать черных гробов, заполненные древесными стружками... Посреди большой комнаты, перегороженной черным занавесом, стоял старый стол, за который уселся прокурор Редер.

Напротив него выстроились в ряд три палача. Старший был в цилиндре, в белых перчатках и в долгополом рединготе, как факельщик на похоронной процессии. Два его помощника тоже были одеты в черные траурные костюмы.

Первым ввели Харро Шульце-Бойзена.

«Вы Харро Шульце-Бойзен?» — спросил его прокурор.

«Да»,— прозвучал его голос в невыносимейшей тишине.

«Я передаю вас палачу для выполнения приговора...»

Руки осужденного были связаны за спиной. На обнаженные плечи накинута тюремная куртка. Палачи сбросили куртку, взяли его под руки. Харро сделал нетерпеливое движение плечом, которое могло означать одно — я пойду сам. Он шагнул к боксу, где над табуретом с железного крюка свисала веревочная петля. В тишине раздались его последние слова:

«Я умираю как коммунист...»

Он сам встал на табурет, и за ним задернулась черная штора... Через минуту рука в белой перчатке отодвинула штору. Главный палач в цилиндре и рединготе показал всем повешенного и опять задернул штору. Прокурор встал из-за стола и произнес:

«Приговор приведен в исполнение». При этом он вскинул руку в нацистском приветствии.

Тюремный врач деловито распорядился: «Не вы-

нимать из петли двадцать минут, чтобы я мог констатировать смерть...»

Следующим был доктор Арвид Харнак, затем остальные. Ритуал казни повторялся стереотипно: вопрос прокурора, ответ обреченного и вскинутая рука Редера в нацистском приветствии...

После казни мужчин гильотинировали женщин.

Никто из осужденных не произнес ни одного слова, кроме лаконичного «да». Все они умерли молча.

Все было кончено... Палачи и представители власти покинули место казни. Я прошел в тюремный блок, откуда только что увели живых узников. Служители, гремя ключами, запирали камеры, щелкали выключатели. Стало совсем темно.

Выполняя последнюю волю Харро Шульце-Бойзена, я посетил его мать, чтобы рассказать ей о нашей последней встрече.

Она была убита горем, внимательно выслушала меня, потом сама начала рассказывать о своем посещении прокурора Редера. Она пошла к нему сразу после рождества, когда сына уже не было в живых. Вот ее рассказ, который я записал сразу же после посещения семьи Шульце-Бойзенов.

«Я очень скромно изложила прокурору свою просьбу,— рассказывала мать Харро,— просьба заключалась в том, чтобы он разрешил передать рождественскую посылку сыну. На это прокурор Редер ответил:

«Я должен сообщить вам, что в отношении вашего сына и его жены вынесен смертный приговор и в соответствии со специальным приказом фюрера от 22 декабря приговор приведен в исполнение. В связи с особо тяжким характером преступления фюрер заменил расстрел повешением».

Я вскочила и воскликнула:

«Этого не может быть! Вы не должны были этого делать!»

Редер ответил: «Вы так возбуждены, что я не считаю возможным разговаривать с вами...»

После нескольких минут молчания я сказала:

«В гестапо заверили меня, что не будут приводить приговор в исполнение до конца следующего года. Как же можно было нарушать данное слово?»

«На этом процессе,— возразил Редер,— так много лгали, что одной ложью больше, одной меньше — это не так уж страшно».

Я попросила Редера о выдаче тела Харро и его жены, но прокурор отказался сделать это. Мы не могли также получить что-либо из вещей на память о Харро.

«Его имя должно быть вычеркнуто из памяти людей на все времена,— заявил мне прокурор Редер.— Это дополнительное наказание».

Всячески понося и оскорбляя его имя, он пытался оболгать образ Харро, который мы носили в сердце. Когда я попыталась энергично возразить против его гнусностей, Редер угрожающе прикрикнул:

«Я обращаю ваше внимание на то, что вы находитесь перед одним из высших чинов имперского военного суда и будете полностью нести ответственность за нанесение оскорбления».

Когда мой племянник, пришедший со мной, пытался выступить в роли посредника, Редер очень грубо обрушился на него, повторив, что его слова никто не может подвергать сомнению.

Затем я спросила, есть ли последнее письмо от Харро. Редер ничего не ответил, но другой присутствовавший при разговоре чиновник, видимо проявляя ко мне сочувствие, молча протянул мне запечатанный конверт, в котором был последний привет от Харро.

Затем Редер заставил меня и моего племянника подписать заявление, обязывающее нас хранить абсолютное молчание о смерти моих детей и всех этих делах. Нас предупредили, что в противном случае мы будем сурово наказаны. А когда я сказала, что смерть осужденных не удастся долго скрывать, и спросила, что мне отвечать, если кто-то меня спросит о Харро, Редер ответил:

«Скажите, что ваш сын умер для вас...»

Но он не умер для нас, он остался таким же честным и благородным, каким был при жизни».

Вот что рассказала мне мать Харро Шульце-Бойзена. Прощаясь, она показала мне книгу рассказов Максима Горького, которую Харро подарил сестре. На титульном листе он написал посвящение. Эта книга стала семейной реликвией. Харро писал:

«Тик-так!.. Тик-так!.. Человеческая жизнь коротка до смешного... С тех пор как люди существуют на нашей земле, они умирают. У меня было достаточно времени, чтобы свыкнуться с этой мыслью. Сознание того, что твой долг выполнен, может спасти человека от страха перед смертью. Честно и мужественно прожитая жизнь — залог спокойной смерти.

Да здравствует Человек, хозяин своих поступков и устремлений, сердце которого охватывает всю боль мира! Ничто не остается от человека, кроме его поступков. Вечно живут только мужественные, сильные духом люди, посвятившие себя служению свободе, справедливости и прекрасному. Это они освещают жизнь таким ярким и мощным светом, что прозревают слепые.

Не щадить себя — наиболее прекрасная и благородная мудрость на земле!

Декабрь 1941 года. Харро».

Вот таким был Харро Шульце-Бойзен...

Чтобы завершить рассказ о последних днях немецких героев-подпольщиков, павших в борьбе с фашизмом, следует вернуться к поискам Леонарда Крума — адвоката из Франкфурта-на-Майне. Вот что он написал мне через много лет после трагических событий. Оказалось, что он тоже встречался с Гарольдом Пельхау:

«Встреча с тюремным священником,— писал он,— помогла мне найти наконец то, что я искал по поручению моего клиента Штайнберга. Мне удалось документально подтвердить точное время казни Ингрид Вайсблюм и ее мужа. К тому времени я много передумал и перестал быть адвокатом, который ради гонорара берется за любое дело.

Прощаясь, я спросил у священника, не знает ли он, где могут храниться документы об исполнении смертных казней по приговорам военно-полевых судов. Я рассказал ему о бесплодных поисках дела Вайсблюм. Гарольду Пельхау эти имена были незнакомы. Он сказал мне:

«Находят не всегда там, где ищут... Попробуйте обратиться в бывшую женскую тюрьму на Барнимштрассе. Пятого августа 1943 года в Плетцензее од-

новременно казнили двенадцать женщин, принадлежавших к группе Шульце-Бойзена. Обычно сообщения о казнях посылались из Плетцензее в ту тюрьму, где до этого содержались приговоренные к смерти, для подтверждения того, что казнь состоялась».

Я снова принялся за поиски. В тюрьме на Барнимштрассе мне действительно кое-что удалось найти. И не только то, что касалось Ингрид Вайсблюм и Клауса Герцеля. В подвале тюрьмы, где, возможно, происходили допросы арестованных, были в беспорядке свалены груды документов. Я потратил массу времени, пока не наткнулся на папку с надписью «Исполнение казней».

Прежде всего мне бросилась в глаза копия распоряжения Адольфа Гитлера на бланке ставки верховного главнокомандования германской армии. Она начиналась так:

«Резиденция фюрера. 21 июля 1943 года.

Содержание: Прошение о помиловании семнадцати приговоренных имперским верховным судом к смертной казни и лишению навечно гражданских прав участников преступной группы «Красная капелла»».

Дальше шел список осужденных — всего семнадцать человек, среди которых были многие, о которых я уже знал. Дальше было написано заключение:

«Прошения о помиловании отклоняю...

Подлинник подписал: Адольф Гитлер.

Начальник штаба верховного командования вооруженных сил Кейтель».

К приказу фюрера было подколото еще одно распоряжение за подписью адмирала Бастиана:

«Председатель имперского верховного военного суда.

Берлин, 4 августа 1943 года.

После того, как фюрер отклонил прошения о помиловании, приказываю привести в исполнение приговоры в отношении следующих осужденных...»

Дальше шел тот же список в семнадцать человек. На другой день их всех казнили в тюрьме Плетцензее.

Потом я нашел выписку из книги регистрации смертей. Она касалась Ильзы Штёбе.

«Берлин-Шарлоттенбург. № 5668. 23 декабря 1942 года.

Журналистка Ильза Штёбе. Вероисповедание — евангелическое. Проживала: Берлин, Франкфуртераллее, 202 (у матери).

Родилась 17 мая 1911 года в Берлине. Отец — Макс Штёбе. Последнее местожительство неизвестно. Умершая была незамужем.

Умерла 22 декабря 1942 года в Берлине. Шарлоттенбург, Кеннигсдамм, 7.

Записано со слов свидетеля — помощника надзирателя тюрьмы Вернера Шварца, проживающего в Вайсензее. Свидетель заявил, что удостоверился в смерти лично.

Причина смерти: обезглавливание.

Свидетельствую и подписываюсь: Вернер Шварц».

Такие же справки касались Рудольфа фон Шелиа, который умер 22 декабря 1942 года, с указанием часов и минут. Причина смерти: повешение. Фрида Везолек, причина — обезглавливание, Курт Шульце, Станислав Везолек... И всюду место смерти—тюрьма Плетцензее.

Здесь я и нашел то, что так долго искал: справки о казни Ингрид Вайсблюм, умершей четвертого июля 1943 года в 20 часов 42 минуты, и Клауса Герцеля, погибшего в тот же день на двадцать шесть минут раньше.

Мой клиент Штайнберг был доволен и рассыпался в благодарностях, а я до времени не говорил ему о своих планах и настроениях. Он подал в суд, уверенный, что спор о наследстве будет решен в его пользу.

Но Штайнберг рано торжествовал. Дело в том, что мне удалось найти дочь Ингрид Вайсблюм, которая стала взрослой девушкой. Она воспитывалась в семье мелкого банковского служащего в Люнебурге, недалеко от того места, где жил после войны доктор Манфред Редер. У девушки сохранилось то же имя — Елена, но фамилию ей дали другую. Приемные родители оказались порядочными людьми и подтвердили события многолетней давности. Их показания засвидетельствовали в нотариальной конторе, и они приобрели законную силу.

В мои поиски была посвящена только одна женщина — дальняя родственница Герцеля, которая тихо

жила всё в том же домике и не подозревала, что над ней нависла угроза, что супруги Штайнберг зарятся на ее жилье. Женщина была несказанно рада встрече с Еленой, которую хорошо помнила и думала о ней с печалью. Мне хотелось сделать доброе дело для этих двух обездоленных женщин — старой и молодой. Штайнбергу я ничего не сказал, опасаясь, что он найдет какие-то новые лазейки, чтобы утвердиться в незаконном наследстве. Конечно, я отказался вести его дело, явившись в суд, в сопровождении дочери Вайсблюм и родственницы ее отца.

Процесс о наследстве привлек внимание любопытных судебных завсегдатаев, о нем появилась хроника в газетах. Суд вынес решение в Пользу Елены Вайсблюм-Герцель. Однако этим дело не кончилось. Штайнберг подал на меня в суд по обвинению в разглашении профессиональной тайны и нанесении ему материального ущерба. Вот когда мне пришлось скрестить шпагу с судьями, которые в гитлеровские времена чинили суд и расправу в Германии! Об этом тоже много писали. Газеты разделились на два лагеря, в зависимости от своего политического направления. Суд вынес мне обвинительный приговор, назначив довольно высокий штраф. Я оспорил иск, но снова проиграл дело. Мне пришлось заплатить штраф. И тем не менее я был удовлетворен процессом. В суде я повторил те же слова, которые говорил бывшему нацистскому прокурору Редеру: «Мертвые беззащитны, мы обязаны их защитить, если уверены в их правоте».

Клиентура моей адвокатской конторы тоже изменилась. Признаюсь, были клиенты, которые отшатнулись от «красного» адвоката. Но я был горд, когда ко мне обратились новые мои друзья с просьбой взять на себя защиту старого подпольщика-коммуниста, участника антифашистского Сопротивления, обвинявшегося в том, что он состоит в запрещенной Коммунистической партии Германии. Были и другие процессы, в которых я принимал участие, в частности процесс о запрещении возрождавшейся неонацистской партии. Я вступил в объединение прогрессивных независимых адвокатов. Это и привело меня в Москву на международную конференцию юристов, посвя-

щенную сроку давности фашистских преступлений. А ведь все началось с того, что я взял на себя когда-то дело о наследстве казненной Ингрид Вайсблюм...

Мой путь — путь немецкого интеллигента, познавшего истину. Я хочу посвятить свою жизнь борьбе за то, чтобы в нашу Германию не вернулось мрачное время нацизма. Пожелайте мне в этом успеха! Я остаюсь беспартийным, пока беспартийным. Но ведь Харро Шульце-Бойзен тоже формально не был коммунистом. Для меня он и его единомышленники остаются светлым примером в борьбе и жизни...

Прилагаемые материалы можете использовать по вашему усмотрению.

Леонард Крум,
адвокат».

* * *

В двадцатую годовщину существования Германской Демократической Республики Советское правительство наградило орденами группу немецких антифашистов, принимавших участие в борьбе с нацизмом в годы второй мировой войны*. Многие из них были награждены посмертно. От имени Советского правительства эти награды вручил их близким посол СССР в Германской Демократической Республике Абрасимов.

— Мы собрались сегодня,— сказал он,— чтобы выразить чувства глубокого уважения группе благородных, мужественных борцов германского антифашистского Сопротивления, имена которых навечно останутся в памяти не только немецкого народа, но и народов Советского Союза и всего свободолюбивого человечества. К глубокому сожалению, большинство награжденных геройски пали от рук нацистских палачей, и ордена в этой связи будут вручены их ближайшим родственникам, многие из которых сами были активными борцами Сопротивления.

Организация Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака занимает особое место в германском антифашистском движении Сопротивления не только

* По некоторым соображениям, не все имена награжденных советскими орденами участников антифашистской организации были преданы гласности.

потому, что она была многочисленной, но и потому, что в ней для решительной борьбы с германским фашизмом объединились представители самых различных классов и слоев населения Германии. Коммунисты и беспартийные, верующие и атеисты, рабочие и инженеры, писатели и чиновники, солдаты и офицеры, домашние хозяйки. Эта организация была ярким воплощением идей единого антифашистского фронта, за которые боролась Компартия Германии под руководством Эрнста Тельмана.

Значение организации Шульце-Бойзена, Харнака, состоит в том, что всех ее борцов объединяла еще одна общая идея, которая была главной целью их борьбы: Германия должна жить в постоянном мире и дружбе с Советским Союзом и тесно сотрудничать с ним во всех областях. О первых же замыслах Гитлера относительно нападения на СССР руководители организации немедленно информировали представителей Советского Союза. В последующем все, что становилось известным о подготовлении нацистской Германии к нападению на СССР, руководители организации сообщали в Москву. Все это было большим вкладом в великое дело последующего разгрома нацизма.

Я напомню слова товарища Брежнева, сказанные им в Берлине 6 октября 1969 года в связи с двадцатилетием ГДР, которые полностью относятся к участникам группы Шульце-Бойзена, Харнака:

«Лучшие сыны немецкого народа — коммунисты, антифашисты пронесли через всю вторую мировую войну, через террор и преследования, через пытки фашистских тюрем и концлагерей верность пролетарскому интернационализму, любовь к Советскому Союзу — родине социализма. В этом они видели свой высший патриотический долг, высшее проявление любви к собственному народу».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Корольков Юрий Михайлович
ГДЕ-ТО В ГЕРМАНИИ...

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редактор *О. В. Вадеев*

Младший редактор *Н. С. Коблякова*

Художник *Н. П. Пешков*

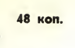
Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 11 января 1971 г. Подписано в печать 19 апреля 1971 г. Формат 84 X 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 13,86. Учетно-изд. л. 12,52. Тираж 200 тыс. экз. А00272. Заказ № 119. Цена 48 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.



48 коп.